

2

2012

2012 (P)

МИВА

М. Масалин. Падшие и чистильщики (продолжение повести)

В. Шупейкин. "Дорогая редакция..." (окончание повести)

Н. Махамбетов. Наследие (повесть)

С. Тан. Между двух миров...

К. Первушин. Приезжайте на родину

Е. Дубовая. Палитра Павла Лысенко

М. Останькович. Поэзия музыки

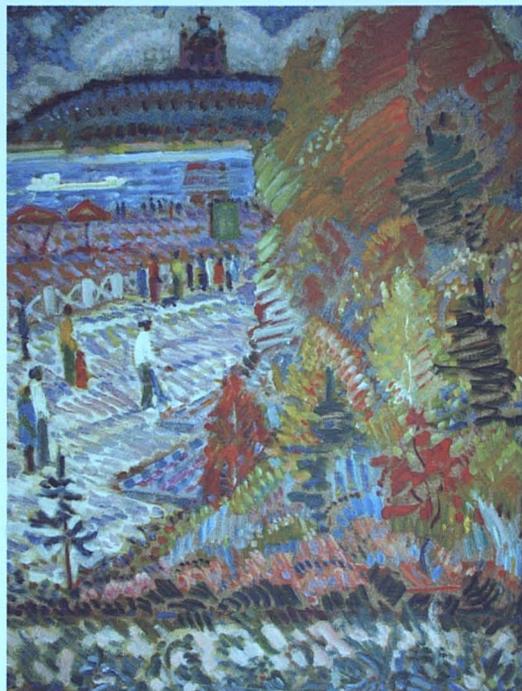
Н. Шмигалёв. Почти как три богатыря

ИЗОальбом "ИРТИШ"

Из работ Павла Лысенко

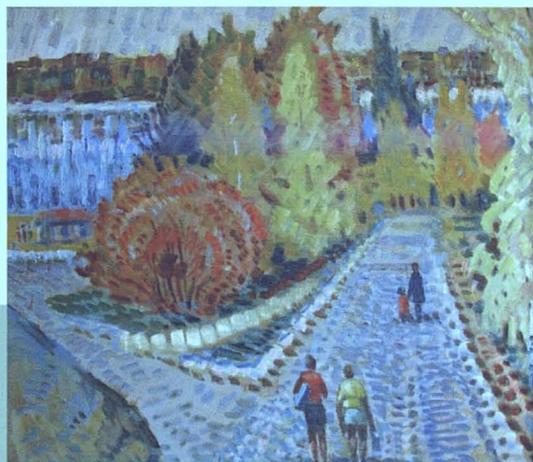
В город пришли цветы.

Осенний пейзаж.

Вечер на Иртыше.

Набережная Иртыша.

№ 2
2012

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ**
(г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы),
Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Поэзия

И. Елефтериади. «В целом мире с тобой потеряемся мы...». Стихи **3**
С. Ким. «Сердце бьётся горестно и сладко...». Стихи **49**
А. Бывшев. «Даль зовёт к себе в объятия...». Стихи **88**

Проза

М. Масалин. Падшие и чистильщики. Повесть о героях
и антигероях эпохи перемен (продолжение) **11**
В. Шупейкин. «Дорогая редакция...». Повесть (окончание) **56**
А. Зайцев. Собака. Рассказ **95**

Культура. Общество. Личность

М. Останькович. Поэзия музыки **98**

Горизонты духовности

Н. Зайцев. Чудное мгновение **102**

В семейном кругу

Н. Махамбетов. Наследие. Повесть **106**

Искусство

- Е. Дубовая.** Палитра Павла Лысенко 124
П. Лысенко. Этюды 129
-

На житейских перекрёстках

- Сулу Тан.** Между двух миров... *Новелла* 131
-

Из почты «Нивы»

- З. Кдралина.** Свет настоящей жизни 135
-

Краеведение

- К. Первушин.** Приезжайте на родину 137
-

Приключения. Детектив. Фантастика

- Н. Шмигалёв.** Почти как три богатыря.
Волшебно-приключенческая сказка 152
-

Сатира и юмор

- И. Шухов.** Пародии 185
-

Изоальбом «Нивы»: из работ Павла Лысенко. На первой странице обложки – «На причале», на четвёртой – «Дождик».

К сведению читателей

В декабре 2011 года сайты нашего журнала www.niva-kz.narod.ru и www.niva.ucoz.kz посетили 5200 читателей из 22 стран: 2442 из них — жители Казахстана, 1750 — россияне. Остальные представляют США, Германию, Украину, Польшу, Белоруссию, Португалию, Исландию, Грецию, Израиль, Китай, Францию, Молдавию, Испанию, Великобританию, Азербайджан, Киргизию, Болгарию, Литву, Эстонию, Узбекистан.

Иван ЕЛЕФТЕРИАДИ

*“В целом мире с тобой
потеряемся мы...”*

Новогоднее

Не обогнать пуанты стрелок
В неудержимом фуэте,
Когда, теряясь в свете белом,
Спешишь к единственной мечте.

Когда и где, с каким ударом
Твоих часов, красив и горд,
Поймёшь, что прожил ты не даром
Хотя бы этот, прошлый год?

И в новом, слепо оставляя
Очередную высоту,
Торопишь время, догоняя
Свою капризную мечту.

Да будет путь твой не по кругу,
Такое счастье на веку,
Какое сам отмеришь другу,
Соседу, брату, земляку.

**Иван
Антонович
ЕЛЕФТЕРИАДИ**

родился в 1955 году в Акмолинской области. Работает художником-оформителем на Карагандинской ГРЭС-1.

С 1980 года является членом литературного объединения «Магнит» г. Темиртау и членом Союза писателей Карагандинской области.

Автор сборника стихов «Бессонница». Печатался в республиканских и международных газетах и журналах.

Стихи Ивана Елефтериади можно найти в 1 книге трёхтомника «Жемчужная поэзия Казахстана». В «Ниве» публиковался в 90-е годы.

За окном морозец цепкий
 Гонит всех под крыши гнёзд,
 Старый тополь тянет ветки
 К жемчугам вечерних звёзд.

Колыбельную метели
 Напевают, как и встарь,
 За окном — палитра Гжели,
 За окном — творит январь.

Бессонница

Средь звёзд
 Благоустроенная клетка
 Повисла на четвёртом этаже,
 А за стеной
 Храпит моя соседка,
 Десятый сон
 Ей видится уже.
 Ей, за стеной,
 Плевать на эти выси.
 Ей, за стеной,
 Пожалуй, всё равно
 Не слышно, как
 Хохочет рыжим диском
 Луна
 В моё горящее окно.
 А снится ей
 Приличная зарплата,
 Непьющий муж,
 Во что его одеть,
 И та любовь,
 Которую когда-то
 Не довелось получше разглядеть.

О, эта ноша
 Нелюбимых женщин —
 Слоёная,
 Но вовсе не пирог.
 Блеск ярких дней
 Становится всё меньше,
 А серые
 Загадали порог.
 И вздохами наполнены подушки —
 Свидетели
 Бессилия и слёз,
 А на полу
 Разбросаны игрушки,
 И вновь мольба —
 Скорее бы подрос...
 Испепелю до пальцев сигарету,
 Завидуя
 Соседкиному сну,
 А мой опять
 Пропал, гуляет где-то,
 Прижав к себе
 Распутницу весну.

Сон

Мне снился храм Дельфийский
 И Парнас,
 Была за облачком вершина скрыта.
 Стоял внизу, а рядом — мой Пегас
 Зализывал разбитые копыта:
 Устал с дороги и упал без сил,
 Но смотрит снисходительно крылатый,
 Я, дескать, сюда многих приносил,
 Передохнём немного — и в пенаты.
 Затем сказал:
 — Вернёмся, дорогой,
 Нам не помогут дружеские узы,
 Наверх нельзя,

Здесь, брат, закон крутой,
Здесь правит Аполлон
И, как их... музы.
К вершине этой,
К ней ступеней нет, —
Кивнул Пегас в заоблачное лоно, —
Путёвок нет,
И даже партбилет
Совсем не аргумент для Аполлона.
В ответ я крикнул:
Ты мне не указ!..
Не дело лошади учить мужчину,
И что плевать хотел я на Парнас,
Сейчас я покорю эту вершину.
Вдруг сверху грянуло
Насмешливое «Раб!»..
Проснулся я и рад был,
Что не сплю,
Ведь мне с Парнаса
Бросили шторм-трап,
В полёте он похож был на петлю.

Пепельница

Они давно уже потухли,
И вот — покоятся на дне
Большого кладбища окурков
В оторопевшей тишине.

Всего-то жизни у бедняжек
Взлететь из пачки в чей-то рот,
Сверкнуть в конвульсиях затыжек
И опрокинуться за борт.

Всего-то несколько мгновений..
И всё же очень жалко тех,
Что, не узнав ещё горенья,
Померкнут в нашей суете.

Для них, конечно же, не важно
Из какой пачки лечь на дно,
Но важно то, что всех однажды
Объединит здесь одно «но»:

Когда, не успевая ахнуть,
Сгорят и «Кэмэл», и «Памир»,
То одинаково запахнут,
Уйдя в, пожалуй, лучший мир.

Флюгер

Не знал он, что такое стресс,
И в душу никому не лез,
Он делал то, что повелят,
И в прошлом не терял свой взгляд,

Не клят, не мят, не без наград...
Чем в этой жизни дорожил?
Ничем. Вертелся он, не жил.

А было ли? Полуподвал,
В нём мастерская у Серёги...
Я час назад экзамен сдал,
У батареи грею ноги.

Неблагодарная стезя
Учиться и учить искусству,
Жить ею можно, коль нельзя
Не верить собственному чувству.

В «застенке» батик и холсты,
С теплом приходит чувство лени,
И от недавней суеты
Идёт делёжка впечатлений.

Войдя дымящейся толпой
С ассортиментом из лавчонки,
Сварганить ужин непростой
Сулят на радостях девчонки.

И получаса не пройдёт —
Верстак украсят разносолы...
Исчезнет этот натюрморт
С напитками довольно скоро.

А солнце уходило в тень
И вечер был и тих, и светел,
И пили мы в Татьянин день
За всё студенчество на свете...

А было ли? Через года
Поделят всех пути-дороги...
Татьянин день — он навсегда,
Жаль... нет Серёги...

Всегда со мной

Бакинский рейд. С увязшей парой-тройкой
В свинце тумана чёрных танкеров
Болгарской незатейливой постройке,
С бессонницей вспотевших катеров,

В тумане, как в лесу — важнее уши,
Рассыплет склянки ранние матрос...
Последний час на вахте, и о суше
Само собой решается вопрос.

В курилке позабыты дым и нарды,
Ворчит буксир, приняв меня на борт.
На берег! Прошивает остров Нарген
Лучом маячным задремавший порт.

И непроглядь, и юности болтанку
Не позабыть мне на своём веку,
Со мной всегда выдавший виды танкер,
Хмельная вахта и тепло Баку.

Он лучился добром, он мне снился потом,
Он и завтра мне душу излечит.
Выпав на сердце золотом и серебром,
Астанинский октябрьский вечер.

Мы читали стихи, и мы слушали их,
Проповедуя и назидая,
Не делили себя на чужих и своих,
На всех муза одна — родная.

А Покров скорил бег, но опаздывал снег,
Чай в пакетах дымился в угаре,
Наш бессонный ночлег был похож на Ковчег,
Но без Ноя и всяких там тварей.

Что там телеэкрэн... Кандыбаев Иван!
Он о Павле Васильеве слово
Так вложил в мой дырявый бездонный карман,
Что там нет уже мест для другого.

Была ночь хороша, и лились не спеша
Стихотворные строки в истоме,
Были: строгая Ольга, Татьяна — душа
И хозяйюшка — золушка Тоня.

Захотелось опять и любить, и дерзать,
Всё же слово и правит и лечит...
Жаль, что надо домой... не хотел уезжать,
Но уехал... В надежде на встречу.

Наследник

Жизнь — не музыка,
Но без последней
Часто первая, как тренажёр.
Первой так же
Нужен наследник,
Как для музыки дирижёр.
Чтоб не только по нотам
Знал он
Жизнь, завещанную отцом,
Но и чаще
К строгому залу
Поворачивался лицом.

Спальный вагон

Колёса грянули канкан,
Прогнулись рельсы, как подмости,
Несло окно-телеэкрэн
Тепла дневного отголоски.

Поехали. Сбежал вокзал,
Гирлянды пригородных окон...
И чья-то высохла слеза,
Кокетливо поправлен локон,

Улыбка с просьбою помочь...
Вот первая звезда несмело
Сквозь догонявшую нас ночь
На горизонте забелела.

А скоро и речная гладь,
И пробегавшие вокзалы,
И степь укладывалась спать
Под звёздно-синим одеялом.

Но чуток сон —
Не повернули б
В недавний и пустынный зной...
Объяты жаркие июля
Оставил поезд за спиной.

Змеёю выполз из тоннеля —
Норы со знаком «Берегись»...
Ну вот и всё, и прогремели
Вагоны в завтрашнюю жизнь.

Бабье лето пришло!
 Бабье лето пришло!
 Мне сегодня
 С прохладой ранней
 Подарить новый холст —
 Своё ремесло
 Поспешил
 Зачарованный странник.
 Бабье лето пришло!
 Вновь явилось оно
 Утомлённой душе,
 Как награда.

Посмотрите в окно —
 Кто-то крутит кино
 О вселенской тоске
 Листопада.
 Бабье лето пришло!
 Время ярких картин,
 От них просто
 Ну некуда деться!
 И звенит надо мной
 Серебро паутин
 Доброй сказкой
 Далёкого детства.

Нет в бессоннице вашей вины...
 На излёте декабрьской ночи
 Одинокая долька луны
 Попрошаться со мною не хочет.
 Разумеется, вам невдомёк,
 Как, сойдя с орбитального круга,
 Торопились мы на огонёк
 От своих одиночеств к друг другу.
 Не измена, обида иль страсть,
 Не бессилье, не месть и не похоть,
 Никакая другая напасть,
 От которой неловко и плохо,
 Никогда не свела бы нас с ней
 В спящем околоземном пространстве...
 Просто мы потеряли друзей
 В круговерти беспомощных странствий.
 Наш нелепый, немой диалог,
 Этот крик исковерканных судеб,
 Разбудить вас, конечно, не мог...
 Нет, никто вас за это не судит...
 Вы и ночь, что была на двоих,
 Эту встречу, мою перемену,
 Не отыщите в грёзах своих,
 И простите меня за измену.

Просто осень

Вновь осень, и озябшею калиной
 Я снова очарован и сражён...
 Всё это — отопительный сезон —
 Лукаво объясняешь ты картину.

Да, просто отопительный сезон,
 И в небе просто выгорело солнце,
 И редко открывается оконце —
 Прохладно, потому и не резон.

И просто я на волю не хочу
Из твоего пленительного плена...
Слетит блокнот с уставшего колена,
И, как всегда, задуеть ты свечу.

И сколько ещё времени сожжём!
А в памяти останется мгновенье...
Ко сну отходят дачи. Омовенье
Свершая под октябрьским дождём.

Ни на вздох, ни на взгляд не отвечу.
И на углях ушедшего дня
Эта, будто случайная, встреча
Не зажжёт, не растопит меня.

Две руки, две судьбы, два молчанья
Никогда не сольются в одно.
Жизнью розданы два отчаянья,
Понимания не дано.

Вечер украдкой заглянет в окошко замёрзшее,
В ультрамарине погаснут белила зимы,
И гороскопам назло все дела будут брошены,
И в целом мире с тобой потеряемся мы...

Мы помолчим о разлуке, казавшейся вечностью.
Мир не услышит ни звука досады и зла,
Только не будет в молчании этом беспечности,
Той, что когда-то с тобою меня развела.

И одиночество канет в бокалах рубиновых,
Свечи затеплит волшебная звёздная мгла,
Будут звучать и, конечно же, только любимые,
Стихотворения те, что ты знать не могла.

В них расскажу я о том, куда прячется мелкое,
И как с надрывом высокое тянется ввысь,
Как в ожиданьи следил за минутною стрелкою...
Я расскажу тебе всё... ты только вернись...

Вечер украдкой заглянет в окошко замёрзшее,
В ультрамарине погаснут белила зимы,
И гороскопам назло все дела будут брошены,
И в целом мире с тобой потеряемся мы.

г. Темиртау.

Марат МАСАЛИН

ПАДШИЕ И ЧИСТИЛЬЩИКИ

Повесть о героях и антигероях эпохи перемен

(Продолжение. Начало в № 1 за 2012 г.)

На деревообрабатывающем заводе, находящемся в Сибири, началась забастовка рабочих, недовольных зарплатой и условиями труда. Дирекция, не идя им на уступки, вела безуспешные переговоры с лидерами забастовочного комитета в течение недели. Хозяин, находясь вдали от места событий, в своём родном городе, по телефону велел дирекции завода держаться жёсткой линии и не соглашаться на требования бастующих. Он был уверен, что упорства забастовщиков надолго не хватит, так как им нужно кормить семьи. Но ситуация осложнилась: на завод пришли ревизоры финансовой полиции. Уже на начальном этапе проверки финансовых документов вскрылись факты уклонения администрации завода от уплаты налогов на крупную сумму, а некоторое время спустя против директора и главного бухгалтера было возбуждено уголовное дело. По прошествии ещё трёх дней эти двое были арестованы. Хозяин вместе со своим помощником Блондином вынужден был отправиться в сибирский город, чтобы самому разобраться с возникшей неприятной ситуацией на своём заводе.

В тот же день срочно вылетел в Россию ещё один человек – прокурор города. Он, взяв на работе краткосрочный отпуск, отправился в Подмоскovie, где накануне был ограблен его дом, приобретённый год назад за большие деньги. Среди похищенных ценностей значились картины и предметы старины, купленные им на аукционе в Сотби. Владельцу необходимо было быстрее попасть на место происшествия, чтобы организовать поиски исчезнувшего имущества по горячим следам.

В эти же дни в городе отсутствовал и начальник ГУВД. Он уже две недели находился в Израиле якобы на лечении. Отъезду главного полицейского из города предшествовала большая статья о нём негативного содержания в одной популярной в народе газете.

В день отбытия Хозяина в Сибирь и главного прокурора города в Подмоскovie временно исполняющий обязанности начальника ГУВД полковник Мендигалиев по почте получил от анонимного лица заявление об участии некоего гражданина Кутбола Икласа в убийстве Банкира. В заявлении сообщалось, что этот человек в настоящее время находится на загородной тренировочной базе, принадлежащей Хозяину. Полковник о возможности появления этого заявления знал заранее и успел заблаговременно составить план действий. Как только послание оказалось у него в руках, он тут же вызвал к себе командира СОБР – специального отряда быстрого реагирования – майора Сагындыкова, своего выдвиженца, и поручил ему как можно быстрее и без шума задержать и водворить в КПЗ

гражданина Кутбола Икласа под любым предлогом.

К вечеру Кутбол Иклас был задержан на подходе к квартире своей любовницы «по подозрению в участии в групповом изнасиловании женщины на территории городского вещевого рынка». И в тот же вечер молодой и весьма толковый следователь ГУВД капитан Нургалиев, тоже выдвигенец Мендигалиева, начал проводить следственные действия: Кутболу Икласу предъявил обвинение в убийстве Банкира, причём в качестве доказательств привёл несколько фактов, соответствующих действительности. Подозреваемый растерялся, стал путаться в ответах, затем потребовал пригласить адвоката и дальше перестал разговаривать. На другой день утром ему был представлен адвокат, вызванный из городской адвокатской конторы, и дознание продолжалось. Допрашиваемый периодически пил воду, курил сигареты, которые брал у следователя. А сигареты были непростые – с особой начинкой, о чём знал только Нургалиев. Вскоре Кутбол Иклас сознался в покушении на Банкира, назвал двух своих сообщников, но чья пуля из троих сразила жертву, сказать не смог. Куда делись впоследствии три винтовки, использованные в том деле, он тоже не знал. На вопрос следователя: «Может, они хранятся на тренировочной базе или в банно-спортивном комплексе?» – тот пожал плечами и сказал: «Может, да, а может, и нет». Он протокол допроса подписал не читая, так как понял, что тюрьмы ему всё равно не избежать.

В тот же день полковник Мендигалиев в конфиденциальной обстановке получил у первого заместителя городского прокурора Сабыргалиева, временно исполняющего обязанности своего отсутствующего шефа, санкцию на обыск в банно-спортивном комплексе с привлечением бойцов СОБР.

У КПП банно-спортивного комплекса остановился джип с затемнёнными стёклами. Из машины вышли трое мужчин в цивильной одежде и вошли в помещение, где сидели трое дежурных бойцов службы охраны объекта. Пока шёл разговор между сторонами о том, где Хозяин и его помощники, из машины вышли ещё трое и тоже вошли в КПП. Эти сразу показали охранникам санкцию прокурора на обыск и потребовали открыть ворота для проезда на территорию БСК.

– Обыск? По какому праву?! Как вы смеете сюда соваться с такой писулькой?! Вам что, жить надоело? Ну-ка убирайтесь отсюда! – стал ругаться старший охранник, затем он схватился за свой мобильный телефон. Шестеро посетителей быстро скрутили стражей поста, отобрали у них мобильные телефоны, отключили городские и внутренние. Только тогда к КПП подъехали ещё пять джипов с двадцатью пятью бойцами СОБР, облачёнными в бронежилеты, чёрные маски и вооружёнными автоматами Калашникова.

Командир СОБР майор Сагындыков и следователь капитан Нургалиев, предъявив работникам тира санкцию прокурора на обыск, приступили к поиску интересующих их предметов. Полицейский, сопровождавший Нургалиева в качестве личной охраны, отделившись от своего «подопечного», отправился в соседнее жилое здание, чтобы пригласить понятых.

На пистолеты, винтовки и дробовики, разложенные на стеллажах

бойцами СОБР, следователь Нургалиев проверял наличие разрешительных документов. Затем он подвёл «медвежатника» (тот тоже был в бронежилете и чёрной маске) к металлической двери в стене одного из малозаметных закутков. Ключа от этой двери не было ни у кого из работников тира. Вскоре была открыта эта дверь, за которой находилась маленькая комнатка без окна. Было включено освещение. У стены тайника стоял сейф. Дверца его была открыта тем же «медвежатником» при понятиях. В чреве стального шкафа находились завёрнутые в серую материю три винтовки. На них не было разрешительных документов. На изъятие незаконно хранящегося оружия были оформлены акты. После этого следователь и отряд СОБР с изъятими винтовками покинули банно-спортивный комплекс.

В обеденное время этого же дня усиленный взвод СОБР вместе с Нургалиевым прибыл на тренировочную базу Хозяина. Там стражи правопорядка быстро нашли и задержали двух других участников покушения на жизнь Банкира. В целях усыпления бдительности Хозяина, в присутствии других обитателей тренировочной базы им было предъявлено то же обвинение, что и Кутболу Икласу: участие в групповом изнасиловании женщины на территории городского вещевого рынка.

Эксперты ГУВД подтвердили факт использования двух винтовок в покушении на жизнь Банкира, а третьей – в убийстве его. Зависшее уголовное дело получило перспективу на раскрытие. Мендигалиев и Нургалиев отныне думали только об одном: всеми силами сохранить жизнь арестованных до завершения следствия и суда над ними.

Вскоре в одной независимой газете появилось короткое сообщение о поимке полицейскими профессиональных киллеров, участвовавших в ликвидации Банкира. Следом за этой газетой подняли неумолчный шум и другие оппозиционные издания.

Для Хозяина начались трудные дни. Он вынужден был назначить временных исполнителей обязанностей директора и главного бухгалтера деревообрабатывающего завода, удовлетворить требования забастовщиков. В цехах возобновилась работа. Но переговоры с представителями финансовой полиции о закрытии уголовного дела на директора и главного бухгалтера завода не давали желаемого результата. Тут появились новые неприятности: из родного города Хозяин получил сообщение о проведённом в банно-спортивном комплексе обыске и аресте трёх бойцов тренировочной базы. Это вынудило его оставить завод на своего помощника, чтобы тот без него «улаживал» конфликт с финансовой полицией, а сам срочно вылетел в свой город.

Дома его ждали новые клубки сложных и опасных для него проблем. Прежде всего, его старания узнать о ходе следствия по уголовному делу на своих арестованных бойцов упирались в непробиваемую стену секретности, которой огородились следователь и его начальство. Ему не удавалось умерить строгость тех ни через адвокатов, ни через вышестоящие полицейские и прокурорские инстанции. Попытки наладить

скрытные контакты с арестованными через охрану КПЗ тоже не имели успеха: начальство меняло надзирателей несколько раз в течение суток, и каждый вновь заступающий на пост подвергался обыску, чтобы не смог протащить в камеры задержанных запрещённые вещи, продукты питания и записки «с воли». Кроме того, сами арестованные почему-то сторонились адвоката, присланного Хозяином, говорили, что они сами в состоянии разъяснить следователю «историю с изнасилованием женщины». На вопрос адвоката: «А про винтовки что?» – они выражали недоумение: «Какие ещё винтовки? О чём вы? Вы что, хотите навесить на нас ещё какие-то дела? Хватит с нас одной этой истории с изнасилованием!». Вскоре они вообще отказались от встречи с адвокатом, от свидания с товарищами по тренировочной базе и даже с родственниками.

Капитан Нургалиев, который слыл в кругу коллег «Штирлицем допроса», смог «просветить» подследственных об особенностях их положения, которые, по его мнению, заключались в следующем. Во-первых, киллерам суда и длительного срока тюремного заключения не избежать, и поэтому, чтобы хотя бы немного «скостить» срок отсидки, им надо активно сотрудничать со следствием. В противном случае им может «обломиться» даже «пожизненка». Убит не кто-нибудь, а Банкир – очень важная персона. Во-вторых, заказчик убийства Банкира ещё не установлен, находится на свободе. Определить его личность, арестовать и совершить над ним правосудие будет непросто. Видимо, человек он необыкновенный, с большими возможностями. Чтобы быть неуязвимым перед законом, он наверняка постарается убрать до суда опасных для себя фигурантов. Только со смертью киллеров, причём на этапе следствия, «концы дела уйдут в воду», не успев срастись. В-третьих, если киллеры будут осуждены без разоблачения заказчика убийства, то дело всё равно становится завершённым, осуждённые будут отправлены для отбывания наказания. А «заказчик» вздохнёт свободно. Потому что правоохранительные органы к этому делу больше не вернуться. Разумеется, если дальше не раскроются новые «обстоятельства и факты». Например, поимка этого самого «заказчика». В этом случае он получит своё, а осуждённым киллерам «добавки» никакой не будет. В-четвёртых, «заказчик», остающийся на свободе, будет ли «доставать» осуждённых киллеров в тюрьме? Это когда как, трудно уверенно сказать что-нибудь заранее. Время покажет. В-пятых, жизнь на зоне, конечно, не сахар, но всё равно для человека это лучше, чем неожиданно превратиться в мертвеца в период следствия, не дожив даже до суда.

Подследственная тройца, прошедшая только что процедуру очередной очной ставки друг с другом, сидела в наручниках в кабинете следователя. Работал телевизор, но звук его был выключен. Закурив сигарету, Нургалиев продолжал рассуждать буднично, спокойно:

– Вообще-то ликвидация опасных свидетелей и сообщников, как способ сокрытия преступления, идёт с давних времён. И скажу вам, широкое распространение сия штука получила в наши дни. Не зря теперь в юриспруденции всего мира действует институт защиты свидетелей и, конечно, подозреваемых тоже. Только институт этот, догадываетесь, наверно, не везде хорошо работает. Вот я смотрю между допросами

московское кино по телевизору, чтобы быть в курсе новых ухищрений преступников. Заодно и усталость свою снимаю. Вот оно, смотрите сюда! Несчастный! Взял сигарету у адвоката. Закурил... Ушёл адвокат... Надзиратель ведёт этого по коридору. В камеру, куда ещё... Оп-паля! Прохнулся, корчится... утихает... и... конец человеку. Отбоялся и отсиделся грешный в одночасье... Конечно, мы стараемся не допустить такого с нашими подследственными. Для того и веду разговор с вами. Вы сами тоже должны быть бдительными. Как говорится, спасение утопающих – отчасти дело самих утопающих...

Подследственные Нургалиева не любили, но боялись и уважали его, и верили ему. Они поняли, что главный враг для них теперь – не следователь и не уголовный суд, а заказчик и организатор убийства Банкира. Главная задача их самих отныне – дожить до окончания суда, получить по приговору положенные сроки лишения свободы и отправиться на зону отбывать их.

Между тем капитан Нургалиев стал убеждаться, что не удастся скоро установить личность заказчика убийства Банкира. Среди полусотни фотографий, предъявленных киллерам, не было человека, который инструктировал и направил их тогда на преступление. Помощник Хозяина – Шатен, спрятавший три использованные киллерами винтовки в банно-спортивном комплексе, исчез. Вызванные официально на допрос Хозяин, глава службы безопасности его бизнеса, а также управляющие делами БСК и тренировочной базы – все они не знали, где находится сейчас этот важный фигурант в уголовном деле. Против самого Хозяина и другого персонала его двух загородных объектов не было прямых фактов и улик. Шатен был объявлен в розыск.

Хозяин всячески старался узнать о теперешнем месте хранения изъятых как вещдоки винтовок и о результатах баллистической экспертизы, но тщетно. Он поручил главе своей службы безопасности узнать, стоит ли кто-нибудь конкретно за всеми этими «неприятностями», которыми он оказался обложен.

В тот же день, после допроса у следователя, Хозяин был на заседании совета директоров банка и, как член правления, выступил там со своими соображениями по поводу малоликвидного залогового имущества клиентов-должников, предложил свои варианты реструктуризации некоторых долгов банка перед инвесторами. Появление его в банке и выступление с деловыми предложениями было важно не столько для банка, сколько для него самого. Ему было необходимо поддержать свою репутацию в глазах коллег, потому как в деловых кругах появились слухи о нахождении некоторых работников его фирм под следствием и якобы о причастности его самого к убийству Банкира. Выступление его на совете директоров, спокойная и деловитая манера при этом должны были служить доказательством «пустячности» гуляющих по городу сплетен о нём и неизбежности его положения в обществе.

Только к вечеру того дня он смог попасть в банно-спортивный комплекс, чтобы увидеть Наси, по которой очень соскучился за эти насыщенные неприятнейшими событиями две недели.

Он вошёл в апартаменты из четырёх комнат, выделенных специально для Наси. Она стояла в прихожей и вытирала пыль с картины на стене. Увидев его, от приятной неожиданности она уронила тряпку на пол, сдавленным голосом произнесла: «Вы?! Ты?!» – и устремилась к нему, а он – молча, к ней. Они обнялись. Он стал целовать её плачущие глаза, ищущие встречи губы, источающие родной запах и тепло волосы, а она, обняв его, крепче прижималась к нему. Её выпирающий живот упёрся в него, и в этот момент он почувствовал несколько толчков, исходящих от её чрева.

– Что это такое толкает меня? – удивился он.

– Это – кто. Это – Она. УЗИст сказал, что это – Она, – ответила Наси.

– Хорошо! Хорошо! – прижав к себе дрожащее горячее тело и беспрестанно целуя волосы, шею и лицо, заслонившие в этот момент от него весь остальной мир, он торопливо повлек её в спальню.

Лёжа в постели рядом с ним, Наси несколько раз порывалась сказать ему о чём-то, но каждый раз он останавливал её словами: «Потом, потом», – и вновь и вновь обрушивал на неё порывы ласки и любовной страсти.

Они вышли из спальни на ужин поздно вечером. Официантка накрыла стол только им двоим. Когда подошло время десерта, Наси отпустила официантку на кухню и спросила:

– Что будет дальше со мной?

– В каком смысле? – не понял он.

– Пройдёт месяца полтора, и мне понадобится роддом. Куда, в какой роддом я обращусь? Как себя назову? Какой адрес укажу? А потом из роддома куда выпишусь? Что дальше будет со мной, точнее, с ...нами? Попаду... попадём ли мы сюда обратно? Ничего мне не известно. Я как будто повисла на волоске над мраком или нахожусь одна на тонкой маленькой дощечке посередине океана и не знаю ни стороны света, ни того, будет ли помощь мне, если да – какая, откуда и от кого... Я хочу к маме. Я сильно скучаю по ней. Отпусти меня домой. Она не будет сильно ругать меня. Она поймёт и простит меня и тебя тоже...

Наси тихо плакала. Он сидел молча, опустив голову и закрыв глаза. Он представил себе эти апартаменты без Наси, баню и бассейн, служившие ему до неё лоном разврата, голых девок, которые теперь кроме отвращения ничего не вызывают у него, и мужчин-слуг, никогда не возражающих ему, только выполняющих его волю, и посему безликих и опостылевших, но привычных и постоянно нужных ему. Дальше он представил себе свою законную жену, сидящую в кресле возле камина с косметологической накладкой на лице, видом своим дающую ему понять, что присутствие его здесь в тягость ей и желательно, чтобы он скорее с глаз вон. Давно она живёт своей, отдельной от него жизнью. Она нисколько не стремится к тому, чтобы дети их общались с отцом, то есть с ним, чтобы была духовная связь между чадами и родителем. По сути дела, двух его детей связывает с ним только общность фамилии, говорящая о том, что они рождены им. «Надеюсь, что это так в действительности», – с грустью подумал он...

В его памяти выплыла сцена последней крупной ссоры с нею, имевшей место примерно год назад в том же загородном доме. А повод был такой. На приёме в американском посольстве один незнакомый ему

зарубежный бизнесмен, по-видимому, хорошо осведомлённый о неблагоприятных взаимоотношениях влиятельных супругов, а также о податливости женской половины этого союза к вниманию поклонников, стал довольно активно ухаживать за нею, а она выказывала свою благосклонность ему. Хозяину стало очень неловко за флирт своей жены с чужим мужчиной, так как на них стали обращать внимание знакомые соотечественники – представители местной элиты. Улучив удобный момент, он попросил жену вести себя прилично, но в ответ услышал шипение: «Пошёл прочь». Во избежание инцидента он ретировался тут же и уехал из посольства в свой банно-спортивный комплекс, и заливал там виски свои душевные муки. Через день ему стало известно, что иностранный бизнесмен остаток той ночи провёл в её доме. Он прибыл к ней и потребовал объяснений. На этот раз ответом ему были увесистая оплеуха и слова: «Пошёл вон! Что хочу, то и делаю». Ему ничего не оставалось, кроме как повернуться и уйти из дома, а затем и уехать в свой БСК. Ничего из этого он не забыл, только лишь острота душевных мук приутихла со временем...

Воспоминания его прервал голос Наси.

– Дальше тебе со мной будет трудно. Я это чувствую. И причины этого я знаю. Прошу тебя, не мучайся со мной, отпусти меня на родину, к матери. Она обрадуется моему появлению. Она – добрая. Я сама тоже не буду в обиде на тебя. Никому никогда не расскажу о том, что видела в ту ночь возле нашего тамошнего дома и здесь за всё это время. Тебя буду помнить, а ребёнка воспитаю, как смогу. Захочешь, приедешь посмотреть на него...

– Наси, тебе нельзя домой. Там тобою сразу займутся полиция и прокуратура. Они сумеют развязать тебе язык. Ты по глупости одного человека выглядишь замешанной в двойном убийстве и наркотрафике.

– Но это же неправда!

– Конечно, это – неправда. Но факты сложились так, что тебе от них не отмыться... Но ты не волнуйся, я же с тобой! Пойдём, перед сном прогуляемся, – предложил он и поднялся из-за стола.

Спустя три дня он показал Наси паспорт и удостоверение личности с её фотографией, но с данными другого человека: Наталии Александровны Гончаровой, девятнадцати лет. Он ещё дал ей выучить текст её новой биографии и медицинскую справку от городской женской консультации, что на сегодняшний день срок беременности у неё составляет 26-27 недель (на самом деле было 32-33 недели). Она прочитала тексты и спросила:

– Зачем это? Для чего всё это?

Он взял её руки в свои и стал объяснять:

– Наси, отпустить тебя на родину не могу, потому что от этого будет плохо тебе, мне и ребёнку нашему. Это – точно. Ты хочешь, чтобы было плохо тебе, нашей дочке и мне?

– Нет, я этого не хочу!

– И оставаться тебе здесь тоже нельзя: от этого опять же будет плохо и тебе, и мне, и малышке. Ты хочешь этого?

– Нет, не хочу!

– Я, положим, пережил бы наезды всякие на себя, но может получиться так, что от подобных наездов ты можешь пострадать, причём

очень сильно, даже погибнуть... Причины всего объяснять тебе не буду, не обижайся. А паспорт, медицинская справка и биография тебе для того, чтобы ты смогла выезжать за границу без разных там подлых казусов и историй и пожить там некоторое время. Не волнуйся, с тобой поедет мой верный человек. Родишь там. Я тоже приеду туда очень скоро. И у нас там всё будет хорошо. Не возражай, соглашайся.

– В какую за границу? Куда именно?

– В дальнюю. Куда именно – потом узнаешь.

– Мне страшно! – Наси расплакалась.

В утренних сумерках следующего дня, когда обитатели БСК ещё спали, Наси, незаметно для других, села в кабину машины-мусоровоза с тонированными стёклами. За рулём была молодая женщина, незнакомая Наси. Выехав за пределы банно-спортивного комплекса, они поехали по дороге в сторону города.

В банно-спортивный комплекс Наси больше не вернулась.

В тот же день вечером Хозяин приехал в загородный дом своей жены. Он счёл за благо повидаться с нею в данный момент, так как вскоре ему могла бы понадобиться её поддержка, если расследование дела о киллерах примет нехороший оборот. Ощущалось, что некие силы стали плести вокруг него паутину опасных интриг. Ему предстояло снова сыграть роль супруга, незаслуженно отвергаемого женою, сильно скучающего по ней и по детям, жаждущего возвращения в уют и тепло семейного очага. Он должен был «сотворить» в разговоре с нею такой момент, когда можно будет сокрушаться по поводу того, что видятся они очень редко, причём только из-за того, что у неё до сих пор не проходит обида на него, возникшая бог знает когда и за что. Но главной целью его приезда было не стремление к восстановлению нормальной супружеской жизни, а осторожное выяснение того, знает ли она что-либо об отношениях его с Наси. Кроме того, нужно было осторожно прозондировать, что ей известно про обыск в банно-спортивном комплексе и загородной тренировочной базе и о винтовках, изъятых полицейскими в качестве вещдоков преступления.

Вначале он заглянул в комнату детей, поздоровался с ними, поцеловал их, раздал подарки: старшему – футболку с портретом Пеле и футбольный мяч, младшему – шлем с фотографией Валерия Харламова и клюшку. И сказал: «Учитесь хорошо и маму не расстраивайте». Затем он перешёл в апартаменты жены. Извещённая гувернанткой, она вышла в каминный зал для встречи с ним. От поцелуя его она уклонилась и в этот раз, на цветы посмотрела, но не взяла, сказала лишь: «Туда», указав кивком головы в сторону вазы, и села в кресло. Поставив цветы в вазу, он тоже сел в другое кресло.

– Как поживаешь? – спросил он.

– Как видишь, – коротко ответила она.

Наступила пауза. Ему необходимо было продолжить беседу, придавая ей, по возможности, хотя бы некоторые свойства душевности и семейственности.

– Дети здорово подросли. Мне кажется, что им обоим нужно больше нажимать на английский.

Она промолчала.

– Что, если я их обоих на зимних каникулах отправлю в Альпы? Разумеется, с гувернёрами.

– Рано об этом говорить. До зимы ещё далеко.

– Да, знаешь, о чём я хочу посоветоваться с тобой? Помнишь то серое пятиэтажное здание возле совхозного сада? В советское время там была восьмилетняя школа. Сейчас мы те корпуса используем как складские помещения. Так вот, я хочу их снести и строить там жилой дом. Ну, девятиэтажный. А может, и одиннадцатиэтажный. Как будет лучше: мне строить его на свои средства или привлечь деньги дольщиков? Что выгоднее? Как думаешь?

И тут, как назло, зазвонил мобильный телефон в кармане её халата. Она взяла его и стала разговаривать. Слава богу, разговор закончился быстро. Он продолжил прерванную беседу.

– Ну скажи своё мнение на этот счёт. Дело серьёзное, многомиллионное.

В это время снова зазвонил её телефон. Она не стала отвечать на звонок, поднялась и, собираясь уходить в спальню, небрежно кинула:

– Решай сам. Тороплюсь. Как-нибудь потолкуем потом.

Он тоже встал и голосом, дрожащим как у влюблённого юноши, произнёс:

– Как я нуждаюсь в тебе! Как скучаю по тебе! Если бы ты знала! У тебя всегда не хватает времени на меня...

Не удостоив его ответом, она ушла в свои покои. Он понял, что о Наси она ничего не знает, её не интересуют и его дела по бизнесу, конфликты с законом. Сведения о том, что она якобы возмущалась по поводу того, что «муж завёл роман с одной русоволосой молодой азиаткой», похоже, не подтверждаются. Вообще на данный момент она относится к нему весьма индифферентно, наверняка сама сильно увлечена кем-то. И хорошо, если это так. Он тоже не жаждет её любви к себе, лишь бы она не стала врагом ему. Он был весьма доволен «результатами» встречи с женой и, дождавшись в библиотеке за чашкой кофе отъезда её из дома, тоже отправился в свой банно-спортивный комплекс.

По пути он думал о Наси, которую так хочется ему скорее увидеть, обнять и ощутить тепло её души и тела, любоваться её улыбкой вперемежку с укоряющим взглядом, обращённым на него. Только в последнее время он стал понимать, что жизнь его превращается в сплошные ожесточённые действия с его стороны, направленные на сколачивание денег и в нескончаемую жестокую борьбу с конкурентами, которых тоже становится всё больше и больше. Только в обществе Наси он становится умиротворённым, только при ней притупляется в нём жажда выгоды в бизнесе, ослабевают желания мстить своим врагам, «наезжать» на конкурентов, топтать и топить их, только находясь с нею, он стал познавать прелести мирной, спокойной жизни. Увы, его сейчас не ждёт Наси в банно-спортивном комплексе, он её скоро и не увидит. Она сейчас очень далеко. Как дальше-то ему быть с Наси? Как вообще жить? На эти вопросы разумные ответы не появлялись.

В банно-спортивном комплексе ужин ему подал официант. К столу он

не стал приглашать никого. На вопрос Blondина: «Баню готовить?» – ответил отказом. В это время зазвонил его мобильный телефон. Оказалось, что звонил коллега по службе в министерстве, сообщивший, что министр возмущён длительным отсутствием на работе своего заместителя, то есть Хозяина, и завтра же хочет видеть его у себя в кабинете. Звонок этот особо его не тревожил, так как, во-первых, министр – ставленник родителей его жены, не сможет он причинить ему вреда без позволения тех; во-вторых, он сам в последние месяцы стал тяготиться своей службой на посту заместителя министра по причине малой значимости роли этого министерства в политической и экономической жизни страны. Ну что же это за министерство, где финансовый бюджет мизерный, а за каждый освоенный миллион обязательно покажи реально выполненную работу?! Скука и только! Он собирался переходить на другую, более авторитетную в глазах общественности и выгодную для себя работу. Месяц тому назад ему показалось подходящим Министерство финансов, он даже проводил «зондаж тамошней почвы» на предмет смещения с должности одного из заместителей министра с тем, чтобы самому сесть в освободившееся кресло, но, как нарочно, все заместители сидели крепко. Тогда он обратил свой взор на ведомства силового блока, но быстро убедился в несбыточности своих намерений иметь там какой-либо ключевой пост из-за отсутствия у себя юридического образования. Теперь же в связи с переездом Наси за границу для него приобретала актуальность служба в Министерстве торговли, где имеются возможности часто выезжать в загранкомандировки. Если очень постараться, то, может быть, даже удастся заполучить должность посла в той небольшой стране, где сейчас пребывает Наси. Интересующая его страна – не какой-нибудь там пуп Земли, не средоточие мировой политики или экономики, а просто стабильное и спокойное государство с богатой древней историей и культурой, удобное для своих граждан. Там и можно будет потихонечку свить гнездо для себя и Наси. Он повеселел. Поступивший телефонный звонок оказался для него очень кстати, так как дал новый толчок его намерениям о переходе на работу в Министерство торговли. Он понимал, что ему сейчас нужен паспорт с мультивизой на свободный въезд в желанную Западную Европу, которая теперь называется ещё и Евросоюзом.

Он перешёл в спальню Наси, чтобы выспаться после хлопотного дня, но не смог уснуть. Тогда он от скуки пригласил в постель Бану и Мару. Через час он их отпустил, не сказав им ни одного тёплого слова и не испытыв никакой отрады от общения с ними. Остаток ночи он провёл в тревожном сне.

Подгоняемый скукой по Наси, он в течение недели распрощался с прежней работой и добился новой должности постоянного торгового представителя в зарубежном государстве и, ещё неделю спустя, выехал туда на работу.

Как Лепесова и Бабочкина, так и полицейских Мендигалиева и Нургалиева, а также прокурора Сабыргалиева в эти дни часто занимал

один и тот же вопрос: где тот человек, который инструктировал киллеров на убийство Банкира, а также тот, кто руководил ограблением банка? Они что, разные люди или одно и то же лицо, искусно меняющее свою внешность в разной обстановке? Как их (или его) найти? В том, что их (или его) нет среди сотрудников банка, банно-спортивного комплекса, загородной тренировочной базы и на многочисленных малых и крупных производственных предприятиях и фирмах Хозяина, становится фактом. Где конкретно искать и найти исчезнувшего помощника Хозяина – Шатена? Жив ли он вообще? Наверняка он знал в лицо организатора (или организаторов) покушения на Банкира и ограбления банка и поэтому-то и исчез сам.

Арестованные по поводу ограбления банка продолжали сидеть в следственном изоляторе НСБ, но, как стало известно Лепесову и Бабочкину, на возбуждение уголовного дела и активные следственные действия у чекистов ещё не было санкции со стороны вышестоящих инстанций. Повидимому, позже такое уголовное дело появится, но из-за политических соображений (престиж страны и её банковской системы) оно будет строго засекречено. А может быть, и вообще не появится такое дело по тем же соображениям. Такое тоже возможно.

Мысль о том, что убийство Банкира и ограбление банка каким-то образом взаимосвязаны, более того, в обоих случаях заказчики и организаторы – одни и те же лица, продолжала беспокоить Лепесова и Бабочкина. Они окольными путями о своих догадках дали знать коллегам из НСБ, но не имели от них сведений о том, когда официально начнутся следственные мероприятия.

Следователь ГУВД Нургалиев и его начальник Мендигалиев, а также исполняющий обязанности прокурора города Сабыргалиев знали об ограблении банка и о нахождении некоторых участников этого преступления в следственном изоляторе НСБ. Как Лепесов и Бабочкин, они придерживались того же мнения, что убийство Банкира и его брата, а также ограбление банка взаимосвязаны, и посему следовало бы объединить эти три дела в одно и провести расследование силами усиленной бригады следователей. Однако ни Мендигалиев, ни Сабыргалиев проявить такую инициативу перед вышестоящими инстанциями не могли по ряду причин. Во-первых, ни в ГУВД, ни в городскую прокуратуру не поступало заявления об ограблении банка. Получалось, что де-факто преступление имело место, а де-юре его нет. Во-вторых, по распоряжению министра внутренних дел дело об убийстве брата Банкира с самого начала ведётся следственной группой МВД, а не ГУВД. Предложение Мендигалиева объединить эти два дела в одно не было поддержано министром и его заместителями. И всё это было известно Генеральной прокуратуре, но она хранила молчание. Создавалось впечатление, что в верхах имеются какие-то силы, заинтересованные в раздельном ведении этих двух дел, хотя это и не способствует быстрому раскрытию преступлений. В такой ситуации Мендигалиев и Сабыргалиев не решались обращаться (каждый по линии своей службы) в НСБ за сведениями об ограблении банка или просить вышестоящую инстанцию о помощи в получении таких сведений из НСБ в виду

того, что велика была вероятность отказа.

«Киллеры, которые находятся под следствием, конечно, получат по суду заслуженное ими наказание, но главные злодеи останутся в тени. Ситуация складывается так, что тщательно разработанный единомышленниками сложный план по разоблачению и наказанию опасных преступников не полностью достигает цели, а борцы за правопорядок и в этот раз не смогут выдернуть ядовитый куст с корнем, а срежут только ботву. Жаль, жаль...» – размышлял Мендигалиев, сидя в служебном кабинете. В этот момент открылась дверь, и на пороге появился капитан Нургалиев.

– Разрешите войти?

– Входите. Какие новости? – спросил полковник.

– Дело о киллерах завершаю, – ответил следователь и молча достал лист бумаги и развернул его перед глазами полковника: «Нужно подробно, в хронологической последовательности восстановить жизнь Шатена за последние десять дней, вплоть до его исчезновения. Разрешите приступить к разработке этой версии». Когда полковник, пробежав глазами текст, откинулся на спинку кресла, капитан сжёг записку над пепельницей.

Мендигалиев с некоторым удивлением посмотрел на своего подчинённого. Дело было не только в необычности формы обращения подчинённого к начальству, а ещё и в том, что утром он сам подумал об этом варианте действий. И во время обеда в служебной офицерской столовой официантка Марья Николаевна, подавая борщ, неожиданно тихо шепнула ему: «От Эн-Эс: нужен тот, кто убрал Шатена».

– Плохо, капитан, плохо работаете! Организатора и заказчика убийства Банкира не нашли! – громко произнёс Мендигалиев и стал быстро строчить карандашом по листочку, вырванному тут же из блокнота.

– Виноват, товарищ полковник! – ответил капитан. Тут же Мендигалиев показал Нургалиеву листок, где был набросан ответ на его просьбу: «Монке-жирау, 38, частная баня, 21 ч., в штатском, план, оружие при себе». Как только Нургалиев оторвал взгляд от записки, Мендигалиев тоже сжёг её над пепельницей, затем строгим тоном распорядился:

– Ещё есть время, дело передавать в суд не торопитесь, нажмите ещё раз на обвиняемых и свидетелей, может, что-нибудь новое прояснится. Приведите в порядок все записи в деле, заключения экспертов, протоколы там и прочее, чтобы комар носа не подточил. Ясно?

– Так точно! Разрешите идти?

– Идите!

На следующий день, на выставке служебных собак, где было много представителей служб безопасности и охраны различных частных фирм, Мендигалиев имел мимолётную встречу с Бабочкиным.

На очередном допросе один из подследственных сообщил Нургалиеву о том, что киллеров, возможно, инструктировала женщина, умеющая говорить мужским голосом. Слова эти побудили следователя к новым действиям. Он вместе с двумя помощниками приехал в БСК. Там они, разделившись, заходили в каждое жилое помещение, не торопясь, знакомились

с людьми, проверяли у них документы, спрашивали осторожно о роде их занятий, настроении, соблюдении правил правопорядка в быту. В чередѣ собеседников Нургалиева заинтересовала молодая красивая уборщица. Она вначале, как и другие обитатели этого объекта, вяло, неохотно отвечала на вопросы, но в один из моментов, закрыв глаза, покачала головой и жестами показала в сторону спальни Наси. Следовательно тут же по мобильному телефону позвонил Мендигалиеву и, используя условные слова и выражения, попросил его срочно взять у прокурора ордер на повторный обыск в БСК и передать этот документ ему с оперативной группой, а также добиться постановки на прослушку всех телефонов банно-спортивного комплекса.

Спустя два с половиной часа был начат новый обыск в помещениях банно-спортивного комплекса, продолжавшийся до позднего вечера. Криминалисты работали в поте лица. Самого Шатена обнаружено не было, но нашлись его одежда, обувь и личные вещи – книги и блокнот. Кроме того, в кустах на кромке площадки для мусорных контейнеров были найдены грязные тряпки с пятнами засохшей крови. Засохшие красные пятна были обнаружены и в щелях паркета в спальне Наси, на обшивке багажника одного из джипов. В медпункте выявить что-либо подозрительное не удалось, зато среди хозяйственного инвентаря в подсобном помещении оказались лопаты, имеющие признаки недавнего использования их в землякопных работах. Все предметы, представляющие интерес для следствия, включая джип, были изъяты для экспертизы. Некоторые помещения и отдельные участки территории банно-спортивного комплекса были сфотографированы с разных ракурсов. Окна и двери бани и спальни Наси были опечатаны. Уборщица, Бану, Мару, завхоз, два дворника, водитель джипа, заведующий медпунктом и Блондин были задержаны по подозрению в причастности к исчезновению Шатена. Остальным сотрудникам банно-спортивного комплекса были выписаны повестки о явке к следователю ГУВД на следующий день.

Уборщица – молодая и красивая девушка по имени Жансая, на первом же допросе стала активно сотрудничать со следствием. Она, как только села на предложенный ей стул, попросила у следователя сигарету и зажигалку. После нескольких глубоких затяжек она заговорила:

– Вы работаете очень старательно. Я это заметила ещё тогда, когда вы в первый раз проводили обыск в БСК. А то, что вы на второй обыск прибыли именно сегодня, говорит о наличии у вас сыщицкого нюха. Появились бы в БСК раньше, не добились бы у меня ничего. Рассказать вам всё, что знаю, я решила только сегодня. Короче, я буду вам помогать. Теперь спрашивайте. Что мне известно, всё расскажу без утайки.

– Вначале расскажите о себе. Кто вы, как оказались в БСК?

– Я родом из пригородного аула Алгабас, росла в многодетной и очень бедной семье. Школу бросила к концу десятого класса из-за беспросветной унижительной нищеты, нещадно угнетавшей нашу семью. Поверьте: невыносимой стала жизнь, когда я, девушка на выданье, красавица, отличница, спортсменка, была вынуждена ходить всё время в чужих обносках и полуголодная, раз в неделю мыть голову и тело неполным ведром

чуть тёплой воды (не хватало дров, чтобы кипятить её) и обмылком хозяйственного мыла, издающего вонь дёгтя (другого не было вовсе), в укромном полутёмном углу хлева (больше нигде), а ночью спала на подстилках (ничего больше постилать) на земляном полу мазанки...

Училась я очень хорошо, занималась художественной гимнастикой, во всей школе математику лучше меня никто не знал... Э-э... ладно, всё это теперь в невозвратном прошлом...

И как только получила паспорт и удостоверение личности, махнула рукой на школу, стала заниматься мелкорозничной торговлей на автотрассе возле аула: продавала овощи, фрукты, пирожки, сигареты, зажигалки, тампоны и презервативы, различные напитки... Однажды (тому теперь два года), на той же автотрассе я была замечена Хозяином, вскоре попала в БСК и стала его наложницей. Оттуда же написала родителям, что нашла хорошую работу, дальше буду жить своим умом и просила их за меня не беспокоиться...

Спустя полгода он перестал звать меня к себе, завёл другую любовницу. С того времени я стала выполнять обязанности банщицы и уборщицы его покоев, развлекалась за деньги с другими мужчинами БСК, мне разрешалось выезжать в город на служебной машине с хозяйственными поручениями. Разумеется, под неослабным контролем водителя, который предан Хозяину как собака.

Зарабатывала я хорошо, но отложенных денег на покупку квартиры пока не хватает. Уходить из БСК не собиралась. Прежде всего, запрещено от Хозяина уходить совсем, только можно переходить из одного его объекта на другой, и то с его согласия. Далее, до последнего времени здесь меня всё устраивало: жильё, еда, экипировка – всё это бесплатно, персонал относится ко мне хорошо. Только с недавних пор мне стало страшно жить в БСК: за последние четыре месяца Хозяин и приближённые его стали нервными, подозрительными и очень осторожными в разговоре и действиях, все они стали чего-то бояться. Их тревожное настроение передаётся остальным сотрудникам и даже обслуживающему персоналу, жизнь их тоже становится тревожной. Размышляя по ночам, я постигла первопричины всех этих перемен в умонастроениях людей: по моей интуиции, изначально жизнь в БСК была построена на несправедности, произволе и вседозволенности со стороны одного человека...

Не выказывая своего удивления откровениям девушки и не перебивая её, Нургалиев слушал. Закурив из пачки следователя ещё сигарету, та продолжала:

– Мы, персонал БСК, догадывались, что Хозяин попал в какой-то переплёт, и у многих из нас появилось предчувствие того, что и для нас, простых смертных, скоро настанет плохая пора. Потом произошёл первый обыск в БСК. Затем исчез Шатен, следом пропала Наси. Ах, Наси, Наси! Вообще-то она – дура, и пропала по дурости своей! Однажды, после пропажи Наси, я случайно через чуть открытую дверь услышала разговор вполголоса Хозяина с кем-то. Он тогда сказал, что «нужно убрать всех, кто хоть что-то знает или почувствовал об этом». Он так и сказал: «почувствовал об этом». Мне кажется, что он имел в виду пропажу Наси. Тогда я поняла, что

я – первый кандидат на исчезновение, потому что, как уборщица их покоев, я знаю кое-что о событиях тех дней. Собиралась сбежать из БСК, но у меня никак не получалось. Потом пришли вы со вторым обыском. Я знаю, что и кого ищите вы.

Рассказ её был прерван вопросом следователя:

– Почему Наси – дура?

– Потому что она решила его на себе женить. Кто она и кто он в глазах людей? Что, она – пара ему, что ли? Дерево-то надо рубить по себе! Потом она ещё хотела и даже пыталась его перевоспитать, сделать из него обычного, нормального человека. Это что, не глупость, что ли? Его не смогла сделать нормальным человеком даже его собственная высокородная жена. Куда уж тут Наси-то было рыпаться?! «Люблю его!» – говорила она подругам по поводу этих стараний в своё оправдание. Знаем мы эту её любовь! Она любила его деньги. Разевала рот на чужой каравай и пропала сама в итоге...

– Куда она пропала?

– Не знаю, как и куда она пропала. Этого никто не знает. В тот день, вернее, вечер, она была с ним в столовой на ужине, на следующее утро на завтрак уже не вышла. Везде мы искали её, и нигде даже никаких следов, как будто сквозь землю провалилась.

– Куда делся Шатен?

– Думаю, что его нет в живых. Кровь в спальней – его предсмертная кровь. Я в этом уверена. В тот день, когда, как мне кажется, это самое случилось, пол кем-то был хорошо вытерт, но всё равно в щелях паркета я увидела что-то красное наподобие высохшей крови, и тряпка моя пачкалась в красноватый цвет. Считаю, что пол до меня вытирал сам Хозяин, больше некому было сделать это в ту ночь, я это осторожно выяснила по мелким признакам... Если это у него, скажем, нос или геморрой закровил, или он поранился случайно, то почему не пригласил к себе доктора и меня, уборщицу? Потом: те тряпки, которые вы нашли в кустах возле контейнерной площадки и показывали нам для опознания, так вот, те не мои тряпки, таких у меня в кладовке никогда не было, все мои тряпки тогда, то есть на другой день после той подозрительной ночи, лежали на месте. Значит, те тряпки, которые вы нашли в кустах, я уверена, оторваны от рубашки и от чьей-то футболки. А вот кровь – не Насина. Я точно знаю, вечером того дня (когда Шатен пропал), после ужина, Хозяин отправил её к двум другим подругам, в соседний корпус. Она уходила от него туда нормальная, здоровая, никаких ран-порезов у неё не было, меня в этих вопросах не проведёшь. И это было странно: такие были страсти у них друг к другу. Я имею в виду Хозяина и Наси. Друг без друга не могли оставаться даже на пару часов, и вдруг он ей: «Ты сегодня будь подальше от меня, спи в другом корпусе». Значит, ему в ту ночь нужно было остаться одному, чтобы не иметь свидетелей или помехи при каком-то деле.

– Подождите. Вы раньше были его наложницей, затем лишились этого выгодного для себя положения. Вместо вас в фаворитки он выбрал других девушек. И за это вы ему хотите мстить и наговариваете на него лишнее. Я могу подумать так о вас?

– Нет, мне нечего ему мстить. Я говорю правду, потому что могу погибнуть, если не скажу правды. Я утром того дня при нём же мыла полы, на тряпке увидела кровь. Он тоже это увидел. О том, что у меня возникли подозрения, он догадался уже тогда. Так что моя песенка спета, он не оставит меня в живых. А насчёт того, что я ему не мщу, тут такой расклад: я довольна тем, что в самом начале нашей связи он почти полгода не имел никого, кроме меня. Я жила в комплексе как королева. Мне прислуживал весь персонал БСК! Бог знает, когда ещё я так смогу пожить. Нет, никогда больше это не повторится... И, конечно, успела отложить хорошие деньги за те месяцы. Мне даже полагается быть благодарной ему за такую вольготную жизнь хотя бы на время. Я знаю характер богатых мужчин, ни одна женщина не сможет их надолго привязать к себе. Потом: кто я такая, чтобы ревновать его к другим женщинам?! Я в его глазах – девка по вызову, а он – капиталист-олигарх. Я знаю, что со своим нищенским происхождением, деревенской культурой и торгашеским умом замуж за богача не выйду, мой вершок – подольше сохранить своё здоровье и данную богом внешность, и пока молода, пока пользуюсь вниманием мужчин, побольше заработать денег на их страстях. Мне это пока удаётся. Извините за откровенность...

– Почему тряпки с пятнами крови оказались в кустах? Если в спальне с участием Хозяина был какой-то инцидент, то почему он сразу не уничтожил эти тряпки?

– Думаю, что в ту же ночь он эти тряпки бросил в мусорный контейнер. Их обычно мусоровоз увозит по утрам. У нас по ночам на территорию выпускают сторожевых собак. Наверное, они по запаху крови вытащили из контейнера те тряпки, погрызли, потаскали и оставили в покое, потом их ветром занесло в кусты. Да, точно, в ту ночь был сильный ветер.

– Если я вас сейчас отпущу до следующего вопроса, куда пойдёте отсюда?

– Я больше в БСК не вернусь. Меня там могут убить. Постараюсь на первых порах где-нибудь схорониться, потом уеду куда-нибудь далеко, чтобы его люди меня не нашли. Говорю правду, как на духу, я боюсь его самого и людей его...

– Вам адвокат нужен?

– Нет, не нужен, не хочу тратиться на адвоката. За мной преступлений нет, я – свидетель. Со стороны закона мне ничто не угрожает, а от угрозы Хозяина адвокат меня не спасёт.

– При проверке у вас не было документов, кроме пропуска в банно-спортивный комплекс. Где ваши паспорт и удостоверение личности?

– Они спрятаны в надёжном месте.

– Вижу, что вы говорите правду. Вот что: на сегодня хватит. Я воспользуюсь правом задержать вас на трое суток в КПЗ, а дальше – посмотрим.

Водитель джипа заявил, что машиной за последние полмесяца пользовался только сам Хозяин, о происхождении следов крови в багажнике ничего не знает. Остальные задержанные тоже не смогли сказать ничего существенного для следствия. Прослушка телефонов БСК также ничего

полезного не дала.

Следователь Нургалиев, проявив незаурядную сообразительность и активность, в архиве одной из больниц города, где Шатен лечился от аппендицита пять лет тому назад, выяснил его группу крови и резус-фактор. Эти данные совпадали с результатами исследования пятен крови на обшивке багажника машины и на тряпках, изъятых в БСК. (Сравнительный генетический анализ пока был невозможен из-за отсутствия бесспорных образцов биоматериала самого Шатена или его близких родственников). Части грунта, снятые с лопат, по составу отличались от почвы банно-спортивного комплекса. Однако все эти данные являлись косвенными уликами и не могли указать на теперешнее местонахождение исчезнувшего человека.

Группу и резус-фактор крови Хозяина и Наси установить не удалось.

Неожиданно на втором допросе Бану сообщила, что в ту ночь, когда в их комнату пришла ночевать Наси, то на вопрос: «Что так, почему решила ночевать у нас?» – она ответила: «У него там срочная деловая беседа с Шатеном и ещё с кем-то». Слова Бану подтвердила Мару. Кроме того, обе девушки говорили, что к ним в тот вечер Наси пришла абсолютно здоровая, жизнерадостная и до утра спокойно спала в постели, ни на какие осложнения с кровотечением не жаловалась.

Вскоре Нургалиев выяснил, что у Шатена родители умерли несколько лет тому назад, сам он не был женат, детей не имел, а единственная сестра его проживала в соседней области. По просьбе Нургалиева местными криминалистами у той были взяты биоматериалы и сданы на генетический анализ вместе с пятнами крови на тряпках из БСК.

Допрос самого Хозяина и Наси стал необходим. По линии Министерства торговли Хозяину, находившемуся за границей, был послан вызов о срочном возвращении на родину. А посылать Наси повестку было некуда: она находилась в международном розыске по линии Интерпола. Куда она исчезла, жива или мертва – этого никто не знал.

Мендигалиев с помощью приятелей и друзей в центральном аппарате МВД – с одной стороны, Лепесов и Бабочкин через своих друзей в НСБ – с другой, без вмешательства Интерпола, который обычно работает недостаточно оперативно, смогли договориться с работниками посольств некоторых европейских стран о предоставлении информации об одной разыскиваемой полицией женщине. Им удалось выяснить, что в интересующие следствие сроки въездные визы в эти страны получили двенадцать беременных молодых женщин. Из них восемь были азиатской внешности, но среди них ни у кого сроки беременности не совпадали с реальными сроками Наси. Среди этих женщин с внешностью Наси была одна, но она по документам значится Наталией Александровной Гончаровой. Дальше легко и быстро была установлена дата вылета Гончаровой из этой страны в государство N, куда она должна была прибыть по визе в паспорте. При изучении фамилий, родственников, служебных и прочих связей пассажиров того авиарейса не было выявлено ни одного человека, подходившего на роль сопровождающего Наси, в том случае, если среди

пассажиров она была под другой фамилией. Раз так, то Наталия Александровна Гончарова – вряд ли Наси?

Вскоре Нургалиев и следователь прокуратуры вылетели в командировку в государство N, чтобы через тамошнее посольство своей страны разыскать Наталию Александровну Гончарову и, если она обнаружится и окажется Наси, то и допросить её на месте, а затем провести мероприятия по возвращению её на родину. Но сыщики и тут потерпели неудачу: после прибытия в аэропорт государства N и прохождения таможенного контроля след пассажирки Гончаровой теряется. Этот факт вновь поставил следствие в тупик.

Расследование истории происхождения паспорта на имя Гончаровой Наталии Александровны 1985 года рождения дало интересные результаты. Оказалось, что в 1994 году в здании одного из РОВД (районного отдела внутренних дел) республики случился пожар. Комиссия, созданная тогда же для изучения причин возникновения этого пожара и размеров ущерба от него, констатировала утрату ряда документов, среди которых были бланки гражданских паспортов. Интересующий сыщиков паспорт на имя Гончаровой Наталии Александровны был из той «погибшей» в огне серии. Этот факт указывал на необходимость расширить круг поисков следственной группы капитана Нургалиева, но при этом не все направления были перспективны для достижения быстрого успеха. Стало ясно, что без допроса самого Хозяина следствие не может обойтись, потому как он и только он знает ответы на все или многие ключевые вопросы, возникшие у следователя.

Процесс возвращения Хозяина в страну через два министерства: иностранных дел и торговли затягивался. Внешне это выглядело как обычная бюрократическая волокита, что встречается сплошь и рядом в госучреждениях, но капитан Нургалиев почуял подвох, учиняемый кем-то специально, чтобы дать фору Хозяину во времени. Следователь поделился своими подозрениями со своим начальником – всё ещё временно исполняющим обязанности начальника ГУВД полковником Мендигалиевым.

Вскоре Мендигалиев был вызван в центральный аппарат МВД к одному из заместителей министра.

– Доложите, как идёт следствие по возобновлённому делу об убийстве Банкира, – сказал генерал полковнику. Мендигалиев вкратце и деловито изложил предварительные результаты следствия, а закончил своё сообщение следующей просьбой:

– Господин генерал, я прошу вашего содействия по возвращению в страну Хозяина через Министерство иностранных дел. Возможно, в этом вопросе оно окажется сильнее, чем Министерство торговли.

– Не постигаю, каким же образом я должен вмешиваться в дела другого министерства?

– Из того, что я вам доложил, видно, что Хозяин является важным (если не главным) фигурантом в деле, он подозревается в совершении ряда тяжких преступлений.

– Не факт, что это так. Пока не факт. Он – свидетель, всего лишь свидетель. А у него там, за рубежом, свои дела по службе. Закончит он свои дела

там, придёт затем в страну, вот тогда и пригласите его к себе и допрашивайте. Во всяком случае, примерно так могут ответить мне в Министерстве иностранных дел. Вы на что толкаете меня?

– Господин генерал, он, то есть Хозяин, на первом же допросе перейдёт из свидетелей в фигуранты.

– До того, то есть до предполагаемого вашими людьми «первого допроса», в данный момент вы сможете сформулировать абсолютно объективное обвинение, чтобы я, ваш начальник, смог представить себе этого человека «фигурантом»?

– Господин генерал, даже вердикт суда не всегда является абсолютно объективным. Поэтому в данном случае я прошу вас позволить мне не пользоваться фразой «абсолютно объективно», а обходиться выражением: «вполне объективно». Конечно, прошу меня извинить за эти несколько отвлечённые рассуждения. Теперь по сути вашего вопроса. Мы уже сегодня можем предъявить Хозяину вполне объективное обвинение по нескольким статьям Уголовного кодекса.

– Отвечайте на мои вопросы конкретно, с фактами!

– Есть! Я представляю вам наши предложения по оперативно-следственным мероприятиям по делу об убийстве Банкира. Здесь содержится перечень преступлений, в чём на вполне объективных основаниях подозревается и обвиняется Хозяин. – Мендигалиев раскрыл свою папку, достал оттуда несколько листков бумаги с отпечатанным текстом и положил их на стол генералу.

– Идите! Нужно будет – позовём.

– Слушаюсь!

Спустя три дня Мендигалиев был повторно вызван в МВД к тому же генералу.

– Кстати, ваш начальник, который находится на лечении в Израиле, вам звонит? Говорит он вам что-нибудь о себе? Каковы его перспективы на выздоровление? – поинтересовался генерал.

– Он нам не звонит.

– Плохим он оказался полицейским. Позволил размножаться в своём городе организованным преступным группам. Всякий босьяк стал претендовать на воровской авторитет, на корону. Всё всем стало доступно! Такого бардака нет нигде, кроме вашего города. Замечу, что вы уже полгода работаете у него заместителем. У вас в городе тяжёлое криминогенное положение. Что скажете на это?

– Господин генерал, надо бы посвятить одно из очередных заседаний коллегии корректировке деятельности нашего ведомства на текущий момент. Если вы позволите, я мог бы систематизировать и написать свои предложения в форме содоклада.

– Конечно, он развалил работу, оставляет нам тяжёлое наследие. Я имею в виду нашего с вами брата по работе – израильского пациента... Насчёт повестки дня коллегии подумаем. Если у вас есть какие-то дельные предложения, то мы их должны заранее просмотреть и проанализировать. Конечно, нам нужны свежий взгляд и новые подходы к проблемам. Теперь о вашей просьбе по тому делу. Должен вам сказать сразу, что этот

ваш капитан Нургалиев оказался шустрым малым. Фактически его стараниями пойманы и изблечены киллеры – убийцы Банкаира. И это по прошествии столь долгого времени после совершённого преступления, заметьте! Мы-то уже и надежду потеряли на раскрытие этого преступления. Одним словом, дело передайте в суд, а Нургалиеву будет благодарность от министра, вы сами выдайте ему премию в размере двух месячных должностных окладов. И ещё – представьте его на внеочередное присвоение звания майора. Всё это согласовано с министром.

– Есть!

–Далее. Вот что я вам скажу. Хотя вы и командир, но не можете от окопов далеко уходить и видеть то, что делается вдали от них. Я – более крупный командир, чем вы, и со своей высоты вижу то, что недоступно вашему взору... Я это к тому, что не следует беспокоить Министерство иностранных дел в связи с этим самым сотрудником другого министерства, точнее – Министерства торговли, как его там... Хозяином. Поверьте мне, всё это очень сложно... А незаконно хранившего оружие и затем исчезнувшего Шатена (видать, он – отпетый негодяй) и эту Наси, возможно, она же Гончарова Наталия Александровна, объявите в межгосударственный розыск. И наша совесть будет чиста. Скажу больше: вы и ваше ГУВД неплохо, очень даже неплохо поработали по данному делу. Прямо на министра впечатление произвели! Э-э, милый мой, не всякий полковник, заместитель начальника ГУВД, таких отзывов удостоивается в наше время. И берегите себя для дальнейшей службы. Идите!

– Слушаюсь! – пока говорил генерал, Мендигалиеву стало ясно, что, во-первых, некоторые влиятельные лица в высших эшелонах власти хотят уберечь Хозяина от правосудия; во-вторых, тёплые слова в свой адрес и намёки на повышение в должности являются обещанием награды ему, полковнику, за лояльность его в деле киллеров перед теми лицами; в-третьих, в случае непослушания «совета» старших – должности начальника ГУВД и генеральских погон ему не видать. Он покинул кабинет с усмешкой в душе над лисьими повадками начальника.

Следователь Нургалиев, хотя ему и свалилось на голову тройное счастье, остался недоволен решением заместителя министра не спешить с допросом Хозяина. Капитан по внутреннему телефону попросил Мендигалиева принять его в срочном порядке и, явившись к нему в кабинет, с обидой в голосе спросил:

– Как же так?! Ведь он уходит от наказания. Неужели закроем дело, даже не допросив его?!

– Терпи. Ясно?

– Нет.

– Включи свою «сообразилку»! Иди!

– Слушаюсь!

В офицерской столовой Марья Николаевна, подавая на подносе обед Мендигалиеву, тихо шепнула: «От Эн-Эс: пока всё правильно».

Профессор Мадиев, директор частного научно-клинического центра – ЧНКЦ, в своём кабинете выпив чашечку кофе, поднялся

из-за столика и стал переодеваться в специальный костюм для посещения операционного блока. Сегодня у него своих операций нет, но ему нужно посмотреть работу нового аппарата для ультразвукового исследования органов в руках других оперирующих хирургов. По данным специальной литературы, этот аппарат резко повышает результативность внутриоперационных диагностических мероприятий по поводу камней, кистозных и опухолевых заболеваний печени, поджелудочной железы и жёлчных протоков. Так ли это на самом деле, насколько соответствуют действительности сведения о ценности этого аппарата – во всём этом нужно было убедиться ему самому. К данному аппарату он проявляет интерес ещё и потому, что, используя его, можно будет быстро набрать ценный клинический материал для диссертации, в которой нуждался один молодой хирург – зять высокопоставленного государственного чиновника, курирующего в правительстве очень важное направление экономики. Появлению нового соискателя учёной степени в стенах ЧНКЦ предшествовало посещение Мадиевым кабинета того чиновника в Доме правительства. Поручая заботам Мадиева своего зятя, хозяин кабинета сказал следующее: «Чтобы молодой человек быстро и успешно учился хирургии, стал через два года кандидатом и ещё по прошествии двух-трёх лет – доктором наук. На всё-про всё отпускаю вам пять лет». Откуда было знать чиновнику, далёкому от медицины и наделённому могущественной властью над людьми, что процесс формирования высококлассного врача вообще, а хирурга-кудесника в частности, длится десятилетия, не подчиняясь желаниям сильных мира сего?!

Мадиев и раньше бывал на приёме у высокопоставленных партийных и государственных деятелей, выполнял их поручения, даже некоторых из них лечил, затем кое с кем из них поддерживал приятельские отношения. Эти знакомства и встречи давали ему возможность изучить психологию современных скороспелых политических лидеров, выделяя и запоминая при этом те черты их характера, которые делают их слабыми и которыми могут воспользоваться приближённые в своих корыстных целях. Для себя Мадиев видел в государственных чиновниках инструмент, который в руках умного и ловкого человека, действуя безотказно, способен быстро и эффективно решать многие вопросы и даже проблемы бытия для этого «умного человека» за счёт других людей или государства. И слушая высокопоставленного собеседника, он кивал головой, поддакивал, поскольку знал, что выиграет, если будет соглашаться с ним во всём. А что касается научной и профессиональной карьеры молодого человека, которого он ещё и не видел и посему ничего не знает о его достоинствах и недостатках, но скоро примет под своё крыло, то он сделает для него всё, чтобы тот скоро-скоро стал кандидатом, а затем и доктором медицинских наук. «Относительно того, чтобы он ещё и стал хорошим хирургом, то, извините меня, сие за короткий срок недостижимо, если даже этот претендент на ранг большого хирурга – гений о семи пядей во лбу, как сам Авиценна или Пирогов. Тут требуется время, чтобы накапливался у специалиста богатый личный опыт по профессии. Над временем никто не властен!». Так рассуждал про себя Мадиев, сидя напротив хозяина кабинета, смотря на него

преданными глазами, внимательно слушая его и часто кивая головой, обещая выполнение всего, что поручалось ему. На другой же день в кабинете Мадиева появился надменный, немногословный парень, который тут же был зачислен в аспирантуру и определён в одно из клинических отделений для повседневной работы. Теперь Мадиеву предстоит, не мешкая, придумать для него тему диссертации и также быстро утвердить её на учёном совете.

В операционном блоке Мадиев не смог долго находиться: по телефону секретарь сообщила ему, что в приёмной очень уважаемый посетитель, он немедленно хочет видеть директора, то есть Мадиева.

Очень уважаемым посетителем оказался адвокат бизнесмена Кабдола Байбусина, который в прошлом году помог Мадиеву получить в банке солидный кредит на нужды ЧНКЦ, а затем ещё дважды помог: вначале кредит был реструктурирован хитроумным образом, а после – вовсе был списан. Правда, этот бизнесмен до и после списания кредита несколько раз обращался к Мадиеву с различными просьбами весьма щепетильного свойства и всегда оставался доволен ответными услугами своего протеже.

Сегодня Байбусин через своего адвоката просил Мадиева срочно прислать в его загородный коттедж бригаду медиков для осмотра и перевозки в ЧНКЦ для лечения одного человека со сложной травмой.

Байбусин прибыл в ЧНКЦ раньше реанимобиля, в салоне которого находились врачи и пациент.

В тиши кабинета бизнесмен сообщил Мадиеву, что очень озабочен судьбою этого пациента и просил лечить его строго конфиденциально. Он настаивал на соблюдении следующих мер конспирации: во-первых, не нужно сообщать в полицию о нём ничего, так как травмы его насильственные; во-вторых, его нужно поместить в отдельную палату, совершенно обособленную от остальных; в-третьих, к лечению нужно привлекать только тех медиков, которые будут «держат язык за зубами», и они не должны интересоваться происхождением травм у пациента и его биографией; в-четвёртых, этого пациента провести по документам как бомжа, и в записях врачей указывать на потерю у него памяти на предшествовавшие события; в-пятых, в палате этого пациента круглосуточно будет находиться охрана под видом сиделок; в-шестых, и это самое главное, пациент непременно должен поправиться, причём как можно быстрее. «Когда пациент выздоровеет, мы его самого и историю болезни заберём. А все расходы на лечение возместим по повышенному тарифу, сверхурочную работу персонала тоже хорошо оплатим», – закончил посетитель.

Некоторые пункты просьбы бизнесмена, напоминавшей ультиматум, противоречили закону, даже попахивали преступлением. Мадиев в нерешительности посидел некоторое время молча, затем, проклиная про себя тот день, когда он добился через этого человека списания реструктурированного банковского кредита, согласился сделать всё, что будет в его силах. «Деваться некуда, долг платежом красен», – мысленно оправдывался он перед самим собой.

Мадиев явился в приёмный покой клиники и лично дал санкцию на госпитализацию только что доставленного пациента. При этом во

всеуслышание сетовал на то, что в последнее время медики стали забывать клятву Гиппократу, что врачу полагается быть сердобольным и добрым ко всякому страждущему, независимо от того, кем является он – неизвестным бомжем или богачом.

– Да, забывать заветы Гиппократу – большой грех. Давайте отнесёмся гуманно к этому несчастному и заодно на практике поучимся вылечивать больных со сложной травмой. Такой опыт пригодится всем нам. Сказано же: «век живи – век учись». К сожалению, в наш жестокий век сочетанных видов травмы становится больше. По-видимому, нам скоро придётся взяться за разработку в качестве научной темы проблемы сочетанных травм. Так и быть, лечением этого пациента (ой, как жестоко обошёлся с ним кто-то!) буду руководить я сам, от начала до конца, поскольку вы все отвыкли от курации сверхсложных случаев, подобных этому, – сказал он, находясь возле пациента в окружении дежурного персонала приёмного покоя.

В срочном порядке были проведены исследования пациента сначала простыми, а затем и сложными лабораторными и аппаратными методами. Диагноз оказался таким: «Ушиб головного мозга с кровоизлиянием под его твёрдую оболочку, кома. Множественные ушибы и инфицированные колото-резаные раны туловища и всех конечностей. Закрытые переломы трёх рёбер на левой стороне, двух – на правой стороне грудной клетки. Скопление крови и воздуха в плевральных полостях. Закрытые переломы носовых костей, нижней челюсти и фаланг пальцев левой кисти, вывих левого плеча. Ушиб почек с кровоизлиянием в околопочечную клетчатку. Застой в желудочно-кишечном тракте без воспаления брюшины. Исхудание и обезвоживание».

Было начато лечение. К вечеру закончилась операция, проводившаяся под наркозом силами бригады, состоявшей из нейрохирурга, общего хирурга, челюстно-лицевого хирурга и травматолога. Пациент уже в период операции стал получать многоцелевую лекарственную терапию, которую медики продолжали проводить интенсивно и после операции под контролем лабораторных анализов.

Будни в медицинском центре текли своим чередом. Больничная касса ежедневно пополнялась наличными деньгами в большом количестве. В научных подразделениях сотрудники занимались запланированными исследованиями по своему профилю. Некоторое оживление в эту монотонную повседневность внесло внеочередное заседание учёного совета, которое неожиданно для всех оказалось скандальным.

Постоянные члены учёного совета заблаговременно расселись в конференц-зале на привычных местах и ждали появления в президиуме председателя – директора ЧНКЦ Тухфата Басаровича Мадиева и учёного секретаря Василия Макаровича Боброва. Молодые научные сотрудники появились только перед началом и по негласной традиции заняли задние и средние ряды зала. Обычно заседания начинались в точно назначенное время. Однако на этот раз произошла задержка. Сначала с опозданием на десять минут в зал вошёл со своими папками учёный секретарь профессор Бобров, а через пятнадцать минут после него появился Мадиев и

сразу же устремился на сцену. Бобров последовал за ним за стол президиума. Мадиев, удобно установив микрофон перед собой, объявил внеочередное заседание учёного совета открытым и огласил повестку дня: 1). Утверждение темы кандидатской диссертации «Интраоперационная диагностика очаговых заболеваний печени с помощью аппарата «US Olympus-10» аспиранту Сауатову, а также утверждение ему научного руководителя. 2). Аprobация докторской диссертации ведущего научного сотрудника Байсалова «Пути повышения эффективности оперативного лечения больных дермоидной кистой копчика», научный консультант – профессор Т.Б. Мадиев.

– Итак, приступим. По первому вопросу для представления вам нашего аспиранта слово имеет учёный секретарь, – произнеся эти слова, Мадиев оглядел зал. И тут из средних рядов раздался голос:

– Разрешите задать вам вопрос до выступления учёного секретаря?

Коллеги, обернувшись, увидели поднявшегося с места младшего научного сотрудника Курамысова. Этот молодой человек лет 26-27, стройный, высокого роста, с красивым лицом, выделялся среди молодых хирургов педантичностью в работе, начитанностью, владением английским и испанским языками, ораторским даром, но самое главное – «золотыми руками». В обиходе врачей сие выражение, то есть «золотые руки», означает наличие у хирурга гениальных (врождённых) способностей к операциям, чем природа наделяет не всякого, а только избранных. Обычно молодой хирург с «золотыми руками» и со «светлой головой» имеет шансы стать со временем «хирургом от Бога», но, к сожалению пациентов, таких особо одарённых хирургов в жизни встречается крайне мало. И судьба их складывается по-разному: кто-то из них, присовокупляя учёные степени и звания к своему природному дару, становится *настоящим* светилом медицины, а кого-то «забивают» различные обстоятельства жизни ещё в молодые годы или в последующем. В таких случаях они остаются рядовыми практическими хирургами, без громких титулов и регалий, но всё равно будут любимцами больных и *образцом* для коллег. А третьи... третьи по разным причинам спиваются и пропадают как специалисты и даже как личности, повторяя судьбу лесковского Левши. Такова *правда* о хирургах «золотые руки» и «от Бога».

– Пожалуйста, – ответил Мадиев.

– Почему данное заседание созвано не по графику?

– Да, коллеги, очередное заседание нашего совета по графику должно было состояться только через месяц. И вопросы повестки дня его такие, что требуют моего участия в нём, так как я являюсь руководителем намеченных к обсуждению научных тем. Но возникла вот такая ситуация: возможно, в ближайшее время я уеду в загранкомандировку. В связи с этим я счёл возможным провести заседание нашего совета пораньше, то есть сегодня. У вас есть ещё вопросы ко мне?

– Есть. Позволите?

– Да, пожалуйста.

– Почему в этот раз повестка дня заседания учёного совета заранее не

оглашалась?

– Какое это имеет значение?

– Как мне кажется, сейчас мало кто готов к продуктивному обсуждению вопросов повестки дня.

– Да, надо было заранее оповестить научных сотрудников о повестке дня заседания учёного совета, – согласился Мадиев. – Это упущение учёного секретаря. Он примет к сведению наше с вами замечание. Что же касается продуктивности предстоящего обсуждения, то, коллега, я не сомневаюсь в компетентности наших учёных, они любые вопросы наших научных программ могут деловито обсуждать в любое время суток. Кроме того, вопросы повестки дня сегодняшнего заседания им хорошо знакомы и без предварительного оповещения. Что ещё?

– Пока всё.

Учёный секретарь приступил к чтению биографических данных и характеристики аспиранта Сауатова, претендующего на научную тему для своей кандидатской диссертации.

Сауатову не было задано вопросов. Стал говорить Мадиев:

– При выборе темы диссертации для нашего аспиранта я исходил из того положения, что результаты наших научных исследований должны приносить реальную пользу людям сегодня. Кроме того, исследователь, занимающийся наукой, должен поставить перед собой актуальные и весомые задачи, вести поиски в новых направлениях и на высокотехнологичном уровне, находить новые, более эффективные решения проблем. Как вы замечаете, я постоянно борюсь за то, чтобы мы изжили меркантильное отношение к научным исследованиям, преследующее цель быстро и легко обрести соискателем научную степень, особо не заботясь при этом о ценности добытых научных результатов.

В зале стали шептаться:

– Ну и демагог же наш Тухфат Басарович...

– Ради бога, сиди и дыши в свои две дырочки...

– Клянусь, сегодня здесь что-то случится.

– Я тоже так думаю, только к добру ли это будет?

Мадиев продолжал говорить:

– Учитывая хорошую служебную характеристику, данную нашему аспиранту его университетскими наставниками, и ту нацеленность его на проблемы патологии печени, которая, по-видимому, сложилась у него давно в результате упорной работы, проведённой им в этом направлении, я предложил ему для разработки тему «Интраоперационная диагностика очаговых заболеваний печени с применением аппарата «UA Olympus-10».

Вновь в зале возникли шепотки:

– Ничего себе комплименты!

– Отродясь не слышал, чтобы профессор, директор научного учреждения, вот так публично расхваливал начинающего аспиранта!

– Чей он сын? Чей зять? Ты не в курсе?

– В курсе. Потом, потом...

А Мадиев объявил:

– Научным руководителем нашего аспиранта решил быть я сам.

Те же двое продолжали тихо обмениваться репликами:

– У Мадиева, кажется, есть взрослая дочь?

– Да, но она недавно вышла замуж, весьма удачно. Тут другой вариант.

– Какой?

– Помнишь, недавно его неожиданно вызвали в Большой дом?

– Ну и что?

– Потом скажу...

– Ясно одно, что у Курамысова тема накрылась...

– Вопросы есть? – спросил Мадиев.

– Позвольте? – снова поднялся Курамысов. Мадиев кивнул.

– Тема интраоперационной диагностики очаговых заболеваний печени нашим отделом разрабатывается уже год с лишним. Я официально являюсь одним из соисполнителей данной темы. Патентный поиск по ней также проведён мною. Кроме того, по полученным результатам с моим участием уже опубликованы две статьи, ещё две – отправлены в редакции. Лично мною поданы две заявки на предполагаемые изобретения. В конце прошлого года промежуточный отчёт по этой теме написал я, и он инстанциями оценён хорошо, а директорат нас за этот отчёт поощрил денежными премиями. А не далее как две недели тому назад Вы, Тухфат Басарович, на собрании врачей нашего отдела заявили, что упомянутую тему намерены предложить мне для кандидатской диссертации. Конечно, это было всего-навсего ваше намерение, причём без протокола. Я не в обиде за перемену ваших взглядов на данный предмет сегодня. А суть моего выступления только в констатации следующих фактов: во-первых, я справлялся со своими задачами как соисполнитель данной темы; во-вторых, я прочно «вжился» в неё, полон новых идей и хочу продолжить работу. Далее, заявляю, что по этой теме я и дальше буду работать, но не здесь, а в другом коллективе, в другом лечебном учреждении, дабы не давать поводов появлению вредных для особых взаимоотношений между коллегами, которые теперь вполне возможны, если я останусь здесь. Я сегодня же увольняюсь по собственному желанию. А сейчас я прошу уважаемый учёный совет официально разрешить мне и впредь в своих будущих публичных выступлениях по данной теме пользоваться той частью научно-клинического материала, в получение которого я лично и реально вложил труд, работая в этом коллективе до сегодняшнего дня. Это мне нужно для того, чтобы я смог создать стройную, убедительную научную концепцию по одному из аспектов темы. Что же касается научно-клинических планов моего коллеги-аспиранта Сауатова, то я от души желаю ему творческих успехов.

Курамысов сел. В зале установилась мёртвая тишина. Её нарушил профессор Белов, который пользовался уважением коллег как компетентный специалист, наставник молодёжи и глубоко порядочный человек. Поднявшись с места, он направился к трибуне.

Опытные в житейских делах и с большим стажем работы члены учёного совета насторожились, потому как ситуация начинала складываться необычным образом. Они ещё в начале заседания уловили ряд признаков «порчи настроения у общественности», что обычно бывает перед «катаклизмами местного значения». Например, почти у всех сидящих в зале проявилось неудержимое желание пошептаться и посплетничать, а это в условиях здешней жизни верный признак усталости коллектива от гнёта руководства. Потом прозвучало выступление младшего научного сотрудника против директора, равное бунту на корабле. Теперь профессор Белов, один из столпов стабильности и порядка в медицинском центре, не спрашивая разрешения у председателя, стихийно ринулся к микрофону.

На трибуну поднялся высокий, стройный мужчина с красивым лицом, зачёсанными назад слегка вьющимися густыми седыми волосами, облачённый в ладно сидящий тёмно-серый с иголки костюм, в светло-серую рубашку и в тон костюму галстук в мелкую белую клетку. Он оглядел зал, затем президиум и начал учтивым тоном:

– Уважаемый председатель! Уважаемые коллеги! Прошу меня простить, если моя речь получится излишне эмоциональной. Меня поразило, даже потрясло выступление младшего научного сотрудника Курамысова своей откровенностью, аргументированностью, принципиальностью и, если хотите, то ещё и гражданским мужеством по части выражения своей позиции в науке и по защите своего личного достоинства. Повторяю, он – по должности младший научный сотрудник, а на языке обывателя – эмэнэс. Сия аббревиатура в наше время, когда в сознании и поступках людей верховенствуют практичность и меркантилизм, звучит почти как оскорбление. Ибо эмэнэс работает много, а получает очень мало, то есть мизерную зарплату, и при этом ещё и со стороны старших коллег часто испытывает притеснения. А надо бы всем нам помнить, что многие выдающиеся открытия в науке были совершены младшими научными сотрудниками. Один только пример: идея «слойки» в водородной бомбе Советского Союза впервые появилась в уме тогда всего ещё эмэнэс Сахарова. Практически он же создал эту «адскую машину» всего за четыре месяца и подарил миру мир и «биполярность», способствуя рождению политики «паритета» и «взаимного сдерживания» между недружественными державами. Простите меня, господа в чине эмэнэс, за то, что я здесь взялся «склонять» ваш служебный статус! Лично я вас очень уважаю, за вас постоянно переживаю и стараюсь доказать доброе своё отношение к вам делом и словами.

Вмешался Мадиев:

– Профессор Белов! Давайте говорить по повестке дня. Нет у нас времени на демагогию.

– Хорошо, теперь по повестке дня. Да, у эмэнэс Курамысова почему-то тема диссертации до этого не была официально утверждена по тому проекту, где он успешно трудится как соисполнитель. Сегодня этот «обжитый» им проект без его согласия передаётся вновь принятому в штаты нашего Центра аспиранту Сауатову для выполнения этим

аспирантом кандидатской диссертации. И мы, члены учёного совета, голосами своими должны узаконить сие с моральной точки зрения сомнительное решение. Но в сложившейся ситуации задачу нашего учёного совета по данному вопросу облегчает только что прозвучавшее заявление самого Курамысова. Что же, коллега Курамысов поступил правильно, даже мудро в создавшейся ситуации. Сказано же: насильно мил не будешь. Упрашивать его оставаться у нас и в качестве соисполнителя продолжать разработку уже ставшей «яблоком раздора» темы теперь даже неудобно.

Перехожу к конструктивной части. Я предлагаю признать вполне удовлетворительной деятельность Курамысова по порученному ему прежде научному проекту, а также выразить ему признательность за проявленный им честный и добропорядочный поступок по отношению к трудовой жизни нашего коллектива. Вы, надеюсь, понимаете, что я имею в виду. Кроме того, следует удовлетворить его просьбу об использовании в своих последующих научных выступлениях основных результатов исследований, проведённых им в стенах нашего Центра при разработке вопросов интраоперационной диагностики очаговых заболеваний печени и поджелудочной железы.

Пока Белов возвращался на своё место, неутомные комментаторы снова зашептались.

- Ну, блин, теперь из-за него начнёт нас всех лихорадить...
- Да, вышло не слабо. Но зачем это было нужно Белову?
- Сам не понимаю. Может, «не вынесла душа поэта»...
- Мне придётся выступить. У меня другого выхода нет..
- Тебе до пенсии сколько остаётся?
- Уже оформляю, но хочется ещё поработать. Да и у моей Салимуши «защита» на носу...
- Не понимаю, когда и за что Мадиев не влюбил Курамысова? За что он его пытается оскорбить и унижить публично? Знаешь?
- Знаю. Потом. Молчи. Он на нас смотрит..

Мадиев невозмутимо оглядел зал и спросил:

- Кто ещё желает выступить?

Трибуну занял профессор Шамсиев – он из тех, кто перешёптывался с соседом.

– Видите ли, эмэнэс Курамысов – действительно способный и исполнительный врач, но у него имеются серьёзные недостатки. В частности, я много раз замечал с его стороны проявления высокомерного отношения к коллегам, пренебрежение к советам старших, граничащее с демонстративным игнорированием. Однажды он одного из членов учёного совета, лауреата Госпремии, заочно назвал даже ретроградом и рутинёром. Этому эмэнэс присущ также и авантюризм. Например, не имея прецедента, в погоне за «новшеством» и для быстрого набора оригинального материала на диссертацию, он однажды поставил игольчатый датчик сонографа в ткани печени, близ вен Хиари. На мои

возражения против такой «рационализации» он мне, профессору, председателю экспертного совета, ответил буквально следующее: «Я оперирую, мне виднее». Хорошо, что тот случай закончился благополучно.

Белов с места возразил:

– Позвольте заметить, после того Курамысов применил игольчатый датчик ещё несколько раз, затем этот способ переняли другие. Результаты всё время хорошие. Я думаю, что почин Курамысова является началом нового направления в контактном глубинном исследовании тканей во время операции. За это надо бы его не ругать, а поддержать.

– Профессор Белов, попрошу соблюдать регламент, – сделал замечание Мадиев.

– Я к месту подал реплику.

– Нет, вы, перебивая выступающего, мешаете работе совета. Это недопустимо. Вам следовало бы за это извиниться.

– Не за что мне извиняться. Ещё со времён римского права уместная реплика является нормальной составной частью работы любого форума.

– Ладно, потом разберёмся, насколько подходит современности римское право, – Мадиев, обернувшись к выступающему, произнёс:

– Пожалуйста, продолжайте.

– Профессор Белов напрасно пытается обелить поступок Курамысова. Упомянутый мною поступок Курамысова опасно противоречит принципу бережного отношения к больным, завещанному нам самим Гиппократом. Хорошо что начинание Курамысова оказалось удачным. Но где гарантия того, что этот зазнавшийся новатор в кавычках, когда-нибудь не натворит бед, находясь под порывом ветра своей корыстной души?

Из зала раздался женский голос:

– Почему вы считаете, что Курамысов не вынашивает свои новые идеи перед тем как применить их на практике?

– Потому что он – экзальтированный человек. Я уверен, свои новшества он вводит в клиническую практику экспромтом. Значит, такой врач, как Курамысов, очень опасен для людей.

По залу прокатился приглушённый ропот. Тот же женский голос не согласился:

– Вы неправы! Он очень чуткий и думающий человек!

Шамсиев продолжил:

– Короче, ситуация ясна. Достоинства хорошего клинициста-учёного определяются комплексом положительных качеств. А у Курамысова не только мало таких качеств, но и имеется целый ряд весьма негативных. И это вовремя и верно замечено нашим директором Тухфатом Басаровичем. Как мне думается, он поэтому-то пока и не предлагает Курамысову тему для диссертации. Курамысову ещё нужно время, чтобы «сложиться» и расти как гражданину и врачу до того, как станет остепенённым учёным. Я данным своим критическим выступлением стараюсь помочь ему в этом.

Я согласен с предложением Тухфата Басаровича дать аспиранту Сауатову указанную в повестке дня тему для подготовки им кандидатской диссертации. Данное решение Тухфата Басаровича, я полагаю, возникло не на пустом месте. Как говорится, земля слухом полнится, об

этом аспиранте я слышал много лестных отзывов.

Что же касается возможности использования Курамысовым архивного материала нашего Центра в его будущих научных трудах, то вопрос этот очень щепетильный, даже чреват осложнениями правового порядка. Я, как член учёного совета, склоняюсь к тому мнению, чтобы Курамысову не была оказана такая преференция. Пусть он для изучения и разработки берёт себе другую, новую, тему.

Пока Шамсиев возвращался на своё место в зале, стали шептаться его коллеги Абдиев и Кафтанов.

– Надо определиться с позицией. Посоветуй, что мне делать? Только быстро, – попросил Кафтанов. Абдиев ответил:

– Моё мнение – тебе надо выступить. Ты же претендуешь на соискание Госпремии этого года. Конечно, решай сам...

На трибуну поднялся профессор Кафтанов.

– Лично мне ситуация ясна, поэтому буду краток. Что в науке самое ценное? Талант исследователя или его честность и ответственность перед людьми? На этот вопрос можно ответить и так, и сяк. Но чем даровитее учёный, чем мудрее он, тем медлительнее и задумчивее становится он перед тем, как окончательно оценить значение своего научного творения. Коллега Белов, раз вы говорили здесь о водородной бомбе эмэнэс Сахарова, то вам следовало бы сказать об этом учёном и остальную правду. Но вы её обошли молчанием, хотя она весьма поучительна для некоторых из нас. Во всяком случае, для вас и для эмэнэс Курамысова. В зрелые годы Сахаров горько сожалел, что учёные-физики науку использовали для создания небывалой мощности смертоносного оружия против людей. Он также глубоко сожалел о том, что является одним из главных соучастников создания этого оружия.

Другой пример разочарования учёного результатами своего труда, который отражает в известной мере и причины особого состояния души одного великого человека на конечном этапе его жизни. Этот пример, возможно, по сути своей окажется удручающим для многих из сидящих в зале, но знать его тоже будет поучительным для всех нас. Вот он – этот пример. Главный Теоретик космонавтики СССР академик Келдыш, который своими фантастически точными математическими расчётами обеспечивал состыковку космических кораблей на околоземной орбите в автоматическом режиме «болт в отверстие», «штепсель в розетку» и который всегда безошибочно определял траекторию полёта, место и время посадки на дальних планетах запущенных в галактику космических аппаратов, так вот он, находясь в зените своей славы, покончил с собой, умышленно отравившись выхлопными газами своей автомашины в собственном гараже. А причиной этого печального для соотечественников поступка, как предполагают мемуаристы, было нежелание его участвовать в разработке планов «звёздных войн», а также отрицание им необходимости колоссальных затрат материальных средств на космическую гонку, когда на Земле масса людей погибает от голода и от излечимых болезней из-за недоступности им квалифицированной медицинской помощи.

Вот так боролись эти великие учёные за гуманность целей и

результатов своих научных исследований и так выражали своё отношение к ним, когда они, эти исследования, не соответствовали их представлениям о человеколюбии...

Прошу понять меня правильно: я никого не агитирую и тем более не понуждаю, а также не провожу параллели между приведёнными мною примерами с одной стороны, и нашими местными – с другой. Я просто хочу, чтобы учёные коллеги, особенно наши молодые научные сотрудники, занимаясь наукой, помнили всегда о своей ответственности перед людьми за гуманность методов и результатов своих исследований.

Наш молодой коллега Курамысов бывает неразборчив и самонадеян при выборе средств и методов операций. Приведу только один пример. В последнее время он при обширных резекциях печени по поводу опухоли стал удлинять время пережатия сосудов ворот печени, нарушая общепринятые правила. На мой вопрос: «Зачем так делаешь?» – он отвечает: «Печень пациента находится под фармакологической защитой». Помилуйте, сколько ни защищай лекарственными препаратами, печёночные клетки не смогут долго выдерживать кислородного голодания, они подвергаются некрозу, то есть гибели с формированием цирроза в отдалённом периоде. Получается, что Курамысов, избавляя больных от одних заболеваний на настоящий момент, обрекает их на другие в отдалённом периоде. Нет, мы не имеем права поощрять и поддерживать такого «целителя»!

Я считаю, что винить Тухфата Басаровича в принятии необоснованного решения по поводу научной карьеры Курамысова на ближайшие годы – нет оснований. Я полностью согласен с темой будущей кандидатской диссертации аспиранта Сауатова, а также с тем, что им будет руководить сам Тухфат Басарович.

Когда Кафтанов сел на место, Абдиев шепнул ему:

– Молоток! Задавим эту разнузданную молодёжь! Мы ещё в силе... Он смотрит на нас. Дай я тебе пожму руку, чтобы он видел...

Мадиев оглядел зал.

– Есть ещё желающие выступить? По-моему, вопрос ясен.

– Позвольте мне? – попросил Белов.

– Нет, не позволю. Вы уже выступили. Хватит!

– Но необходимо же, чтобы кто-нибудь дал справку по выступлению коллеги Кафтanova. Он допустил ряд перекосов в своих рассуждениях об этике учёных. Кроме того, он, обходя молчанием новые данные о сроках временного пережатия кровеносных сосудов печени, пытался зря очернить Курамысова! – не сдавался Белов.

– Профессор Белов, я вам не позволю превращать заседание учёного совета в дискуссионный клуб! – отрезал Мадиев.

Белов незаметно для соседей достал из кармана пиджака сосудик, оттуда таблеточку нитроглицерина и положил её под язык.

Из задних рядов раздался звонкий женский голос:

– Позвольте? Я – врач-лаборант Мареева.

– Пожалуйста, – нехотя ответил Мадиев.

Стройная, худощавая молодая красивая женщина, резко воздев голову, отвела чёлку от глаз и с бутылочкой воды в руке быстрой и изящной

походкой направилась к трибуне. Учёный секретарь Бобров посмотрел на свои часы и, обратившись к сидевшим в партере профессорам, назидательным тоном внёс предложение:

– Господа члены учёного совета, хотел бы вам напомнить, что у нас на повестке дня ещё один, причём очень сложный, вопрос. Поэтому с выступлениями по первому, уже разъяснившемуся вопросу, надо бы закончить.

– Пусть Мареева выступит, раз уж председатель разрешил. Только коротко. Потом можно будет и подвести черту, – с места выразил своё мнение Абдиев.

– Предложение профессора Абдиева принимается, – коротко резюмировал Мадиев. Затем, посмотрев на Марееву, кивнул ей, позволяя говорить. Та демонстративно посмотрела на свои часы, отвинтила крышку бутылочки и отпила глоточек. В этот момент сидевшие рядом Шамсиев и Таубалдиев снова стали шептаться.

– Эта стерва сейчас выкинет какую-нибудь штуку. Вот увидишь...

– Что с людьми происходит? Она ведь всегда была тихоней, – пожал плечами Таубалдиев.

– Наглая физиономия, ещё со своей водой выходит на трибуну. Ишь ты, стала культурной, продвинутой. Смотри на ... – Шамсиев осёкся на полуслове и вздрогнул, поскольку Мареева начала с персонального обращения к нему.

– Первое. Господин Шамсиев, я вынуждена задать вам вопрос: насколько хорошо вы знаете русский перевод латинского слова «экзальтация»? Изволите не отвечать? Тогда я тоже не стану приводить перевод этого слова. Скажу лишь, что данная вами Курамысову характеристика, что он «экзальтированный человек», по моему разумению, не соответствует действительности. Вы хотите потребовать доказательств от меня? А что может быть доказательством достоверности вашего или моего мнения в данном вопросе? Я полагаю, что таковыми могут быть итоги анкетирования знающих Курамысова людей либо результаты альтернативного статистического анализа¹ на сей счёт, или же те и другие в совокупности. Других научных методов исследования этого предмета я не могу придумать.

В зале началось движение, послышались смешки. Мареева продолжала:

– Захотите проводить анкетирование по этому вопросу – бога ради. Только в этом случае, для вящей объективности, структуру анкетного бланка предварительно согласуйте с членами экспертной комиссии, где вы являетесь председателем.

Вновь по залу прокатился шумок от приглушённого невнятного говора, который тут же прекратился сам по себе, без вмешательства председателя.

– А я вот чем смогу помочь вам в данном случае: пока до меня выступали вы и другие коллеги, я проверила на достоверность ваше и моё

¹Метод определения истины, применяемый в научных исследованиях.

мнение по данному предмету на ноутбуке по методике альтернативной статистики. Результаты здесь, на флеш-карте, и они свидетельствуют о верности моего и неверности вашего мнения. Тухфат Басарович, разрешите продемонстрировать содержимое флеш-карты на экране?

– Не разрешаю! У вас всё или ещё что?

– О, у меня ещё пара ценных выводов. Во всяком случае, они мне такими кажутся.

– Врач-лаборант Мареева, давайте быстрее и без шутовства!

– Тухфат Басарович, я настроена серьёзно. Что же касается быстроты, то... то напомните мне, пожалуйста, по регламенту сколько времени отводится для выступающих?

Мадиев насторожился, подавил вскипающий в себе гнев на эту выскочку, занявшую трибуну, и с подчёркнутой вежливостью произнёс:

– Да, моя вина, что сегодня не огласил регламент заседания. Но ведь само собой разумеется, что мы тут соблюдаем годами сложившийся порядок: выступающим до семи минут, докладчикам восемнадцать-двадцать три минуты, и необходимость отклонения от этих ориентиров в ту или другую сторону решается оперативно, по ходу заседания, председателем и членами учёного совета путём обсуждения возникающей ситуации. Вы уже израсходовали три минуты своего времени. Постарайтесь уложиться в оставшиеся четыре минуты.

Мареева продолжила:

– Второе. Господин Кафтанов, вы тоже не всю правду рассказали нам об академике Сахарове и Келдыше. Они были убеждёнными патриотами своей Родины, ненавидели войны, употребляли свои таланты для предотвращения оных, были счастливы тем, что им удалось достичь своих целей в своё время. Да, позже их постигло некоторое разочарование в результатах своих трудов, но только не потому, что они посчитали свои пути ошибочными, а потому, что зло, порождающее войны, не искоренялось, а всё больше изошрялось. Конечно, в финальной части жизни на их оценку значимости своих трудов, по-видимому, в определённой мере повлияла сумма особых неблагоприятных изменений в нейро-эндокринно-имунной и в других системах их организмов. Биохимическая суть подобных изменений науке пока неизвестна. Пусковым фактором подобных сложнейших перемен в гомеостазе² у пожилых гениальных людей наверняка являются огромная умственная нагрузка, выпавшая на их долю, и накопленный груз духовной усталости в их возрасте, а также глубина анализа своих трудов силами всё ещё мощно функционирующего интеллекта. Нам, потомкам, пред тем как размышлять или рассуждать о поступках таких гениев, как Келдыш и Сахаров, необходимо учесть и то, что упомянутый выше анализ ими производился, затем и принималось редуцирующее³ или вовсе аболиционирующее⁴ решение на фоне такого состояния души и тела, когда был пройден пик физического благополучия и творческого

²Совокупность сложных приспособительных реакций организма человека, обеспечивающих оптимальное функционирование всех систем органов.

³Уменьшение прежних функциональных возможностей организма человека.

⁴Отменяющее (ликвидирующее).

могущества. Указанные два варианта решений «на выбор», я имею в виду редукцию жизненной активности, а затем и аболицию, как мне кажется, являлись не актом отчаяния, а способом дальнейшего развития себя, как биологической особи. Согласитесь, с точки зрения философии Вселенной как редукция, так и аболиция служат формами развития. Ещё раз повторяю и подчёркиваю, что состояние души великих исследователей тайн природы – это особый и почти не изученный раздел физиологии человека. Коллеги, я считаю неправильным под видом «борьбы за гуманность целей и результатов научных исследований» огульно обвинять в нечестности того или иного научного работника, субъективно не угодившего тому или иному оппоненту, да ещё при этом в качестве орудия подавления его употреблять имена великих людей, неточно трактуя их взгляды на научные исследования.

– У вас всё? – теряя терпение, спросил Мадиев.

– Нет, нет. Подождите. Теперь третье. Курамысов поступает правильно, что уходит отсюда. Уходит, не роняя своего достоинства. А вот я отсюда не уйду. Я буду в оппозиции к дирекции. В конструктивной оппозиции. Потому что мне нравится работать в этом коллективе, хочу, чтобы он нормально развивался впредь. Я хочу способствовать этому своими критическими выступлениями. Так что здесь ещё будут мои выступления.

Шамсиев ехидно заметил:

– А что, мы здесь развиваемся ненормально?

– Предлагаю вам проверить этот вопрос, то есть достоверность моего мнения и оппонирующего ему вашего – научными методами. В противном случае, отсутствие консенсуса между нами по данному вопросу вероятно в высокой степени, и оно может быть ошибочно воспринято некоторыми коллегами как результат неприязненных межличностных отношений сторон. Спасибо за внимание! – Мареева вышла из-за трибуны и, откинув чёлку назад привычным движением головы, той же быстрой походкой направилась на своё место в задних рядах.

Многие стали почти беззвучно переговариваться.

– Стерва! Откуда у неё столько темперамента и красноречия?! – возмутился Шамсиев и стал считать свой пульс.

Таубалдиев шепнул:

– Не то говоришь. Не то. О, Боже! Подари же Тухфату Басаровичу минуту озарения! Не дай ему взорваться гневом! Нам нужна неспешная капитальная чистка, даже перестройка всего нашего хозяйства, а для этого...

Мадиев, широко улыбаясь, спокойно обратился к залу:

– Есть ещё желающие выступить?

Поднялся Кафтанов:

– Тухфат Басарович! Разрешите мне снова подняться на трибуну. Я хочу дать некоторую справку уважаемым коллегам по поводу всех трёх положений выступления врача-лаборанта Мареевой. Она выступила крайне некорректно, неточно излагая исторические факты, выставляя как

истину свои наивные и неверные предположения о гомеостазе великих людей. Некоторыми положениями своей речи она даже оскорбила в завуалированной форме и без оснований не только нашу память об этих людях, но и некоторых присутствующих здесь членов нашего учёного совета. Это – возмутительно! Необходимо сразу дать суровую, но объективную оценку её выступлению сейчас, прямо здесь, на этом же заседании. Прошу слова!

Однако сидевший рядом с ним Абдиев не согласился с коллегой:

– Я категорически возражаю против того, чтобы давать слово профессору Кафтанову! Он уже один раз выступил и изложил весьма ясно и убедительно свои взгляды на предмет гуманности научных исследований. Теперь же, если мы дадим ему слово ещё раз, он займётся защитой своих, уже известных нам, взглядов и обрушится с критикой на своего оппонента. Мы его оппонента, то есть Марееву, тоже выслушали. Она молода, растёт, но ей пока не хватает жизненного опыта и знаний в конкретных теоретических вопросах. Поэтому её рассуждения не только незрелые, но и во многом даже ошибочные. Мы, её коллеги, сведущие в научных вопросах больше, чем она, всё это понимаем и уже знаем, кто из выступивших прав, а кто неправ. Поэтому не стоит ломиться в открытую дверь. Нельзя превращать заседание учёного совета в дискуссионный клуб, когда предмет дискуссии не имеет прямого отношения к повестке дня. А возвращением и воспитанием гражданских и научных качеств у молодых мы займёмся отныне более целенаправленно и принципиальным образом!

Его поддержал Шамсиев:

– На мой взгляд, прав профессор Абдиев. Я за то, чтобы прения прекратить. Нам и так ясно, кто прав, а кто неправ.

Мадиев оглядел зал заседания:

– Другие мнения будут? Кто там поднимает руку? Мареева? Чего же вы хотите?

Мареева поднялась с места и заявила:

– По-видимому, мне тоже нельзя будет выступать повторно. У меня новое, конструктивное предложение: я приглашаю профессоров Кафтанова, Абдиева и Шамсиева к дискуссии на страницах Интернет-сайта по вопросам гуманности целей и задач научных исследований.

Мадиев улыбнулся:

– Это ваше личное дело, не имеющее касательства к повестке дня. Ну что, перед тем как прекратить прения, позвольте и мне сказать два слова в заключение. От души благодарю врача-лаборанта Марееву Людмилу Александровну за хорошее выступление! Хотя некоторые тезисы её выступления по сути своей неверные, а другие – сомнительные, явно умозрительные, не подкреплённые фактами (всё это – из-за её молодости, я в этом уверен), но всё равно они оригинальные, являются результатом глубоких переживаний определённых сторон жизни нашего общества. Истинно, истинно говорю: такого порыва честной души, которое она здесь проявила, давненько нам не приходилось видеть и слышать! Просто приятно, когда в коллективе есть такая, как она, и подобные ей смелые и умные люди. Более того, я хотел бы воспрепятствовать тому, чтобы наш Центр лишился таких полезных сотрудников, как Мареева и Курамысов. И критическую

часть речи профессора Белова примем к сведению. Ну так что? Раз других выступлений не будет, кто за то, чтобы утвердить тему кандидатской диссертации и научного руководителя аспиранту Сауатову в предлагаемом виде – прошу поднять руки.

Члены учёного совета проголосовали.

– Все, за исключением профессора Белова, – заметил учёный секретарь профессор Бобров.

Пациент вышел из комы только на четвёртые сутки после операции. С первых дней лечения в его однокоечной, но просторной палате был организован индивидуальный медицинский пост. Больного обслуживали две бригады медиков, постоянные по составу, сменяясь через каждые двенадцать часов. Кроме них в палате круглосуточно находилась охрана: по двое дюжих мужчин за каждую смену. Они вели себя тихо, старались не возбуждать интереса к себе со стороны медиков, но были очень бдительны к поведению охраняемого и к обстановке в палате, голосам и звукам, доносящимся сюда из коридора и из-под окон.

Как ни странно, пациент, придя в сознание, не поинтересовался, где он находится и что с ним, односложно отвечал на вопросы врачей, медицинских сестёр и санитарок, в остальное время лежал и молчал, во сне иногда стонал и нечленораздельно что-то бубнил. Из-за проволочных шин на зубах, удерживающих переломы челюсти в нужном положении, он питался жидкой и полужидкой пищей, процеживая её через трубочку, вставляемую в щель между рядами зубов. Медиков удивляла его неразговорчивость: с такими шинами, как у него, обычно люди сносно разговаривают, даже выписываются из стационара на амбулаторное лечение, если нет других сложных сопутствующих повреждений. А этот был необычайно замкнут, «ушёл в себя». Причину такого поведения пациента медики объясняли себе не следствием травмы и шинированием челюстей, необщительным характером от природы, а умышленной осторожной реакцией того на окружающую обстановку.

На восьмой день лечения с «первичных» хирургических операционных ран были сняты швы: заживление было хорошим. Инфицированные же раны, неизвестного врачам происхождения, под мазевыми повязками затягивались медленно. Переломы костей левой руки и рёбер также срастались постепенно, соответственно биологическим срокам восстановления. На десятые сутки лечения пациенту разрешили вставать с кровати и ходить по палате. Но он оставался пассивным, предпочитая лежать в постели.

На пятнадцатый день в его палате появился Мадиев. Лечащий врач встретил его подобострастно:

– Здравствуйте, Тухфат Басарович! Пожалуйста, проходите! Будете смотреть перевязку?

Мадиев попросил присутствующих оставить его наедине с пациентом. Медики и охранники вышли в коридор.

– Как ваши имя, отчество и фамилия? – спросил Мадиев.

– Не знаю, – прозвучал ответ.

- Вам этот вопрос задавали до меня?
- Да.
- Кто?
- Сиделки, медики.
- Где вы родились, кто ваши родители?
- Не знаю.
- Где и кем работали до этой истории с вами?
- Не знаю.
- Где, когда и при каких обстоятельствах получили побои, переломы костей, колотые и резаные раны?
- Не знаю.
- Где вы сейчас находитесь, что с вами делают, знаете?
- Знаю, я нахожусь в больнице, меня лечат.
- Мы вас скоро выпишем. Куда отсюда пойдёте?
- Не знаю.
- Вам не страшно оказаться на улице, без приюта?
- Очень даже страшно.
- Вам не кажется, что у вас где-то есть дом, семья, друзья-товарищи, работа и всё прочее?
- Не знаю.

По выражению лица и особенно по глазам пациента Мадиев понял, что тот симулирует выпадение обратной памяти на события, что на языке врачей называется «ретроградная амнезия». Одновременно он прочёл во взгляде этого неизвестного человека затаённую вражду на кого-то, готовность противостоять, бороться и победить. Он поразился духовной стойкости и мужеству своего собеседника, по-видимому, подвергшегося невероятным пыткам, но не сломленного. Какую же тайну он хранит в себе? Кто он на самом деле?

– Уважаемый, я вижу, что вы симулируете выпадение памяти. Об этом наверняка станет известно тем, кто вас довёл до такого состояния. Скоро, максимум через два-три дня, мы вас отсюда выпишем. Тогда вы вновь можете оказаться в их руках. Подумайте сами о дальнейшей судьбе своей.

- Кто и за что довёл меня до такого состояния – я не знаю.
- Мне кажется, что вы обо всём хорошо знаете. Ну так что? Выписывать вас отсюда на улицу или к ним, мучителям вашим?
- Наверное, рано меня выписывать из больницы.
- Дорогой мой, это – частный медицинский центр, здесь всё платно. В ущерб себе я не смогу долго держать вас здесь.
- Переведите меня в государственную больницу.
- Не получится: хлопот много, да и те люди, которые зорко следят за вами, вряд ли это допустят. Вы понимаете, кого я имею в виду? Вот эти молодчики, которые дежурят возле вас, не смыкая глаз, кажется, знают, кто вы. Они и перевезут вас куда надо, когда мы вас выпишем. Не обесудьте меня, я сделал всё, что в моих силах. – Мадиев встал и направился к выходу, но остановился, услышав от пациента:

– Пойдите. А ведь вы заодно с ними. Не отрицайте, это ясно по тому, как хорошо меня здесь лечат. Видимо, они вам хорошо заплатили.

- Допустим. И что из этого?

– Когда-нибудь за участие в их делах с вас тоже будет спрос. Всё, можете идти.

– А вы, оказывается, ещё и нахал!

– В таком разе подойдите сюда ближе.

– Ну, подошёл. Что дальше?

– Зачем вы пришли сюда? Что хотите узнать от меня? Что они поручили вам?

– Пришёл, чтобы получить ответы на уже заданные мною вопросы. А поручили они мне узнать, действительно ли вы страдаете выпадением обратной памяти? Если нет, то уточнить дату выдачи вас им. Если же да, то определить: каковы перспективы восстановления вашей памяти.

– Вы хотите знать, что им надо выяснить у меня?

– Разве только из чистого любопытства.

– Я вам откроюсь на этот счёт. Расскажу шёпотом. Дверь плотно закройте. Подойдите слева и поближе. У меня правое ухо временами плохо слышит.

Когда Мадиев наклонился к больному, тот внезапно схватил его за горло правой здоровой рукой и, не давая ему опомниться, надавил на область сонных артерий. Когда тот упал на пол без сознания, пациент ловко спустился с постели, вытащил из кармана лежавшего на полу Мадиева мобильный телефон, на ходу набирая номер, подбежал к двери и, подтягивая её за ручку к себе, удерживая телефон между ухом и приподнятым плечом, быстро, но чётко произнёс: «Я – человек Шатена. Знаю тайну. Покалечен. В больнице. Директором Тухфат Басарович. Спасите. Сегодня. Могут убить. Ваш номер стираю. Как поняли?». Мужской голос ответил: «Хорошо». После этого пациент, на ходу стирая набранный номер в телефоне, быстро подошёл к уже начавшему шевелиться Мадиеву, положил аппарат в карман его халата, а сам лёг в постель.

Через полминуты Мадиев встал на ноги.

– Сволочь ты! – тихо выругался он. Ответ последовал быстро:

– Ты, боров, слушай. Я позвонил куда надо. Выпишешь меня отсюда раньше времени или расскажешь кому-нибудь о том, что я звонил с твоего телефона – тебе конец. Сначала мне будет конец от тех людей, потом тебе конец от моих. Не вру. Связавшись с теми людьми, ты с самого начала влез в поганое дело. Должно быть, ты сам тоже догадывался об этом. Теперь у тебя единственный шанс уцелеть – никому ни слова! Понял? Я тебя спрашиваю!

Мадиев молчал, морщился и гладил рукой свою шею.

– Я тебя предупредил. Это – моя благодарность тебе за хорошее лечение. Теперь катись отсюда и займись своим помятым горлом. Скажи людям, что мороженого много съел и простудил. Пошёл!

Мадиев вышел в коридор и мимоходом бросил врачу, стоявшему в коридоре вместе с медицинской сестрой и двумя охранниками:

– Выписка откладывается до снятия зубных шин. Подключите ноотропил в таблетках в обычной дозировке. Для восстановления памяти. Будет толк. Зайду ещё.

Продолжение в следующем номере.

Светлана КИМ

“Сердце бьётся горестно и сладко...”

Послушайте, звёзды,
 послушайте, крыши,
 как душит меня тишина...
 Я очень боюсь ничего не услышать.
 Не от вина я пьяна... —
 от вечного шороха белых шторок,
 от вспышек чужих огней,
 от вязи узоров и поговорок,
 от мерно плывущих дней.

— Чего же ты хочешь, и что тебе снится
 под пологом долгих дней?
 — Мне снится:
 живёт во мне белая птица,
 мне снится:
 живу я в ней...

Мы с нею чужие, мы с ней незнакомы,
 как солнцу чужда луна,
 но если я выхожу из дома, —
 за мною летит она,
 и если она средь весёлой стаи
 вершит прибрежный полёт,
 одна только я её свет замечаю
 в глубинах прозрачных вод...

— Ты знаешь сама, но я повторяю,
 я повторяю вновь,
 что эта птица хранима стаей,
 и имя её — любовь.

1992

**Светлана
 Александровна
 КИМ**

родилась 10 мая 1968 года в г. Целинограде, в семье строителей.

В школьные годы обнаружила в себе стремление вживаться: в слова, образы, линии, звуки, формулы.

После окончания школы училась на математическом факультете Карагандинского ГУ.

В родной город вернулась в 1990 году. С тех пор работает в музее современного искусства (бывший музей изобразительных искусств).

Стихи пишет с 1992 года. Неоднократно печаталась в «Ниве». Живёт в Астане.

Опять наполнены бокалы
вином заката золотым:
спокойным, тёплым и усталым.
И от костров осенних дым,
грустинкой доброй, ароматом
прозрачным, пряным и лесным,
то возникает, то невнятно
курится в даях. А над ним —
распахнутое настезь небо,
под ним — зеркальная вода,
седые травы... быль и небыль,
что верно дарят нам года...
1992

Час ночной грозы

Я не могу и не хочу
их друг от друга отделять,
я с ними связана в одно:
я — тьма ночной грозы.

Они измучили меня
и очертания менять
не устают.

И там, и тут
теснятся.

Как призыв
забытой радости, огонь
разрезал мрак.

Проём
сомкнулся сразу.

И тогда,
тяжёлый на подъём,
встревожен светом, принялся
трясти решётки гром.

То тут разрыв, то там разлом, —
как лев в горячей клетке гром.

А мы плывём,
и водоём
смыкает гребни волн с дождём...
1993

Земля — вокзал. И пересадки
пронзительны, как небеса.
Всё при тебе. И на укладку
тебе даётся полчаса.

Возьми с собой свои молитвы
и память прожитых веков,
покой среди жестокой битвы
и неприятие оков.

Возьми с собой цветы сухие
(изгибы форм, прощальный жест),
стынь предрассветной ностальгии
и радостный и тихий крест.

И ожиданье новой песни
(коль жить без песен нету сил).

Ты жив. Что может быть чудесней?
Ты большего и не просил...

Земля — вокзал. И держат своды
берёзы, вязы, тополя.
Тоска пронзительной свободы
до новой станции — Земля.
23 июля 1994

На каком полустанке назначена встреча
тех молчаний, что плыли, леча и калеча
наши души, по рельсам голубы-земли
(почему-то их в разных вагонах везли)?

На каком полустанке трава зеленее,
и бегут облака, словно стопы хорея
детской песни, и даже слова не нужны,
и плывут ароматы степной тишины?

На каком полустанке? — На этом...—
— На этом...—
их немало, таких полустанков, по свету
разбросало... Не веришь? — Но этим живёшь.
А ещё, говоришь, белый свет не хорош.
1999

Родинка

1

Почему обернулся Орфей?

Эвридика — родинка мелодий:
 безоглядна даль...
 Вдаль тебя мелодия уводит,
 но чего-то жаль
 музыканту, — он забыл все ноты, —
 небеса пусты.
 Безутешным взглядом ищет что-то, —
 чистые листы
 затаились — стерегут оглядку:
 «Музыка — с тобой!»
 Сердце бьётся горестно и сладко...
 ...Бьёт в глаза знакомая повадка...

...Музыка на безвозвратность падка.
 Плачь, Орфей, и пой!

2

На паутинке бабьего лета
 ветер играет сонату Бетховена...
 Всё повторится, только вот эта
 канет минута, но будет отпета
 ветром и скрыта листвой она.

Всё повторится. Будни забудут
 родинку, перебирая приметы...
 только поэты о чём-то будут
 вечно печалиться бабьим летом.

Звёздное радио

Выхожу один я на дорогу...

М. Лермонтов

Небесное радио сердце настроит,
 и звёзд голоса понесутся из дали:
 — Я миг. Не смигни...
 — Где ты? Здравствуй!
 — Нас трое.
 — А я — безымянный. Меня и не ждали...

Небесный эфир шелестит голосами, —
 легко и могуче дыхание Бога...

Там вас вызывают, — послушайте сами!
 Вот посох. Вот небо, звезда и дорога.

Сентябрь 2000

Окна поездов сшивают дали,
вглядываясь и копя приметы:
Вот осенний клён, — его не ждали, —
полыхнул. Смотрите, а на этом

поле — встречу несётся спелый колос.
Домики. И в поднебесье — птица.
Вдалеке звенит девичий голос. —
Сорок сороков, — всё пригодится!

Даль за далью... Только небо то же.
Даль за далью. То же обещанье:
«Там-там-там, там-там-там-там, быть может,
обернутся встречей все прощанья...»

Окна поездов сшивают дали,
как глаза упрямого поэта.
Вы своей душе ещё не дали
заглядеться в окна на приметы?..
Октябрь 2000

Оплетавшие останутся.

Дальше — высь.

М. Цветаева

Оплетавшие душу — останутся в ней,
чтобы с шорохом летних дождей приходить,
жить в привольном дыханье зелёных полей
и вплетать в твои сны разноцветную нить.

Оплетавшие душу — идут чередой
через снов разноцветье, — из ночи да в ночь.
Ты уснёшь, убаюканный поздней звездой:
...этот жест!.. этот взгляд!.. — всё как
было — точь-в-точь.

Это счастье бы — да удержать навсегда..
Но встречает проснувшегося тишина.
Чьим там оком глядит голубая звезда,
чуть покачиваясь в переплёте окна?
4 марта 2001

Я скажу: «золотистый», — увидите вы,
как упруги лучи средь зелёной листвы,
как пчела кропотливо снуёт на цветке,
как волшебен пушок на любимой руке...

Но к чему утвержденья? Ведь мне невдомёк...
Пусть танцует пчелой золотистый песок,
солнце льёт своё золото в очи земли,
и уходят в закат золотой корабли...

Как огромная арфа — значений игра.
Те же струны иначе звучат, чем вчера.
Звук для уха другого — что капля в песок.
Что увидите вы — мне всегда невдомёк.
Весна 2001

Осенняя пора. Редает жёлтый лист,
ложится на асфальт в пределах городских.
А мы идём в лесок, где воздух дивно чист,
где под ногой — земля, где шум машин утих.

Здесь синева сквозит так невозбранно, и
от солнечных лучей тепло плечам, спине.
Берёзы, тополя, любимые мои,
покоя своего немного дайте мне!

Здесь воздух напоён землёй, листвою, травой.
И дышится легко в преддверии зимы.
Заветная моя молитва: Боже Мой!
Пускай ещё не раз сюда вернёмся мы.
30 сентября 2001

Мир, что в причудливости прост:
как музыка твоих звучаний,
роются стаи примечаний
под строчкой, вставшей в полный рост.
29 июня 2002

Как наполнена звуками ночь.
Этот шум поездов за окном.
Так печали уносятся прочь.
И весною становится дом

обиталищем ласковых грёз,
что витают над нами во сне.
Изумрудная дымка берёз
устилает сердца по весне.

Изумрудною дымкой стелю
я твои дорогие пути.
Потому что тебя я люблю.
Если можешь, мне это прости.

Если можешь, мой друг, то тяни
Ариадны певучую нить.
Если можешь, то мне объясни,
я же и не смогу объяснить

всех значений живую игру.
Я любовь без раздумий беру.
24 апреля 2003.

Василий ШУПЕЙКИН

“ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ...”

Повесть

(Окончание. Начало в № 1 за 2012 год)

Закон суров, а судьи кто?

Закон запрещает журналистам комментировать решения суда, тем более проигранного дела. Да, суд первой инстанции вынес решение в пользу истца, приговорив нас к опровержению. А подавшему иск – миллион тенге. Случилось это за сутки до выхода в свет статьи «Спать! Суд идёт». Как вы уже догадались, материал этот вышел со снимком, на котором секретарь суда изволит почивать на столешнице. Не посвящённый в тонкости процесса, я ужаснулся: завтра – приговор, то бишь решение, а король, разгневавшись, потерял чувство реальности.

– Да судья за такое вздёрнет нас на реях! – высказал я Островскому свои страхи.

– У судьи давно уж решение по нам написано. Причём написано оно Токашевым – будет тебе «ваша честь» утруждать себя чёрной работой. А статья нам нужна для подачи апелляции. Работайте, сэр, работайте, слава вас найдёт, – то ли с горестной, то ли с усталой улыбкой сказал Влад и погрузился взором в монитор.

– Ничего не понимаю, – констатировал я, удаляясь.

... В следующем номере газеты вышел ещё один «провокационный» материал, где утверждалось, что председатели кооперативов собственников квартир нанимают доверенных юристов в суд на деньги жильцов, против которых и судятся. В качестве доказательства автор цитировал некий документ – договор, подписанный председателем КСК Токашевым и юристом Розенблюмом, а также называл номер расходного ордера, ссылаясь на ксерокопию этого документа, согласно которому упомянутый Розенблюм получил из кассы КСК четыреста пятьдесят тысяч тенге. Неплохой гонорар, вероятно, с кем-то поделённый.

Уже на третий день после выхода в свет этого материала Островского пригласили на заседание коллегии по судейской этике.

В редакцию он вошёл светящимся и гордым.

– Чё, Владик, выиграл дело? – спросил Ильяс, не отрывая глаз от клавиатуры, по которой шумно стучал пальцами.

– А ты как думаешь?

– Чё тут думать, если светишься, как лысина при луне... Погоди, не рассказывай – я материал заканчиваю...

– Короче говоря, мужики и бабы, – начал Островский после всеобщего сбора к нашему столу. – Оказывается, есть среди судей истинные патриоты, для которых слово «Родина» – не пустой звук! – Влад вошёл в роль и его вновь понесло, но никто не посмел прерывать Короля.

Из всех витиеватостей речи коллеги мы поняли, что материал «Спать! Суд идёт» сыграл роль фактора раздражителя для судьи первой инстанции.

– Вот потому-то, говорю я членам коллегии, – стоя в театральной позе, рассказывал Островский, – решение и было вынесено в пользу Токашева. Хотя по сути своей наша статья имела совсем другой оттенок.

– Влад, Влад, а как же они пропустили то, что съёмка произведена без разрешения судьи? – робко спросила Наташка, которая никогда в жизни не писала острых материалов.

– Позвонили люди из Верховного суда и сказали: если сей факт не фотомонтаж – гнать с работы эту секретаршу. – То ли всерьёз, то ли в шутку заявил Влад. (Ну кто может за него заступиться в Верховном суде республики?). – Они мой фотик попросили на экспертизу, думали, я испугаюсь. А я им: нате, выкусите, никакого мошенничества – ловкость рук и прозорливость ума.

– Гений ты наш, – вставила свои пять копеек Инесса. – Иди уже за бутылкой, обмоем твою победу.

Дважды таких предложений Островскому делать не приходилось. Короче говоря, через пятнадцать минут я прибыл из магазина и разливал по стаканам водку. Съестное собирали по всем кабинетам. Особенно тяжело в этот обеденный час пришлось непьющим – их домашняя еда ушла на закуску оскоромившимся коллегам. Но и они с удовольствием выслушали во второй и третий раз, как Островский судей побеждал. (Была у мэтра привычка повторять с новыми подробностями ранее рассказанное).

– А чё, – резюмировал Ильяс, когда Берик, от нетерпения уронив стакан, призвал героя дня закончить «сериал», – интересно же, каждый раз по-новому. Слышь, Владик, а чё насчёт оплаты юриста?

Все с удивлением уставились на Ильяса. Дело в том, что он как-то заявил, мол, я нашу газету не читаю – скучно пишете. А тут, оказалось, что знает про последний материал Влада.

– Ну, чё, чё заволновались, – буркнул, догадавшись в чём дело, Ильяс, – не только я, все вы читаете материалы Влада. Давай, говори.

– Гений ты наш, – вновь потихоньку подколола Гротова и протянула в мою сторону пустой стакан.

Влад сделал вид, что не понял первого и не слышал вторую.

– А по господину Токашеву возбуждено дело. Пожужём – увидим, что из нас от него выйдет...

Забегая вперёд, скажу: вышло. Не только Токашев подавился Владом. Судью первой инстанции тоже освободили от занимаемой должности. Но это случилось после того, как апелляция газеты «Час пик» и её специального корреспондента Владислава Васильевича Островского была удовлетворена в полном объёме заявленных требований.

Скрывать не буду. Нашу редакцию со дня основания в журналистской среде звали «пьяной». Нет, людей, склонных к ежедневной выпивке, у нас работало не больше, чем в других редакционных коллективах. Увы, но для творческой интеллигенции пропустить по маленькой в

рабочее время – святое дело. Другой вопрос: где это происходит? В большинстве изданий пить на рабочем месте категорически запрещалось, а у нас – пожалуйста, лишь бы не до скотского состояния. Вот потому-то нас и прозвали «пьяной редакцией». Зато газета наша всегда была трезвой. Как-то сам собой утвердился менталитет: сдал материал, можешь выпить, не сдал – коллеги тебя же и остановят. В день выхода газеты в свет – ни-ни. Ну и другие положительные моменты из той же оперы...

Очень редкие экземпляры гениальных журналистов могли позволить себе пить на местах.

И об этом всякий раз, как только на чьём-то столе расстилалась газетка, разрезался хлеб и ставились стаканы, начиналось очередное воспоминание.

– Ф. Ф. позовём или пусть работает? – как всегда поинтересовался у собравшихся за импровизированным дастарханом Острый. Все прекрасно знали: если ответсеку налить, остановки у того уже не будет, потому и прикидывали: звать, не звать. Но если не позвать, а он придёт и увидит – беда. Будет бурчать два дня, до следующего раза.

– Короче, так, – принял решение Влад. – Я сейчас к нему зайду с одной бутылкой, налью стакан, а остальное, скажу, для ребят. Если и зайдёт, так у нас на столе всегда будет стоять остаток.

Пока он навещал Ф. Ф., Гротова вспомнила про Юрия Николаевича Кулибабу, ответсека, как говорили, милостью Божьей.

– Он приходил раньше всех, мы тогда каждый день номер в свет выдавали, закрывался в кабинете и высчитывал макет. Никто не тревожил Кулибабу до тех пор, пока не послышится из-за его дверей пение. Это означало: оба готовы. То есть и макет, и Юра. Манера у него такая была: за каждую вновь сформированную полосу – полсотни граммов. Свои двести Кулибаба принимал до обеда в обстановке одиночного творца. Остальное допивал с коллегами. Но угощал всегда сам. Был у нас редактор тогда, так тот по кабинетам шарился, чтобы ему налили. А Юрий Николаевич...

В этот интересный момент вернулся Влад.

– Наливайте, господа! Фёдор обезврежен... После нашей водяры вновь свою «красенькую» начнёт принимать – а смешение стилей недопустимо, вредно, я бы сказал. И организмом не принимается. Ну, чтобы не дойти до портвешка! Кто за? Прошу сдвинуть стаканы!...

Он намеренно искажил ударение, чем и обозначил застольную тему.

– А мне конфекту дадите? – манерно попросила Гротова.

– Щасма, на мотоцикиле сгоняю! – подыграл ей Влад.

– Хоша бы побыстрееЯ ты на газ нажмал.

Игру поддержали другие. Кто-то вспомнил, как в их дворе мужичок, поддерживая разговор о политике, обязательно вставлял: «Я даже не в курсах событий». Или: «Есиф эту прондблему смотреть по-сурьёзному...».

– А мне сейчас в Турции, – вспомнила Наташка, – мадам одна заявила: «Надо плысть до буйка, обгинать его и возвращаться, и тогда не пополнеешь от «всёвключено».

После третьей балагурство в редакции не переслушать – у каждого есть свой пример.

– А хоша бы и так? – вставил Берик. – Да-жить, Малик?

– Агажить! – отвечал коллега, отрезая толстый кусок сала и приговаривая излюбленное: «Долго русские нас обманывали, что сало невкусный продукт и даже вредный. А оно, оказывается, чем толще нарезано, тем полезнее...».

– И за что я люблю редакцию? – задался извечным своим вопросом Влад, дошедший до первой кондиционной дозы. – А вот за эНто, за самое: интеллигенты в первом поколении с удовольствием гутарят на языке доленинского пролетариата. И всем весело. А завтра, – он вдруг посерёзнул, – один из вас ещё тогда, пока трижды не заматерится Ф. Ф., предаст нас: выловит в тексте «блоху» и отнесёт её редактору, и получит свои серебрянники за «находчивость».

Он встал.

– За – профессионалов, не жалеющих себя и других, ради общего дела! – тост был произнесён без тени улыбки и намёка на шутку. Мы выпили молча.

– Чего расстроились, клубок единомышленников? Кто покусан в терриуме друзей? – выдал очередной каламбур Влад, как всегда тамадивший в любой компании.

Народ встрепенулся.

– А давайте попоём на голоса! – предложила Дубицкая.

– Так, этой бабе больше не наливаем, – распорядился Влад.

– Почему? – обиженно спросила Людмила.

– Во-первых, не «на голоса», а на два голоса. Во-вторых, скажи-ка, тётя, какую песню ты желаешь затянуть?

– А хотя бы «Ой, мороз...»!

– И как нас поймёт остановившаяся у окна общественность: на дворе – август, тридцатник по Цельсию, а в «ЧП» – мороз?

– Ну почему мы должны всё делать, как говорит Островский? – вскинулась Людмила. Назревал скандал: пьяный Влад спуску не давал никому.

Еле сдерживая накативший гнев, он всё-таки попытался разрядить обстановку:

– Мадам, вам непременно нужна хоровая капелла или вы солом споёте?

В этот момент в корреспондентскую вошёл Ф. Ф. Оглядев мутным взором компанию, он улыбнулся и проямлил:

– Вот с этого всё и начинается... – Мысли своей развивать не стал. Икнул и тихо спросил: – Кто меня отвезёт домой?

Островский взял его под руку.

– Пойдём, Фёдорыч, – мы своих на четверть-дозе не бросаем...

Как только они вышли, общество скисло. И напрасно Дубицкая затянула «Ой, мороз...» – никто её не поддержал...

На планёрку становись!

Понедельник – день тяжёлый. Всё человечество об этом знает. Даже песню в Советском Союзе пели про остров невезения, на котором жили несчастные люди-дикари, страдающие именно по понедельникам. «Им бы понедельники взять и отменить...», но «...на проклятом острове нет календаря...».

Во всём мире есть календари, но понедельники никем не отменяются. По ним, то есть именно в этот день недели, люди страдают. По крайней мере в тех редакциях, где принято проводить планёрки именно в первый, самый нелюбимый многими день недели...

– Твою мать, – крепко и без стеснения выругалась Людмила Дубицкая, лихорадочно вытряхивая из портфеля содержимое. – Ну куда, куда я дела эту бумажку!?

В другой момент Берик, который сам никогда не ругался и других одёргивал, непременно бы сделал ей замечание типа «Люда, это нехорошо, когда женщина говорит такие слова...», на что Дубицкая всенепременнейше послала бы его и продолжила бы свои матерные экзерсисы. Но накануне планёрки и Берик, и другим было не до того – всяк готовился к бою...

Почему так – не знаю, но у большинства журналистов нет привычки делать что-то загодя. Всё – в последний момент. И особенно этим отличается понедельник. Час пик в нём, вернее сказать по-шахматному, цейтнот – время перед планёркой. Именно в эти драгоценные минуты все начинают строчить планы, подсчитывать количество выданных за неделю строк и знаков, приводить в порядок записи, готовить ответы на претензии редактора. А они обязательно будут, потому как без ошибок в нашем деле не обойтись. Мы – не американцы, которые пишут по одному материалу в месяц и потому имеют возможность проверить всё до мелочей. У нас по-прежнему план и вал. По крайней мере, в нашем «ЧП». Перед каждой планёркой слышится одна и та же фраза: «Кому нужны эти планы, если они всё одно нарушаются?». И тем не менее редактор стоит на своём: «Даёшь план на неделю с объёмом в тридцать тысяч знаков». Для непосвящённых растолкую: тридцать тысяч знаков – это три страницы плотного газетного текста плюс по две информации в каждый номер. Не выдаёшь норму – гонорар снижается. Но вот парадокс: сдаёшь эти злосчастные знаки, а они не выходят в свет. То срочный материал из администрации надо напечатать, то... Да мало ли что ещё в лысую голову нашего шефа может прийти. Не понравился материал, вот и не поставили его в номер. А заявлять и писать надо – корреспондент не вправе отказываться от задания.

Наконец Людмила нашла искомое и с удовлетворением выдохнула:

– Чёрт знает, что такое: как планёрка – у меня мандраж. Этот лысый хрен доведёт меня до цугундера, я его укокошу...

– Ага, Людка, правильно, – буркнул Островский, не отрывая взора от монитора. – Задуши его в своих объятиях. А мы все скинемся и соберём тебе 400 долларов...

В корреспондентской мгновенно наступила тишина, про которую

говорят: «милиционер родился».

– Какие 400 долларов, ты чего мелешь, Острый? – вскинулась Людмила.

В воздухе запахло порохом войны. Сумму в эти самые 400 долларов при Дубицкой называть не рекомендовалось. А дело было в следующем...

Некогда она была спецкором самой значимой газеты страны. Не самой читаемой и интересной, но значимой – в эпоху перехода от социализма к светлому будущему с лицом капитализма так бывает, уверяют старожилы: главное, кто стоит за изданием, а не то, про что и как оно пишет. Так вот, журналисты всей нашей стремящейся к новой жизни страны знали: газета эта мало чем отличается от своего социалистического прообраза, но находится под крылом власти, а потому с лёгкостью откликались на предложение работать там и писать то, что требовалось самым, как говорят в наших кругах, кондовым языком, то есть дубово. Что и делала, пардон за тавтологию, Дубицкая много лет, пока...

Женщиной она была одинокой, бездетной, весьма сексапильной, но практичной и жадной до неприличия. Если шла на угощение – пила и закусывала до состояния нестояния, бывало, что и – «мордой в салат». А деньги любила больше родной мамы, не говоря уже про родину. В кондовую газету назначили нового редактора, хваткого и озорного мужичка, начавшего мгновенно распространять своё семя по редакционным «лункам». Кто отказывался – вылетал с работы за шесть секунд. Но таких было раз-два. А может, только раз. Дошла очередь и до Людочки. Она с большим воодушевлением приняла редакторское приглашение в ресторан. В редакции об этом узнали с её, естественно, слов. Кроме того народ ведал, что после ужина настоящие женщины получают «гонорара» поболее талантливых мужчин.

– Надела я новые трусы и помчалась, как дура последняя, – рассказывала потом Дубицкая свою версию. – А он, козёл, оказался импотентом и обвинил меня в своём позоре. Пришлось уволиться. Да пошёл он...

Редакторская «правка» такова:

– Чуть не силком затащила меня в свою квартиру. Легла тут же. А сама – как бревно! Я собрался уходить, вызвал машину, Людка мне – счёт: стала ныть, что мало получает, а «пашет» больше всех. Ну я рассвирепел, вытащил из кармана всё что было – четыреста «баксов» – и положил ей на стол. Вот что бы нормальная баба в этом случае сделала, зная, что обидела шефа? А эта схватила «бабки» и быстренько прятать принялась. Тварь жадная...

С тех пор вышеупомянутая сумма для Дубицкой – красная тряпка.

– Прошу прощения, Люда, – как ни в чём не бывало, буркнул Островский. – Четыреста – маловато, кризис, цены растут. На пятистах сойдёмся?

Людмила выпучила глаза, вытянула вперёд обе руки с длинными ногтями, но не успела встать с места.

– На планёрку, на планёрку! – разнеслось по кабинетам эхо призыва.

Схватив записные книжки с планами тем и материалов на следующую неделю, мы «дружно» двинулись в кабинет главреда.

Планёрка

У каждого в редакции есть своё место: в кабинете, на газетной полосе и, соответственно, в табели о рангах, ведомостях зарплаты и гонорара. И если первые пункты общеизвестны, то два последних – тайна за семью печатями. Можно лишь догадываться, кто и за что получает больше других.

Примерно по этой же схеме мы рассаживаемся у главного на планёрку. Кто сидит с ним рядом, тот и получает больше других. Замы, ответственный секретарь, редакторы отделов. Эти – за круглым столом. Мэтры журналистики поодаль, но в первых рядах. У молодых, как правило, постоянного места на планёрке нет – куда успеешь сесть...

Наш лысый шеф всегда сидел за своим рабочим столом. Взирает на всяк сюда входящего с умопомрачительным видом морды лица, как будто бы говорящим: вам, бездельникам, хорошо, написали свои тридцать тысяч знаков и по домам разошлись. А я потом должен сидеть до утра и править, править, переписывать...

Справедливости ради стоит сказать, что журналистскими талантами наш главред не отличался, за что и был постоянно критикуем не только мэтрами, но и более зелёными журналистами. Но в редакции царит единоначалие. Как в армии: командир всегда прав, гласит первая статья устава. А во второй говорится: «Если командир не прав, читай статью первую».

Когда я шёл учиться на журналиста, вся страна в состоянии суверенного опьянения «знала», что пресса теперь независимая.

– Потому что от неё ничего не зависит, – сразу же отрезвил нас декан. – А зависит наше «общественное мнение» от тех, кто купил СМИ... И посадил в каждое издание своего «лысого редактора», добавлю теперь я. От которого тоже ничего не зависит в формировании информационно-идеологического пространства страны. А от кого оно зависит, спросите вы? И я отвечаю: читай выше слова декана. Нам достался тот, кто достался, и никто мнения творческого коллектива не спрашивал. Более того, как он сам любил припомнить:

– Прислали меня для наведения порядка в вашей редакции. – На слове «вашей» он задержался. – И я сделаю это во что бы то ни стало, вплоть до применения палочных методов.

За что и получил кличку «оберштурмбанфюрер». Но она как-то не прижилась – слишком долго выговаривать. Поэтому к моменту моего прихода главреда иначе как просто «фашист» никто не называл. Было, было в нём много того, что в народе, пережившем нашествие коричневой чумы, навеки связано с этим мерзким словом: змеиная улыбочка, тихий, шипящий голосок, смакование чужих ошибок и полная уверенность в собственной непогрешимости. Чем не образчик фашиствующего наци? А ещё говорили, что когда наш лысый был молодым и кучерявым, он работал в одной самой популярной по тем временам газете, и очень возгордился сим фактом. Причём гордыня его стала распространяться не только на домашнее окружение, но и внутри коллектива. Что

было подмечено как супружницей его, так и коллегами. Последних он стал менторски поучать. В конце концов жена наставила ему рога и ушла к не гению, но мужу. А журналисты как-то писнули ему в чайник.

Никто не знает, доведены ли были до «фашиста» вышеописанные каверзы, но уволился он после этого немедленно. По словам знавших его смолоду, после «чая» стал он ещё более жёлчным и нетерпимым к чужим талантам. С годами, выбиваясь в руководители, выдавливал из редакций всякого, кто писал живо, интересно, имел обширную читательскую почту. Завидовал. Но умело льстил начальству – и вот, поди же ты, шёл в гору по карьерной лестнице.

Как-то Владислав Васильевич разговорился и поведал, что по молодости он тоже прикладывал руку к лысой, тогда ещё кучерявой, голове. И не в переносном, а в прямом смысле.

– Поэтому наш «фашист» побаивается со мной связываться, – резюмировал он характеристику отношений с главредом. – К тому же покровительство отцов города моей персоне для него барьер – боится, гад! И правильно делает. Вякнет на меня лишнего – башку разобью как арбуз. Да, посмотрел бы я на размер мозга этой башки! Во, брателла, именно про таких, как он, и говорят: знает правильный порядок правильных слов... Прежний у нас тоже не подарок был – интриган и выпивоха. И не знаешь, когда он был нормальнее, трезвый или пьяный. Всё стравливал нас, стравливал. И ведь «добился своего» – мы разозлились и сожрали алкаша. Теперь бомжует наш бывший руководитель «городского масштаба». Это он сам себя так называл, когда напивался и попадал в руки ментов. Я про него даже притчу написал. На, читай...

Островский протянул листок с машинописным текстом.

«Притча про то, как...»

Один человек очень любил водку. Сильно любил, дня без неё прожить не мог. Можно сказать, не по-человечески он её любил. Вот, например, люди любят друг друга. Им, конечно, тяжело расставаться и жить друг без друга какое-то время, но в жизни всякое бывает, и они расстаются. Скучают, вспоминают, переживают, мечтают о встрече, при этом не кидаются сломя голову искать замену любимому. То есть ведут себя по-человечески. А этот, о котором речь, если хоть один день не встречался с водкой, пил всё, что напоминало ему о ней. И так всю свою жизнь. Жизнь, правда, у него была недолгой. Говорят, что так происходит всегда, когда у человека случается нечеловеческая любовь к кому-нибудь или к чему-нибудь.

Надо сказать, что человек этот был не простой, а руководящий, к тому же не дурак и не без таланта. Он в молодости не так сильно был «влюблён», и семьёй успел обзавестись, и образование получил неплохое. А за то, что грамотен и талантлив, сделали его начальником – главным редактором газеты. Вот тут-то с ним любовь эта проклятая и приключилась. Он-то сам считал, что никакая это не любовь, а так, небольшое увлечение, в крайнем случае влюблённость. И жене, которая первой изо всех его страсть заметила, говорил: «Ну что ты заладила, бросай да бросай! Да я без неё в любое

время обойдусь...». А сам всё больше и сильнее прикипал к водке, что называется, душой и сердцем отдавался ей. Вот жена и не выдержала, говорит: «Или я, или она!».

Человек тогда решил, что ему не та, то есть плохая, жена попалась, мол, другая б его поняла, потерпела – он же не какой-то там пропащий алкаш-забулдыга, который не может взять и бросить водочку любить. Он, если хотите знать, может с ней расстаться в любой момент. И, чтобы доказать «не той жене», что это действительно так, человек расстался со своей «любимой». Вот тут-то все и поняли, что любил он водку не по-человечески. Потому как хмур и зол стал, мнителен и раздражителен, нетерпим к чужому мнению и вообще... Даже ум и талант его померкли в разлуке с милой водочкой.

«Вот видите, как мне плохо живётся и работается без неё!» – сказал он друзьям, коллегам и родным и возобновил было утраченные встречи со своей единственной. А подчинённые, так те были только рады, когда любовная связь их шефа наладилась – нальёшь ему полстакана в недобрый час – и никаких проблем.

Прошло ещё некоторое время. Но потом высшее начальство, как и жена, предложило человеку выбор. А он уже и сам прекрасно сознавал, что не в силах выбирать что-либо, когда рядом она. В редакции заволновались, говорят: «Если не может сам, надо спрятать её от него... А то всех разгонят, а у нас же дети малые, их кормить надо». Все переполошились – и журналисты, и корректора. Сторож редакционный – и тот заволновался: «Ты, – говорит человеку, – подумай хорошенько, посмотри на меня, который раньше был большим начальником, но влюбился в сладкую отраву, вино называется... С тобой то же самое будет – бросай её».

И на этот раз не послушался человек доброго совета, не учёл чужой пример. У него, видимо, от многолетней страсти мозги иссушились, ум уменьшился, вот и забыл он древнюю мудрость, что на своих ошибках только дураки учатся. Короче говоря, в очередной раз стал он показывать окружающим свою нечеловеческую любовь к водке. Когда оказался без работы, денег-то не стало, вот и изменял он любимой налево и направо, то с бормотухой, то с самогонкой, а то и вовсе на технические жидкости налегал.

Сам себя при этом жертвой произвола начальства называл. В глубине души он, конечно, уже давно знал, что сам всему виной, но оправдывал случившееся перестройкой в обществе, считал себя её жертвой и всё ещё надеялся, что влюблённость его пройдёт, и тогда... Родные его жалели и тоже искали причины для оправдания в окружающей среде. Говорили, вот, мол, не повезло человеку. Если бы не стал руководителем этих злоупотребляющих журналистов, не сошёл бы и с этой «стервой»...

Редакцию же действительно разогнали кого куда. И никто из тех, кто потерял работу, чьи дети остались без вкусного сервелата, не жалел человека. А за что жалеть, и почему они должны были это делать – не они им, а он ими руководил. Кстати, и очень часто заставлял их «влюбляться» по образу и подобию своему, то есть не по-человечески. Но большинство-то устояло. Журналисты и корректора – люди умные...

Короче говоря, в конце концов водка от этого человека сама ушла: а на хрена дорогой крале безденежный любовник?! Нажалевшись вволю и намучившись не менее, отвернулись от человека и родственники. Остался он один...

Наконец, ничего и никого на белом свете не имея, сгинул и он...

А ведь так мало ему требовалось – любить по-человечески, всех и вся. В том числе и водочку.

...Кто не понял, что значит «любить по-человечески»? Ты? Объясняю: если один человек любит другого, то – сколько хочется и без ограничений, всё остальное – в меру!».

– ...Все сдали планы на неделю? – тихо и вкрадчиво спросил главный, не отрывая взгляда от бумаг, разложенных на столе. Как правило, в начале планёрки он разговаривал и что-то писал одновременно. Видимо, «зарабатывал» у подчинённых славу Гая Юлия Цезаря, умевшего делать сразу несколько дел. Затем забывался и мог только сверлить взглядом ненавистных журналистов, из-за которых... Впрочем, я это уже писал.

– Мои отделы всё сдали, – услужливо вскинулась первый заместитель главного редактора Светлана Василенко.

– Спасибо, малыш, – не удержался от фамильярности в адрес любимицы-сдавала редактор. «Малыш» было его фирменным знаком обращения к женщинам. Но милые дамы его как мужика не воспринимали. За исключением таких мыр, как Светка. Вот уж парочка, гусь да гагарочка...

– Ща, доделываю, – буркнул просто заместитель Марк Ваксман.

Его редактор удостоил взгляда буравчиком и сузил губы до ниточек.

– Каждый раз одно и то же... – Он обвёл взглядом нас с Василичем. Наш отдел был подотчётен Ваксману. А потому мы были причислены к соучастникам. Островский демонстративно сунул палец в нос, мол, у нас всё в порядке, осталось только с удовольствием избавиться от козуль.

– Кто конкретно не сдаёт планы вовремя? – зашипел «фашист».

В его кабинете установилась та тишина, которую называют «перед бурей».

– Я сдала, – взвизгнула Людка Дубицкая. – Я всегда вовремя сдаю планы...

– Но никогда их не придерживаешься, – вставил Ильяс.

– Я.. я.. – не зная, что ответить, заблеяла Людмила, но её попытка вступления на путь войны с коллегой была пресечена редактором.

– Спрашиваю не тех, кто сдал, а тех, кто не сдал и никогда вовремя не сдаёт!

Но таких на планёрке не оказалось.

Ваксман наконец-то оторвался от бумаг и, как ни в чём не бывало, протянул лист редактору.

– Пожалуйста, Михаил Леонидович, – все и всё тут. – Простите меня за задержку, – он глянул на часы и добавил, – в три минуты и 27 секунд.

У редактора побагровела лысина, и он перешёл на ещё более тихий звук:

– Впредь попрошу не опаздывать с подачей планов. Как и со сдачей

материалов. Буду наказывать гонораром.

Эти слова не были простой угрозой. «Фашист» чётко проводил свою линию, выжигая из нас калёным железом своей правоты отсутствие дисциплины. На творческие порывы ему было наплевать. Главное: на работу вовремя, с работы после него и, как говорил мэтр Влад: правильный порядок правильных слов, чтобы как в учебнике. А кому же хотелось лишиться кровных, потом и кровью добытых денежек, которых всегда не хватает до зарплаты.

– Начнём с обзора прошлых номеров. Кто дежурил во вторник?

– Я, – пискнула молоденькая корреспондентка отдела новостей по имени Наташа. – Номер проходил без особых нарушений...

– Я же просил отчитываться подробнее, – вставил шеф. – Почему никто из дежурных редакторов не ведёт записей по номеру? Я, например, всегда записывал все недочёты, чтобы потом их конструктивно обсудить на планёрке и подсказать товарищам, в чём их недочёты, – перешёл на менторский тон Михаил Леонидович.

– И до сих пор, гнида, хранит эти записи, как досье на коллег, – шепнул мне Островский. – За что ему и подпортили чай...

Поучать шеф любил. При этом каждый раз подчёркивал, что он в большой журналистике уже два десятка лет. Причём было подмечено, что поучал он тех, кого готовил к увольнению. Проскользнуло у корреспондента «вкусное» слово, застолбил он оригинальную, не редактором подсказанную тему, сформулировал мысль текущего периода – иди на перековку.

– Понимаете, – шипел «фашист», – так писать нельзя. Есть правила, по которым...

Боже, какую бодягу нёс на планёрке наш, уважаемый хозяином газеты шеф. Мне очень скоро пришлось столкнуться с его отчиткой. Хорошо что тогда Владислав Васильевич стал моим защитником.

– А что, Михаил Леонидович, – едва разжимая губы, произнёс тогда Влад, – есть указ президента «Как писать свободной прессе»?

– Есть нормы русского языка, – парировал редактор.

– Живаго, как у Даля, али мёртваго? – немедленно вставил вступивший в спор Марк Израилевич.

– Нормального языка, тем, которым пишется официальный орган акимата города, газета, а не бульварный листок.

– Понятно, начальник, – заводясь на скандал, произнёс Влад, – возвращаемся во времена всеобщего «одобрямса», пишем кондово, без критики.

– Не надо передёргивать, Владислав Васильевич. – редактор забыл про меня и направил все стрелы в лицо крупного зверя. – У нашей газеты должно быть благородное лицо, твёрдая поступь, открытое забрало. Вы не забываете, в какое время мы живём. Так называемая оппозиция чернит всё и вся. Мы должны поставить заслон этой гнусной информации, дать народу возможность узнать и о позитивных делах парт... – он запнулся на полуслове, – правительства и руководства города. Я не говорю уже о том, что все стратегические планы президента страны мы обязаны доводить до читателей...

– Кондовым языком прикажете спорить с врагами главы государства, которые не чураются, как говорил товарищ Даль, «живаго русского языка». Поэтому у них и тиражи выше, и читателей больше...

– Не надо спорить со мной, – встал в позу редактор. – Я выполняю указания главы города.

Поставив точку, шеф тогда удалился. Нас с Владом больше не поучал, а вот другим доставалось его послушать.

– Ведь ушла почти из кабинета, – как-то пожаловалась Протова, – так нет же, догнал и воздал своё добро. Двадцать минут поучал на собственном примере, как надо строить очерк. Что-то я не помню, чтобы он сам написал когда-нибудь стоящую вещь, а туда же!

– ... В следующий раз, – завершил поучалку шеф, – будьте любезны отчитаться как положено за дежурство. Кто в четверг дежурил?

– Я, – громко и чётко, как солдат командиру, ответила Леночка, умница и красавица, но мать-одиночка, очень боящаяся остаться без работы. – У меня, значит так, корректора получили замечание за глазную ошибку...

– Какую? – удовлетворённый таким докладом, спросил главред.

– Да там шла информация, что военный полигон посетил главнокомандующий вооружёнными силами. Так они в слове «главнокомандующий» умудрились пропустить букву «л»...

В наступившей тишине, так как каждый набирал воздуха в лёгкие, чтобы потом его с хохотом выпустить, обомлевший шеф прошептал:

– Это про нашего?..

– Нет-нет, – заспешила с ответом Ленка. – Про этого, как его, Медведева.

– Всё равно надо их наказать. После планёрки напишите мне докладную.

Слово «докладная» отрезвило всех, и смеяться стало грешно – мы все очень любили своих корректоров. (Потом расскажу немного и о них).

– Да ничего страшного, – попытался увести шефа от сказанного и тем самым разрядить обстановку Ваксман, – и не такое случалось. Помню, у нас в «Экспресс-Азия» шла новость о приезде в страну Маргарет Тэтчер. Галка Соболюкова, на восьмом часу читки, запарилась и выронила из памяти как правильно «прибывает» или «пребывает» – там вроде как по контексту можно было и так, и так написать. Она в гранку вставила рядом с «и» букву «е» и отдала на правку. Наборщица вставила букву «е» после «и». На сверке Соболюкова забыла про свою пометку. Так и вышли в свет с Маргарет, которая приЕбывает в нашу страну.

Хохотали все, кроме шефа, записывающего в свой блокнотик микроскопическими буквами... Что? Кто ж его знает.

– Продолжаем обзор номеров... – Михаил Леонидович поднял взор и сладостно сглотнул слюну.

– Предчувствует, сволочь, расправу над корректорами, – прошептал Островский.

– Из материалов номера, – продолжала свой чёткий доклад Леночка, – отмечу как наиболее сильные: фотофакт, репортаж о новой автодороге и прямую линию с акимом Медеуского района...

– Какую оценку вы предлагаете выставить? – наточил карандаш редактор.

Он ввёл систему оценки материалов самими журналистами и тупо её придерживался. Не знал «фашист» того, что Фатима и Людмила давно сговорились выставлять высший балл себе любимым устами друг дружки. На одной планёрке Фатима хвалит Людмилины материалы, на другой – Людмила-кукушка хвалит Фатиму-петушка. А потом обе возносят до небес заметки своего кукуха-петуха, редактора отдела.

За то, что ни один из её многострочных опусов не был отмечен оценкой, означающей повышенный гонорар, Дубицкая поджала губы и демонстративно отвернулась от Ленки.

Следующая очередь отчитываться была за Островским. Он неспешно поднялся со стула, развернул субботний выпуск «Чепка», сделал вид, что внимательно разглядывает материалы разворота, и так же медленно придал газете первоначальный вид.

– Номер проходил по утверждённому вами графику, – очень серьёзно начал он доклад. – К работе корректорского цеха у меня претензий не возникло, поскольку я сам малограмотный. На вёрстке водку не пили, наборщицы кобелей к себе не приводили...

– Давайте посерьёзнее, – вскинулся шеф.

– Даю... Материалы коллег оценивать не буду, так как считаю это дело не совсем этичным. Есть руководство-редакторат, вот вы и оценивайте. А мне – не по чину. Да и счёты сводить, – он выразительно посмотрел в сторону Леночки, – не с кем. Так что, шеф, доклад закончен.

– Так-таки ни одного замечания нет? – с ехидцей и, как говорится, с ленинским прищуром задал вопрос главный.

– А мне докладывали, что после вашего дежурства пустые бутылки в редакции остались.

– Вы имеете в виду меня? – миг воспламенился Влад.

– Но кто-то же пил в редакции...

– Вот когда пили, тогда и надо было ловить. А сейчас, пардон, ваше величество, блохи разбежались.

– Ничего, мы их поймаем...

Я прижал ногой ботинок мэтра, он помрачнел.

Шеф, торжествуя, продолжил планёрку.

– Переходим к планированию номеров на следующую неделю...

Заместители и ответсекретарь разложили перед главным макеты будущих газет...

Первая полоса почти никогда не планировалась заранее, как и «гвоздевой» материал – будет день, будет и пища. Как можно знать наперёд, что такого экстраординарного произойдёт в городе, чтобы это запланировать? Исходили из имеющегося: очерков, репортажей, зарисовок не событийного характера, а тех, что и сегодня и завтра придутся ко двору. Новостные полосы – вторую и третью – только очерчивали заданиями: кто про что слышал, кого куда пригласили, а то и послали, всё это заявлялось на планёрке. Что-то благополучно забывалось, что-то теряло актуальность в период прохождения, и готовые материалы слетали с полос.

Газета зависит именно от свежих новостей, им и отдаётся приоритет. При этом зачастую неважно – по-кондovому ли они написаны, как требовал Михаил Леонидович, или живо, с перчинкой и «фенечкой», как это умели делать молодые ребята Наталья и Артём.

– ...Ну что ж, – пройдясь по макету, удовлетворённо вздохнул главред, – за работу, друзья мои. Желаю вам творческих узбеков, – после этой постоянно произносимой шутки хихикал только он сам...

... На второй год моей журналистской деятельности «фашиста» сняли с должности. Пришёл в город новый глава, и «доброжелатели» старого акима сдали ему с потрохами всех, кто назывался «командой отца». Трудно усидеть в кресле нынешним редакторам свободной прессы, независимой.

Формальным поводом для освобождения от должности Михаила Леонидовича послужил донос о том, что его материалы, как показала ревизия, оплачивались по самому высшему разряду. А на поверку оказались плагиатом из российских экономических изданий. Следом «улетела» услужливая заместительша, первый зам, что была из молодых да ранних. Островский звал её то сучёшкой, то цербершей. И то и другое было подходящим для Светы Василенко.

Бывают и такие

Как-то Островский создал очерк о враче. Редко когда мэтр был так доволен собой, как на этот раз. Даже Гротова его похвалила, чего никогда не делала вслух. Он уже собрался уходить из редакции, как в этот момент, как будто бы невзначай, в корреспондентскую зашла верстальщица Татьяна и заговорщицки подмигнула Владу. Тот подумал, что поступило предложение выпить и поднял обе руки вверх:

– Не обессудьте, сударыня, но непьющие мы... на этой неделе.

Татьяна молча кивнула головой на дверь. Островский вышел. Но через минуту буквально влетел назад с полосой в руках, где был завёрстан его очерк.

– Вот дрянь такая! Ты посмотри, – он почему-то обратился не ко мне, а к Инессе. – Ты посмотри, что она с моим очерком сделала. А заголовок! Банальнее не придумать: «Врач милостью Божьей». И сократила начало...

Он лихорадочно перечитывал вёрстку и багровел на наших глазах. Гротова подошла, стала с ним рядом и через плечо читала полосу.

– Н-да, – наконец выдохнула она. – Надо что-то делать, Влад. Иди к Василенко и скажи, что не согласен.

Ни слова не говоря, король помчался вон из корреспондентской. Некоторые ринулись за ним...

– Не согласна! – возвратившись, всё ещё красный от нервного напряжения, сказал он. – Всё, я увольняюсь! – он судорожно скомкал вёрстку и швырнул комок бумаги в урну.

– Подожди-подожди кипятиться. Иди к редактору. Покажи свой вариант... – затараторила всегда сдержанная Инесса.

– Да она, наверняка, с его подачи это сделала – мстит, сучёшка, за планёрку и любимую лысину.

– Всё равно иди! – настаивала Гротова. – По крайней мере будешь точно знать, чья собака порылась у тебя в материале.

– Я ему, козлу, сейчас опять рога поломаю, а потом уйду! – Островский круто развернулся и направился к редактору.

Не прошло и десяти минут, он вернулся.

– Клянётся «фашист», что ничего не знал. Я ему поверил. Дал команду восстановить мой текст. Чудеса, блин.

– Ну а я что говорила?! – торжествовала Инесса. – Давай, Владуша, восстанавливай, а я пока в магазин. Ты что будешь?..

На следующий день оба, больные с похмелья, Островский и Гротова, сидели хмурые. Мне пришлось бежать в гастроном.

Едва порозовели их щёки, Владислав Васильевич выдал:

– Я вчера, прежде чем лечь спать, выдал притчу про эту кикимору. И знаете что? Мне стало её жаль. – В следующий миг он протянул нам лист бумаги, исписанный от руки, без единого зачёркивания. – Читайте и правьте, кто как пожелает..

«Притча про то, как одну девочку назначили начальником»

Надо сказать, что она сама не очень-то хотела этого. Но тем, кто был выше и чуть-чуть старше по возрасту и положению, было виднее, кого назначать в начальники. А может быть, им казалось, что видят дальше и знают больше других, вот они и решили судьбу совсем ещё маленькой девочки и подчинили ей людей гораздо более старших, чем она. А если сказать откровенно, умнее и мудрее девочки были те люди, потому что жили на свете как минимум в два раза дольше своего нового начальника. Девочка их поначалу стеснялась, а некоторых, тех, что были талантливы и знамениты, даже побаивалась. Однажды пришла она к тем, кто её назначил, и попросилась назад в рядовые сотрудники. «Нет! – отрезали высокие руководители. – Ничего и никого не бойся, мы поддержим. Иди и управляй, невзирая на лица и звания. Да позлее будь, попринципиальнее...». Она пошла и стала такой. И больше других злили её те, которых она раньше боялась. Сделают что-либо талантливое эти умники, она тут же – раз, и забракует, мол, не так сделали, идите, переделывайте. А если те с упорством начинают доказывать, что в их работе ничего переделывать не надо, она губы подожмёт, тоненькими их сделает и вытянет в улыбке, и тихоньким голоском: «А нам это не надо...». Талантливые сначала обижались, стали ходить к высокому руководству за правдой. А руководство губы надует сердито и говорит: «Как говорит начальник, так и делайте, мы ей доверяем». И весь сказ.

Которые из работников ни рыба ни мясо быстро смирились с девочкой-начальником, исхитрились перед её упрямством, заняли свои норки и ячейки в общей табели о рангах и перестали высываться. Умные и талантливые, что называется, пошли вразнос: кто

горькую запил, кто уволился. А кто и обозлился, плюнул на всё, послал куда подальше юную начальницу и стал работать спустя рукава. Лишь бы номер отбыть такая работа именуется.

Почуяв полную власть над подчинёнными, девочка расхрабрилась. Всё на свой манер вершит, никого не слушает, мнения не спрашивает, не советуется, мол, мы сами с усами, чё нам ваши таланты – своих девать некуда, во как! Ну и наломала дров, а дело зачало, потому как всякое дело требует творческого подхода, ума, таланта и мудрости, что опытом зовётся. Можно и по-другому эти слагаемые перечислить, только без них не обойтись.

Кратче говоря, через год ещё более высокое начальство обратило вдруг внимание на то, что дела на этом предприятии, как в народе говорят, ни в пургу, ни в красную армию, то есть никуда не годится такая работа. Снял оно с должности и менее высокое руководство, и девочку-начальника.

А оно всегда так случается с человеком, у которого ни ума, ни житейского опыта нет. Как правило, у таких тормоза пропадают. И несёт их по кочкам... Да и пёс бы с ними, нехай пропадают, коли охота припёрла. Но... За руководителем, как известно, людские судьбы, живые люди стоят.

Ну те, что приспособляются и ничего кроме не умеют делать, даже и не почувствовали убытия девочки-начальника. Умные и талантливые вздохнули с облегчением: пить бросили, в три смены работать стали. А те, что с горя поувольнялись, вернулись в родные пенаты, ага. Короче говоря, мало кто пострадал. Больше всех девочка эта переживала – ведь ни работать рядовой сотрудницей, ни руководить коллективом она так по-настоящему и не научилась. А кому такие работники нужны? Дай Бог, чтобы замуж взяли. А то ведь начальственный опыт ей не только карьеру, но и характер подпортил. А кому девочки с плохим характером нужны, а? То-то и оно.

Почему так произошло? Думал я, думал и решил: видно, не читала девочка, а пуще того, те, кто назначал её в начальники, притчу про яблоньку, что, не успев подрасти, стала плодоносить, да так и осталась карликом с мелкими яблоками...

Я тоже прочёл притчу. Править ничего не стал, естественно, не по чину. Стало жалко Светку. Потом её и впрямь никуда на работу не брали. Замуж, кажется, тоже...

«Зоевление»

– Сударь, – обратился ко мне Островский. – Вас в университетах или в филармониях грамотности учили?

Я нервно заморгал: если Острый задавал вопрос с обращения «сударь, сэр, ваше высочество» или ещё как-либо по-старинному, значит, настрой у него зверский – рвать и метать, то есть ехидничать и цеплять человека за кишки.

– Я вчера дежурным редактором числился, у тебя в материалах больше всех грамматика страдает. Если приходится писать канцеляризм из акимата с любимым словосочетанием чиновников «согласно

вывода комиссии», то надо раз и навсегда запомнить, что пишется это не так, как они присылают в пресс-релизах, а в дательном падеже: «выводу». Усекли, милорд?

– Есть корректора, пусть работают, – буркнул я в ответ, чтобы не оставаться битым.

– Ответ не мальчика, но мужа? – Влад вскинул брови вверх, что означало начало атаки.

Я съёжился...

– Привет всем, – раздался голос вошедшего Ильяса.

Обстановка разрядилась – при Ильясе редакционный гений не ругался, уважал этого интеллигентного и очень воспитанного человека. И только Ильяс мог одним взглядом уgomонить частенько выходившего за рамки сдержанности Островского. Можно было, конечно, и водкой унять Влада, но получалось дороже.

– Здоров будешь, князь! – ответил на приветствие Влад.

– Что тут у нас происходит, просветите? А то я три дня пробегал по соревнованиям, – Ильяс был одним из самых старых в стране спортивных комментаторов.

– Значит так, записывай: тебе премию дали, сказали: если догоним вашего спортсмена – ещё дадим, так что не убыстряйте бег, спринтеры. Что ещё? М-гы... В остальном, прекрасный маркиз, всё хорошо, всё хо-ро-шо!

– Значит, всё тихо-спокойно, – подвёл черту Ильяс. – Ну и то ладно, сажусь отписываться – меня на телефоне нет, ребята. – И он с головой погрузился в работу.

Островский глянул на меня поверх очков и промолвил:

– Пиши...

– Что писать?

– Заявление. – По его хитрой морде скользнула ухмылка. – Нет, я сам за тебя напишу, а ты с этим пойдёшь к редактору.

Меня подмывало с ним поспорить, ответить резко, поругаться в конце концов. Тоже мне, нашёл юниора, я уже второй год как в редакции нетленку кропаю, а он со мной как со стажёром...

Через пару минут принтер выдал лист бумаги.

– Если вас не затруднит оторвать седалище от сидения, – тихо, но от того не менее ехидно начал Влад, – возьмите, пожалуйста, выкаченное, я вас очень прошу, прочтите, будьте добреньки.

Я нехотя повиновался, взял лист...

«Зоевление», – было написано на нём крупно. А мелким шрифтом: «Главному редактору газеты ат кариспадента Шакенова Руслана. Прашу пиривести миня на роботу каректаром». Внизу – едко: «потпись».

Пока я читал этот «шедевр», Островский выскользнул из кабинета, так что отрывать взгляд от «документа» и поднимать глаза мне было не стыдно. Я утёр пот, выступивший на лбу. Работать вмиг расхотелось. Но в следующий миг какая-то злость овладела мной:

«Ну что я такой тупой?! Надо ещё раз проштудировать Розенталя... Да в самом компьютере заложена программа «Правописание», достаточно

нажать на кнопку и...

«А чего же не проверяешь себя?» – продолжал злиться я и кликнул мышкой в окошко «АВС». Монитор меня огорчил, подчеркнув пропущенный мною из пресс-релиза в материал ещё один акиматовский перл: «...на собрании приняли участие». «Нельзя писать «на собрании», – поправлял меня, опытного корреспондента, безликий корректор-редактор, – «попробуйте заменить на словосочетание «в работе собрания приняли участие».

Блин! Как быстро я привык к языку канцелярских малограмотных работников! Всё! Впредь любой пресс-релиз будет мной творчески переосмысливаться и переписываться. Это ж я смалодушничал недавно: усёк, как Дубицкая шпарит заметку, не переделывая чужих текстовок, а гонорар получает такой же, как и Берик, Ильяс, Протова, которые горбятся над каждой строчкой.

Страшное слово «корректор»

К дамам из корректорского бюро у журналистов нашей редакции отношение неоднозначное: кто-то их искренне, как Островский, уважает, кто-то побаивается и лишь некоторые грамотеи, как Артём, пытаются их «ставить в позу наивысшей покорности».

– Зря ты так с Галкой сегодня поговорил, – не отрывая взгляда от монитора, вставил Артёму Берик. – Корректора надо уважать, потому как все мы не без греха. А потом они, как ни крути, грамотнее нас...

– Ну и чё? – набычился Тёма. – Кто ей разрешил править меня? Пусть сидит и делает своё дело, а не умничает перед журналистом. И вообще... – не сдавался Артём. Берик сделал вид, что разговор окончен. В этот момент дверь в журналистскую открылась. На пороге стоял «фашист», бледный вид и сверхтонкие губы которого не предвещали приятного общения.

– Сколько раз говорил, – прошипел он, – перечитывайте свои материалы в завёрстанной полосе. Берик!

Тот нехотя оторвался от работы.

– В информации неправильно названа фамилия начальника управления горакимата – объяснительную на стол. И если вина ваша – останетесь без премиальных...

После ухода шефа все бросились перечитывать свои материалы в уже вышедшем номере газеты – хоть после пожара, как говорится, и насос не поможет, но...

– Фуф, у меня чисто! – первым доложил общественности Артём. – А ты, Берик, перепроверь, может быть, тебя твои любимые корректора и подставили. Они, знаете ли, постоянно суют нос в наши материалы...

По виду Берика можно было предположить, что ошибка не его, а действительно – выползок из корректорского бюро.

Он молча встал с места и двинул стопы к дамам. Мне ужасно хотелось присутствовать при разборе залёта, но без приглашения я в этот «страшный» кабинет никогда не заходил. А тут такое!

– Где народ? – с этим вопросом в комнату как вихрь ворвался Влад.

– А вы знаете, Владислав Васильевич, – елеиным голоском начал

Артём, – у нас же происшествие. Редактор рвёт и мечет – ошибка в материале Берика: фамилию начальника управления то ли он переврал, то ли корректора напутали.

– И чё?

– Шеф сказал: премии лишит.

Островский сморщил нос:

– Сколько раз просил: не называть при мне этого тошнотика уважительным словом «шеф»! Так, хрен с ним, с твоим шефом, а что с Бериком?

– Надо полагать, – опять по-поповски начал Тёма, – что в данный момент он выясняет природу ошибки.

– Паренёк, – выпучил глаза на говорящего Острый, – ты когда начнёшь по-мужски разговляти? Чё ты сусолишь?

Тёма вскинулся.

– А я считаю, что имею право разговаривать в интеллигентном тоне.

– Интеллигент, говоришь, – Владислав Васильевич прищурил глаза, что само по себе означало вызов. – Ну-ну, как говорил наш ротный, языком трепать – не мешки ворочать.

– А я... – взвизгнул Артём, – между прочим...

Но Островский, недослушав, буркнул:

– Между прочим, между прочим... Слушать вас противно. Ещё раз спрашиваю: где Берик?

– Думаю, у корректоров, – опережая разинувшего рот для новой волны атаки Тёму, выпалил я.

– Пошли! – скомандовал Влад. – Надо выручать тёток...

Кому он это сказал, не знаю, но именно я один вышел вслед за ним.

– Привет, чувихи! – с ходу настраиваясь на шуточный лад, поздоровался Владислав Васильевич.

«Чувихи», склонившиеся над черновиками гранок, что-то буркнули в ответ.

– Я смотрю, у вас здесь – совет в Филях. Против кого дружить будем, на кого нападём?

– Пока что собираемся отбиваться... – невесело отозвалась Наталья Андреевна, заведующая корректорской сетью.

– Значит, будем дружить против, – резюмировал Острый. – Ну что там у вас не срослось опять?

– Почему это опять? – с вызовом отозвалась Галина, признанный в корректорской среде города авторитет. – Что, у нас так много ошибок?

– У вас, Галочка, ошибок не бывает, за что и люблю. Можно потрогать за талию? – Владислав Васильевич явно не собирался отступить от задуманного – улучшить настроение павшей духом корректорской среде.

– Только попробуй, – огрызнулась Галина.

– Не, я не с дуба рухнул...

– ... а с берёзы, – тут же вставила остроязыкая авторитетша.

– И прямо к вам на выручку. Ладно уж, колитесь лучшему другу и защитнику всех корректоров земли казахская: в чьём деле вопрос?

– Да вот у Берика в заметке фамилия начальника управления переврана, – медленно начала объяснять Наталья Андреевна, продолжая

сличать вытащенные из скрутки вчерашнего номера черновики. – ... У нас вроде всё правильно: «БаймагаНбетов». А в газете вышло «БаймагаМбетов». И что из-за этого Нурлан Алмасбекович поднял шум?

– Да не он – редактор, – отзвался Берик. – Понимаешь, я рукопись сдал в набор. Наборщица не разобралась: в первом случае залепила через «Н», во втором – через «М». Потом Майка на вычитке почему-то решила, что меня об этом не нужно спрашивать, и исправила на свой вкус.

– Нечего на Майку спихивать, – заступилась за отсутствующую подружку Галка (не Галина-авторитет, а другая, которую мы звали просто Галка – она была помоложе и не такая злая, как Галина). – Надо было разборчиво писать. И когда вы только научитесь сами набирать, а не авторучкой махать тексты?

– Девки, стоп! – распорядился Острый. – Не хватало, чтобы из-за этой ерунды мы сейчас пошли в штыки друг на друга. Сейчас я позвоню потерпевшей стороне и попрошу за вас за всех прощения...

– За меня просить не надо! – отрезала, поджав губы, Галина. – Я здесь ни при чём...

– Галочка, не кипятись, – успокоительно произнёс Влад. – За тебя просить не буду.

Он набрал номер на сотовой трубке...

– Алло, Нуреке, ассалом вугалейкум! Хал калай? Мен гой, Островский... Поздравляю! Как с чем? Ты ещё не читал «Чепок»? Ну, брат, ты даёшь – аким начинает утро с прочтения того, что пишет наша «рука, лежащая на пульсе города». А начальники управлений, значит, не соизволят даже про себя любимых прочесть. А журналисты стараются, а журналисты душу рвут и сердца вкладывают... То-то же. Смотри, напишу про твоё управление фельетон... Да знаю, знаю. И ты меня знаешь. Шучу. Но с тебя причитается... Ага, потом заскочу. А что надо? Понял, сделаю, пусть твоя секретарша вышлет мне на электронку текст, и в следующем номере выйдет наше с тобой интервью. Какой базар, Нуреке. Э-ээ, тут, кстати, небольшая ошибочка вышла в газете, с фамилией... А, видишь уже. Так я сейчас пойду Берикку башку отрывать. Как за что? За моего лучшего друга, интервью с которым я уже пишу... Не надо? Ну как скажешь. Да я тоже думаю, что ничего страшного – поправим. Просьба к тебе, Нурлан Алмасбекович, наш придурок... Кто-кто... В любой конторе только один придурок – начальник... Нет, ты исключение, тебя подчинённые не то что любят – боготворят... Нет, не шучу. Я бы тебе имена назвал, но ты же потом начнёшь этих людей в любимчиков своих превращать, нарушая тем самым принципы ленинского руководства коллективом. Короче, Нуреке, позвони редактору, скажи, что тебе очень понравилось, а то он бедного Берика сгноит... Рахмет, айналайын, коп рахмет, мой друг...

Владислав Васильевич «отбился» и посмотрел на нас. Берик с Натальей Андреевной улыбались на полную ширину своих ртов. Галка захлопала в ладоши, а Галина уткнулась в гранки...

– Так, народ. Кто мне скажет, – начал торжественным тоном Влад, – герой я или не герой?

Галка подскочила к нему, обхватила шею и на глазах у всех поцеловала в губы.

– Ты мой герой, Владик. Как же я тебя люблю!
Галина побагровела. Наталья Андреевна похлопала Островского по плечу.

– Чаю хочешь?

– Водки хочу. Имею право?

– Имеешь, только мы бы тоже на радостях выпили, но...

– Я не буду, – сказала принципиальная авторитетша.

– Вот и решил вопрос: значит так, Берик, проставляйся.

– Какой базар, Острый? У меня, правда, не много в кармане, но на водку хватит.

– Так, тётки, закуска в холодильнике имеется? – начал распорядиться Влад.

Дамы засуетились. Естественно, кроме Галины...

– Руся, дуй! – Островский сунул мне ещё денег. – Помни старую истину: сколько водки ни бери, всё равно два раза бегать.

– Ой, Владушка, – захныкала Галка, – а я не хочу водку, можно мне винца?

Островский кивнул и добавил мне ещё финансов...

... Я вернулся из магазина, когда стол в корректорской уже был сервирован. Разномастные бокалы, тарелки, ложки и вилки почему-то никого здесь не смущали, тогда как в домашних условиях всё наше редакционное добро могло сконфузить любого самого невзыскательного бомжа. Не знаю, с каких пор так повелось, но во всех редакциях посуда собирается по принципу: кто какую принесёт. Но если хочется выпить и закусить прямо сейчас, немедленно, то какая разница из чего это делать!

– Ну, господа, за прощение! – произнёс тост Владислав Васильевич и первым махнул полстакана. Все знали, что он не пьёт без тостов. Любимое выражение нашего мэтра: «Без тоста – это пьянка, с тостом – мероприятие».

– Наливай, Русланчик! Так как между первой и второй...

– ...перерывчик небольшой, – попыталась сострить Галка, но была встречена осуждающим взглядом мэтра.

– Нет, Гальчуша, неправильные ваши речи. Запоминай, дома мужу скажешь: «Между первой и второй наливай ещё одну». – Галка хихикнула и мгновенно протянула пустой стакан для заполнения.

– Итак, други мои, предлагаю – за дружбу. А кто не выпьет за это святое из святых, – Островский выразительно посмотрел на Галину, – у того сегодня в работающем холодильнике мясо протухнет... Гала, у тебя в морозилке мясо есть?

– Есть! Но пить не буду.

– Не настаиваю, но мясо жалко. А тебе?

– Мне для вас ничего не жалко. Наталья Андреевна, возьмите в холодильнике селедку под шубой, к столу, от меня...

– Вот это жест. Я знаю, что твоя селедка под шубой – это не еда...

– А что же это? – обиделась Галина. Мы тоже опешили: чего это король распоясался? Только-только женщина стала оттаивать, отдала всё самое лучшее, что у неё было, и вдруг...

– Твоя селёдка, Галочка, – это шедевр мировой кулинарии! Её нельзя есть, поедать, кушать.

– Что же, смотреть на неё, что ли? – вмиг отмякнув, кокетливо произнесла авторитетша.

– Ни в коем случае! Не для того ты долгими зимними вечерами, отказывая в ласке мужу, готовила это, не побоюсь сказать, произведение кулинарного искусства, высшей пробы импрессионизм. Её должно вкушать. ВКУШАТЬ! – он оглядел всех сидящих за столом, поднял палец вверх, как бы остерегая народ. – Медленно и маленькими кусочками. Понятно говорю, проглоти?

Мы утвердительно закивали и протянули столовые ложки в сторону селёдочки...

– Стойте, варвары! Без мастера, вернее мастерицы, не позволю дефлорировать нежное жёлтое поле поверхности лучшего в мире блюда...

– Ой, ну ладно уж, жрите. – Галина взаправду засмушалась.

– Царица кухни, королева, пригубь божественный напиток, чтобы понять самой вкус приготовленного тобой яства! – Острый протянул ей полстакана вина. Та машинально схватила ёмкость, глянула внутрь и почему-то жалобно попросила:

– А можно мне водки?..

Через полчаса мы заговорили о работе, о нелёгком, почти бурлацком корректорском труде, очень опасном и напряжённом...

Последнее отметил, конечно же, Островский.

– А что вы смеётесь, – горячился Влад. – Вы знаете статистику сталинских времён? То-то же. А между прочим, больше всего расстрелянных из числа работников редакции приходится на корректоров и редакторов. Вот классический пример, так называемая «глазная» ошибка, то есть перескок или выпадение литеры. Когда везде, во всех типографиях, был ручной набор, такое часто случалось, и корректорам приходилось туго.

Например, расстреляли первого из вашего брата, то бишь сестры, за то, что в слове «председатель» выпали литеры «с» и «е».

– А вместо «главнокомандующий», – добавил Берик, – вышло в свет слово без «л».

Мы для приличия хохотнули – все знали эту «классику».

– Тихо, тихо, ребята, – застонала Наталья Андреевна, – сейчас шеф нагрнет.

– Да вашу маму! – вскипятился Влад. – Восемнадцать раз попросил не называть при мне этого дерьмоеда «шефом»! Кто ещё не понял, что кличку «шеф» надо заслужить, а не вытошнить?

– Ну ладно тебе. Это я так, по привычке...

– Натуся! Последний раз, а то напьюсь и не расскажу, как ошибаются корректора.

У каждого журналиста, наверное, есть примеры курьёзных ошибок – опечаток, а порой просто неграмотностей, увидевших свет к вящему удивлению читателя, твёрдо убеждённого: в газете не ошибаются. Но от казуса и хохмы никто не застрахован.

Правда, хохмой это становится по истечении некоторого времени, а

сразу по обнаружении злосчастной опечатки сыплются выговоры, лишения премий – в зависимости от серьёзности промаха.

– Кстати, о «председателе». Я сейчас уже подзабыл, какую кару понёс, будучи начинающим корреспондентом одной из районных газет Восточно-Казахстанской области за допущенную «политическую» ошибку, – начал воспоминания молчавший доселе Берик, – но был случай... Произошло это ещё в советское время, газеты были органами райкомов, райисполкомов, и фамилии должностных лиц мелькали на страницах из номера в номер. Так вот, приехала к нам новая партледи на должность заместителя председателя исполкома. И газета, естественно, должна была сообщить об этом читателям. Сообщаем, несколько раз сверяем фамилии, имя, отчество – не дай Бог ошибиться! Всё вроде бы ровно, но вот вышел в свет номер. И утром от брызжущего во все стороны слюной, стучащего по столу кулаком редактора, от его вылезавших из орбит глаз наши души уходят в пятки. Вся редакция настороженно ждала грома сверху. Случилось страшное! В слове «председатель» вместо второй буквы «д» проскочила «р». Обидели, оскорбили сразу двух руководителей района – она ведь была заместителем председателя! Редактор уже складывал пожитки, заранее освобождая место, я от сознания вины готов был провалиться сквозь землю. Но то ли партледи газету сама не читала, а клерки не посмели показать, то ли проявила лояльность – ни грома, ни молнии не последовало. А я с тех пор слова «председатель» и «руководитель» перечитываю с удвоенным вниманием.

– Ну, брателла, ты не зря в официальных ходишь, – резюмировал Влад. – Берик, это же надо так забыть разговорную речь! Ты же говоришь, будто информацию пишешь!

Уже достаточно принявший на грудь Берик выпучил глаза, пытаясь сообразить: похвалили его или напротив...

– А при чём тут «руководитель», она же зампредом была?

– Вы спрашиваете, при чём здесь «руководитель»? – всё так же на полном серьёзе, выписывая каждую букву, начал Берик. Расскажу... Увы, печальный опыт был у меня и с этим словом. Было у нас в районе две птицефабрики, о которых мы писали довольно часто. И вот однажды в моём материале проходит такое словосочетание «главный куроводитель птицефабрики» (вместо «руководитель», опять перескок). Слава Богу, дежурил не я – и «привет» получил, соответственно, «свежий глаз».

– Свежая голова, Берик, – поправила его Наталья Андреевна. – А «глаз» бывает «незамыленный»...

– А у нас как-то были перепутаны заголовки двух рядом стоявших информационных, – начала рассказ Галина, дошедшая до кондиции. – Получилось вот что: под заголовок «Люба казакам служба государственная» попал текст: «Дважды в течение одного дня пришлось открывать огонь пограничникам Тихоокеанского погранокруга по нарушителям государственной границы»... А следующая информация пошла под заголовком «Браконьеры понимают только язык выстрелов». Она начиналась словами «Проект концепции государственной службы одобрил на своём заседании комитет по делам казачества при президенте РФ». Думаю,

кто-то обалдел: браконьеры по казакам стреляют или казаки их на госслужбу принимают?

Разговоры затянулись, каждому хотелось высказаться на тему: «Бывают у газетчиков ошибочки». Но сошлись мы на мнении, что происходит это если и по нашей вине, то не по халатности, потому что, как правило, люди в редакциях работают, болея душой за своё «детище». Случаются подобные опечатки, перебросы, «козлы» (непонятный перескок или даже пропажа не букв – строк, предложений, целых абзацев) скорее от чрезмерного усердия.

– Вычитываем же тексты до умопомрачения, какой уж тут свежий глаз? – вздохнула Галка и протянула пустой стакан, который я и наполнил последним содержимым бутылки.

– Так что? – икнув, спросила она. – Пусть читатель не судит нас строго?

– Это тост, ваше величество? – уточнил Островский.

– Да!

За то и выпили по последней и разошлись с миром...

Правильнее сказать не «разошлись» а «некоторые ушли», но корректоры остались.

Мы же, то есть принявшие на грудь по недостаточной мерке мужики, двинули стопы в кафе.

– Гуляй, рванина, от трёх рублей и выше! – провозгласил Острый и первым вывернул карманы на общак...

– ...Да и ошибки наши ничуть не страшнее других, – продолжили тему уже в кафешке мы с Бериком, которого, как оказалось, в подпитии было не унять – всё говорил, говорил...

– Вот, пожалуйста: «Запор – вечная проблема богатых людей» – крупный заголовок в «Комсомольской правде» (тема: о замках и отмычках). Заметку об экономических трудностях всемирно известного крымского объединения «Массандра» «Комсомольская правда» озаглавила «Полный херес». В мурманской областной газете о начале навигации и пополнении города продовольствием сообщили так: «В Мурманске приземлился первый самолёт с яйцами». Эх, да чего там: рассказывать, так рассказывать! А ещё говорят, ошибку сразу видно. Хрена там...

– Ну и память у вас, сир! – восхитился Влад. – Ну-ну... продолжайте...

– Как гласит одно из журналистских преданий, в мурманской газете «Полярная звезда» был помещён снимок торжественного открытия памятника Ленину.

– А ты как оказался в Мурманске, морячок? – хмыкнул мэтр.

– Да не был я там, люди рассказывали. Ты же не Руся, должен знать, что самые несдержанные на язык – цыгане и мы. Особенно, если дело касается чужих залётов. Ну не перебивай, а то забуду. Так вот, значит, открывают памятник. На постаменте золотом было выбито: «Леонид Ильич Ленин». На многотысячном митинге никто этого почему-то не заметил. И лишь дотошный читатель увидел на фотографии явную нелепицу и сигнализировал в редакцию. Памятник тут же завесили: он

был закрыт от взоров, пока не заменили слово. А то вот мне один старик рассказывал, – без перерыва, так же монотонно продолжил коллега. – В магаданской молодёжной газете слово «учёба» упорно набирали через «О». Редактор просто выходил из себя. Однажды, в очередной раз увидев в полосе заголовок «Комсомольская учоба», он в ярости – «Сколько можно!» – зачеркнул «чо» и крупно, жирно вывел вместо неё «ё», не восстановив при этом букву «ч». Наборщик поступил по инструкции, и учёба появилась без буквы «ч». Над поправкой, превратившейся в пошлое выражение, наутро хохотал весь город. Но Влад прав, при Сталине за ошибки можно было и сесть, и лоб зелёнкой намазать. Но, говорят, было и такое...

Иосиф Виссарионович, прочитав о себе в «Известиях» фразу «мудрый вождь» без «р», пожалел известинцев: трудно, наверное, приходится, устают очень, раз делают такие ошибки, и распорядился повысить им зарплату на 10 процентов.

А секретарь партбюро одной солидной газеты, сам человек уважаемый и безупречной репутации, на заседании партбюро задремал, пока его заместитель по идеологии долго и нудно отчитывался о проведённом семинаре. Неожиданно кто-то чихнул. Секретарь встрепенулся и громко сказал: «Ну что, ещё по одной?».

– Ты это к чему вспомнил, Берик?

– Давай ещё выпьем?

Пока ждали по сто очередных граммов, Берик вспомнил ещё один случай из практики наших дедов...

Два друга решили подшутить над коллегой, который дежурил по номеру, и в список награждённых, публикуемый газетой в этот день, включили его фамилию. Но тут их отправили из редакции по делам, они не успели никого предупредить о своей шутке, а когда спохватились, было уже слишком поздно что-либо предотвращать – газета вышла.

Коллега прочёл полосы невнимательно и на свою фамилию в списке награждённых не отреагировал...

Сталину доложили, что в опубликованном списке награждённых орденом Ленина оказалась лишняя фамилия – в данных, посланных в редакцию, такой личности не значилось. Стали прикидывать, что делать, как выйти из положения. Вождь подумал и сказал:

– Сталин не может ошибаться, а в названии комсомольской газеты стоит слово «правда», у советских людей должна быть вера в то, что газеты сообщают правду. Здесь написано, что этого человека наградили орденом Ленина? Так дайте ему орден Ленина.

Я представил себе, как бы всё это выглядело в наше время. А вдруг кто-то впишет мою фамилию в список награждённых орденом «Достык»! И расхохотался.

Берик решил, что он лучший на свете юморист, и стал смеяться вместе со мной. Народ в кафе насторожился...

– А то вот ещё было в одной из московских газет, – продолжил он. – Там однажды опубликовали снимок гостившего в России американского лётчика Линдберга, совершившего беспосадочный перелёт через Атлантический океан из США во Францию. Кадр не входил в отведённое для него

место, и на снимке, где лётчик был запечатлён с женой и собачкой, решили отрезать собачку. Когда он опять не поместился, отрезали изображение жены. Оказалось, что отрезали слишком много – вернули собачку. Теперь было в самый раз. На подпись же никто не обратил внимания, и она осталась прежней: «Известный лётчик... с женой».

Ну почему так весело не бывает, когда человек трезв? Не обращая внимания на публику, мы хлопали друг друга по спинам, плечам, куда ни попадя, и взрывали благочинное заведение раскатами своего «ха-ха-ха».

– Слышь, Руся, – расхрабрился не на шутку Берик (он почти кричал, рассказывая очередную газетную байку). – В талдыкурганских газетах одобрительно писали о работе новой птицефабрики. В райкоме же комсомола на одной из конференций раскритиковали её как убыточную, упрекали инициаторов строительства в нерациональности и непродуманности затеи и т.п. Молодой директор фабрики взял слово: «Вот вы считаете, что не нужно было строить, что дорого и так далее. Но народ в конечном итоге с продукцией, в газетах хвалят, а секретарь обкома вообще говорит, что мои яйца лучшие в области!». Что творилось в зале, можешь представить?!

Сквозь гомерический хохот я, кажется, услышал кем-то произнесённое:

– Да вызовите в конце концов полицию...

Но как было обратить на эту мелочь внимание, когда Берик бенифицировал в роли рассказчика?

– А ты знаешь, что несколько центральных газет претендуют на авторство такого сюжета: «Дежурный заместитель главного редактора распорядился подправить на клише облик министра иностранных дел А. Громыко.

– Что это – вся делегация в шляпах, а он один – без шляпы...

Ретушёр пририсовал министру шляпу. Когда снимок появился в газете, все увидели, что у Громыко две шляпы – одна на голове, другая в руке...».

– Берик, открой вчерашнюю «Казправду», – вставил реплику Влад, – и на снимке Юрки Беккера увидишь меня: один зонт в руках, другой надо мной. Что нам Громыко, ребята, – свои мастера есть.

Узнать подробности конфуза мы с Бериком не успели...

– Пройдёмте, граждане! – рыкнул кто-то мне в самое ухо, и произошло это, как можно догадаться, в самый неподходящий момент...

Первый раз в жизни я попал в заведение, которое в народе называется «вытрезвитель».

Мрачное, скажу я вам, заведение. Тёмно-синие стены, кривые грязные потолки – мрак. А люди, что здесь работают, оказались нормальными ребятами. Правда, после того как Островский как бы случайно выронил своё служебное удостоверение на пол. Сержант метнулся за документом, Острый сделал вид, что пытается его опередить, но проиграл схватку. Блюститель передал корочку своему начальнику. Тот небрежно развернул удостоверение Островского и через секунду его взгляд замер в одной точке. Как оказалось, сей документ был подписан лично акимом города.

Капитан долго и с истинным уважением к подписи рассматривал её.

Бережно сложил и протянул Островскому.

– Не теряйте, – он улыбнулся, и я ещё пять минут назад прощавшийся со своим добрым именем, искавший слова утешения для старушки матери, понял – мы спасены.

Немного поговорив о ситуации в городе, проблемах работников заведения, пообещав описать их нелёгкий труд, мы удалились. При этом мэтр попросил капитана подбросить нас на том же «УАЗике», на котором нас сюда доставили.

Капитан извинился, мол, ушла машина за очередной партией «журналистов», попросил подождать полчаса. Но мы шумно запротестовали, дескать, спасибо за ласковый приём, доберёмся сами.

Настроение было испорчено, а из головы никак не удалялся паскудный мотив со словами: «Не жди меня, мама, пропащего сына. Твой сын поскользнулся и упал. Меня засосала опасная трясина...» ну и так далее.

На прощание Островский грустно промолвил:

– А народ думает, что мы такие, какими предстаём в авторских материалах.

Рутина

Время быстротечно. Наш очередной главред покинул пост. А до него выпал из обоймы тот, которого Островский не разрешал при нём называть шефом – уж очень тот любил интриговать, натравливать подчинённых друг на друга. Некоторые «старики» за глаза называли его Макиавелли – был такой государственный деятель, имевший принцип: разделяй и властвуй. Ну да Бог с ним. Забыли. Как забыл я и многие «чепковцы» нашего «фашиста».

Журналистов вообще быстро забывают, а редакторов и подавно. За первые годы работы я усвоил: стоит твоей фамилии не появляться на страницах пару месяцев, и никто не спросит: почему имярек не печатается. А через год и вовсе никто из прежних читателей-почитателей не вспомнит фамилии кумира.

– Наша работа, – говаривал мэтр, – по большей части – рутина. Согласись, что невозможно в каждый номер «вбивать гвоздь». Чтобы написать нечто стоящее, при этом правдивое, надо наполниться, переварить и только потом выдавать. Это – как писать. Не попьёшь – не попишешь...

И писаем, и пишем мы все по-разному. Лев Толстой романы выдавал – долго копил влитое в себя. Чехов писнул – короткий рассказ вылился. Кто из них лучше? То-то же, нет ответа. Но есть таинство творчества. А в тайны лучше не лезть...

Новый главный прибыл из столицы. Был он хорошо известным журналистом и, что самое главное, напрочь отвергал лизоблюдов и интриги. Руку имел жёсткую и тяжёлую, два раза не объяснял и не уговаривал. Ввёл систему поощрений за доблестное отношение к исполнению обязанностей, но оказался мягким по отношению к бездельникам – наказывал людей крайне редко.

В конторе как-то сама собой установилась рабочая атмосфера – каждый «солдат» знал свой манёвр и лудил свой план от зари и до зари.

– Нравится мне Михал Михалыч, – во всеуслышание заявила в первые же дни Людмила Дубицкая. – Навёл порядок в редакции.

Сказано было с явным расчётом, что кто-нибудь передаст её слова шефу. Но...

На первой же планёрке Михмих, как тут же окрестили шефа, пробасил:

– Попрошу не заходить ко мне с жалобами на коллег и передачей похвалы в мой адрес.

Людмила с Фатимой коротко переглянулись и потупили взоры...

– Гонорар будет начисляться не за строки, а за мысли, – продолжил шеф. – Полосные материалы буду читать лично и сокращать до размера заметки, если они того заслуживают. Так что без обид. Нынче информация – королева газеты, время такое, жизнь такая. И ещё: пресс-служба горакимата предупредила: акима взахлёб не хвалить. Всё понятно? Владислав Васильевич, открывайте рубрику о людях города. Я почитал газету и понял: нам нужен очерк. Это – стимул, если хотите, поощрение и награда за труд тем, кто остаётся незамеченным в условиях капиталистической системы.

Основным отделом редакции будет отдел информации. Замов попрошу срочно подыскать журналиста на должность экономического обозревателя. Остальные пока пашут ранее порученные участки работы по тематическим направлениям. Работаем...

Шеф определил меня редактором отдела писем – Протова к тому времени вышла на пенсию, а корреспонденций в редакцию приходило множество. Люди писали о насущных проблемах. Особенно усердствовали пенсионеры. Девяносто процентов из сообщаемого ими были жалобы на новую жизнь. Оно и понятно: родившись и прожив большую часть биографии при социализме, старики не могли понять многого из происходящего в наши дни. Очень много писали про врачей: кого-то просили поблагодарить через газету, кого-то – призвать к ответу за вымогательство.

Сначала я обиделся – попал на старушечье место. Но по прошествии нескольких месяцев понял всю значимость и нужность обратной связи с читателями, а по сути – земляками-горожанами, соседями.

– Не расстраивайся, старик, – утешал меня на первых порах Островский. – По сути мы с тобой стали пастырями. Я расскажу о человеке, заслуживающем доброе слово, ты утетишь тем, что просто поговоришь с ним по телефону...

– Но мы же не обязаны вступать в переговоры и переписку с читателями...

– Это если ты просто корреспондент. Но ты же – журналист, а значит – гомо-мыслящий. Ну не прав твой письмодатель, старый человек, не понимает, что нынче время запретов кануло в Лету. А он требует запретить движение автотранспорта по его улице, ограничить въезд во двор...

– Ага. Вот один дед предлагает вывести все автопарковки за черту города, дескать, степь большая, пусть там машины свои ставят, а то скоро

все мы задохнёмся...

– А ты позвони и про модернизацию ТЭЦ расскажи, о переводе городского общественного транспорта на газовое топливо. Найди пять минут, имей терпение...

– Да уж, терпения мне в отделе писем приходится занимать – достают читатели. И ведь что характерно: позвонит кто-либо, и ну грязь лить на своего соседа, председателя КСК, чиновника. При этом настаивают: вы его протяните в газете...

– А ты проси, чтобы звонящий письмо прислал. Как правило, девяносто девять процентов сразу же отваливают, боятся братья за перо, написанное – документ с его фамилией. Запомни: если человек борется за правое дело – не побоится написать, а кляузник – он всегда анонимом пытается остаться.

– Руслан, распишитесь за письма! – прервала нашу беседу красотка Гюзель, секретарь шефа и модератор редакции в одном лице.

Посланий сегодня было ровно десять штук. Поочередно распечатывая конверты, я уже знал, что первая строка в них как под копирку гласит: «Дорогая редакция, здравствуйте!»...

Так, это – жалоба на председателя КСК... ещё одна... и ещё. Это – «...врач потребовал перед операцией заплатить ему лично пятьсот долларов...». Хорошо что не восемь тысяч, как это делает нейрохирург с очень известной фамилией, по крайней мере, для газетчиков. И тем не менее все занедужившие спиной болезнью идут оперироваться именно к нему. А ещё есть у нас в онкологии академик, который не гнушается обдирать обречённых на тридцать две тысячи долларов. Он предлагает некую вакцину для химиотерапии, по четыре тысячи за сеанс. Всего надо сделать восемь процедур. Его вакцина якобы менее болезненно воспринимается организмом. Но и помогает так же...

Обо всём этом люди пишут нам. По большей части бездоказательно, но с огромным чувством и надеждой, что в свободной прессе им помогут. Не понимают старики, что независимость наша, как давным-давно догадался мэтр Островский, именно в том и заключается, что от нас ничего не зависит.

Тут он, конечно, переживает, как всегда. Вот письмо. Оно не начинается со слов «Дорогая редакция!» – официалка. «Редактору газеты... На ваш материал в номере от 8 июля сообщаем: нарушения устранены...». Ага, уел их Артёмка своими фотофактами. А поначалу-то как окрысились! Шефу звонили сами, начальники из горакимата, даже один прокурорский работник пытался Михмиха «обуть». Но шеф у нас – скала.

Недавно приходила сумасшедшая ревизорша. Наехала так, как никогда не бывало. Полмесяца наша умница главбух ей втолковывала, чем редакция от завода отличается. Потом главред расвирепел и поставил вопрос ребром: или она сама от нас по своей воле уходит, или... Та – жаловаться в депутатскую ревизионную комиссию. Они – на защиту ревизора. Так шеф и депутатов «обул». Но шибко уж требовательный. Чересчур. Трудно с ним тем, кто привык через Интернет работать, то есть списывать чужие мысли. Одну даму, что на гонораре у нас сидела, этакая плагиатчица,

уверявшая, что скачать часть текста из сети – мировая практика, поплёр незамедлительно. Есть ещё один плагиатчик – наш экономический обозреватель, но он его почему-то прощает. Хотя все уже давным-давно знают: нечист на руку этот с виду благообразный человечек. Ну да ладно, читаем дальше...

Оп-па! Вот это да! Надо Острога звать!

– Влад!.. Василеч!.. иди сюда, что-то покажу!

Мэтр оторвался от своего компа и шагнул в мою сторону. Взял лист бумаги, погрузился в текст и через минуту выдохнул:

– Ни себе чего! Хорошо что она нас не узнала...

Мы молча смотрели друг на друга. Первым прервал тишину мэтр.

– Знаешь, это уже идеология. Народ должен верить, что всё, что написано в нашем «Часе пик» – истинная правда. И мы не имеем права его обманывать... Ну что ты на меня уставился? Да, ханжество. Да, двойная мораль. А когда и у кого этого не было в государстве? Ещё римляне, древние, естественно, подметили: «Что положено Юпитеру, не положено быку».

– Ну-ну, я тоже читал, что «Богу – богово, а кесарю – кесарево»...

– А слесарю – слесарево. Это я ещё про так называемого певца из Америки, Вилли Токарева, написал, когда он в Алма-Ате взялся нас уму-разумучить... Ладно, короче: на эту тему поразмышляешь или мне поручишь?

Я пожал плечами: уж очень неординарные размышлизмы предстояли.

В письме, как говорится, чёрным по-русскому, было написано:

«Дорогая редакция, здравствуйте! Я первый раз пишу в газету, и вот что меня побудило к этому.

Недавно я вместе с внуками пришла в кафе, которое мне, коренной алматинке, очень и очень дорого. В своё время мы называли его кругляшкой. Стоит оно в историческом центре города, недалеко от того места, где проходили мои студенческие годы. Моим внукам 12 и 10 лет. Вот я и решила: приведу мальчишек в самый центр культурного центра страны, расскажу о своей молодости, поведаю всё, что знаю о городе и его людях – каждый человек обязан знать свои исторические корни, историю края и страны, которая стала его родиной. Я рассказывала ребятишкам, что в этом месте города всегда царил атмосфера высокой культуры и нравственности, что здесь в годы Великой Отечественной войны творили великие артисты и художники. Земля до сих пор должна помнить их дыхание и поступь. Хорошо знаю, что в этом кафе никогда не подавали спиртного, как и в том, что было напротив, и называлось «Ак-ку» – «Белый лебедь». И вдруг..

Они ввалились в зал и уселись, вернее, плюхнулись за столик как хозяева кабака. Трое мужчин разного возраста, уже навеселе. К ним немедленно подскочила подобострастная официантка, принесла водку. И начался пьяный кураж. Неумеренный хохот, солёные словечки. Я опешила. А внуки мои недоумённо переглядывались – что же такого хорошего нашла наша бабушка в этом злачном уголке города? На замечания компания не отреагировала, по-моему, они даже не пытались услышать мой

призыв. Мне стало обидно за всё происходящее. На просьбу вызвать полицию администрация не отреагировала. И я сделала это сама. Видели бы вы, как эти хамы искренне возмущались тем, что наряд выводит их из общественного места! Прошло уже много дней с той поры, но я до сих пор не могу успокоиться и смотреть в глаза своим мальчишкам, которых, получается, обманула, рассказывая о светлом и истинно ценном в нашей жизни.

Куда мы катимся? Какие морально-этические принципы проповедем? Почему никому нет дела до строгого контроля действий подобных хамов и прощелыг? Напишите, пожалуйста, серию материалов о недопустимости подобного в нашем молодом, идущем по пути демократического развития государстве...».

Боже, и это всё про нас?! Трех журналистов, читаемых и почитаемых?!

Редко когда мне бывало стыдно так, как в этот раз. Я покраснел.

– Что с вами, ваше высочество? – прищурившись, что само собой не предвещало ничего хорошего, спросил Островский. – Вы покраснели? А знаете ли вы, сколько раз в жизни по-настоящему стыдятся мужчины?

Я молчал.

– Всего два. А женщины? Три. Первый раз, когда секс у них в первый раз. Второй – когда за это они в первый раз получают деньги. А третий раз – это когда они в первый раз сами платят молодому любовнику.

Своим монологом он несколько остудил красноту моего лица, и я спросил:

– А мужчины?

– Первый раз, когда не могут во второй раз. А второй, когда не получилось в первый. Но сейчас не об этом: журналист не краснеет никогда – работа у нас такая, вторая древнейшая. И только иногда – четвертая властная. Кстати, из райакимата прислали ответ?

Я утвердительно кивнул.

– Ну вот видите, сэр, сегодняшний счёт уже один – один. Сейчас напишем статью на морально-этическую тему, и наш перевес составит одно очко. Всё, хорош, успокойся. Мы же не изнасиловали эту тётку и морду её внукам не набили. «А что очки товарищу разбили, так то портвейном усугубили...» – процитировал он Высоцкого.

На душе после успокоительной беседы с Владом стало несколько легче, но противное чувство, осадок, что ли, остался.

Он забрал у меня письмо. Уверен, что завтра к утру материал о том, что такое хорошо и что такое плохо, будет написан им с блеском. После его публикации редакцию завалят письмами благодарности. Причём паратройка из них будут признательными показаниями алкоголиков и дебоширов, узнавших в вымышленных Островским героях себя. Будут обещания: больше так не делать. Мэтр прочтёт их для всех, горделиво акцентируя внимание на собственной персоне, и пошлёт меня за бутылкой...

Размышления мои вновь прервала Гюзель.

– Руслан, зайдите к главному редактору!

Шеф был хмур, в глаза не смотрел, нервно ходил по кабинету.

– Я тебе письмо отписывал по поводу жалобы на отсутствие газа в Турксибском районе. Где материал на эту тему?

– Михал Михалыч, да там туфта какая-то, по-моему, это сфабриковано компанией, что проводит систему газоснабжения, чтобы деньги из людей вышибать...

– А я что, поручил тебе проведение журналистского расследования? – вскинулся шеф. – Тебе было ясно сказано: подготовить в печать. А я теперь должен моргать глазами перед пресс-секретарём акима?

– Но это же скрытый пиар... – попытался оправдать свою позицию я, зная, что главред строго следит за подобными штучками со стороны Дубицкой и Фатимы. Эти проказницы частенько грузили на «бабки» героев своих материалов.

– Спасибо за бдительность, Феликс Эдмундович ты наш. Но пиар пиару рознь. Этот – указание свыше...

В этот момент, как всегда без стука, в кабинет ввалился Островский.

– Вот спроси у Владислава Васильевича, что такое пиар.

Острый был навеселе и тут же подхватил тему:

– Я сейчас про наш труд услышал анекдот, – начал он. Главред поморщился от неожиданного продолжения, но смолчал. – Значит так: убегают евреи от арабов. Подходят к морю – дальше пути нет. Моисей вызывает главного военачальника. «Что будем делать?». Тот разводит руками – все воины перебиты. Зовёт казначея – откупайся. Тот: деньги кончились... Короче, вот-вот каюк. Тут выступает вперёд главный редактор тогдашних «боевых листков» и стенгазет – была у евреев такая должность. И говорит: «Попроси у Бога, чтобы море расступилось!». Моисей ошалело: «Думаешь, поможет?». – «Поможет или нет, пока не знаю, но если согласится – три страницы пиара в Библии на все времена я тебе гарантирую». Так на свете появились пресс-секретари, – завершил анекдот Острый.

Мы с редактором хохотнули. Тот легонько подтолкнул меня к выходу.

– Иди. И чтобы через два часа у меня на экране светился газовый материал в виде письма от горожан. Понятно?

... Так, надо с чего-то начать эту заказуху... Я занёс руки над клавиатурой и пальцы сами собой отбарабанили: «Здравствуй, дорогая редакция!..». Далее, не мудрствуя лукаво, я перепечатал текст письма, в котором жители отдалённого микрорайона жаловались на отсутствие газа в их квартирах и предлагали срочно поручить такой-то фирме заняться решением этой проблемы.

Ровно через час шеф звонил кому-то наверх и клятвенно обещал, что уже завтра заметка выйдет на первой полосе газеты.

Меня это обрадовало – первая полоса отличается от остальных повышенным гонораром.

...Материал Островского о том, что такое хорошо и что такое плохо, напечатали в том же номере на предпоследней странице. Ох и много же писем-откликов было на него...

г. Алматы.

Александр БЫВШЕВ

“Даль зовёт к себе в объятья...”

Случай в пути

Неустанных колёс мерный гул
 Убаюкал меня понемногу.
 Я, к стеклу прислонившись, примкнул
 И увидел большую дорогу.

В отдаленье стоял человек,
 И звучал голос хрипло и глухо:
 «Рознь посеял бездушный наш век.
 Мы ушли кто куда друг от друга».

Слёзы гасли в его бороде.
 Старец звал, руки к небу вздевая:
 «Люди русские, братья, вы где?..»
 А в ответ — тишина гробовая.

Я, очнувшись, потрянул головой.
 Сердце громко стучало в тревоге.
 Пригляделся: то столб верстовой
 Одиноко стоял у дороги.

Прозрение

Памяти Юрия Кузнецова

Где ты, русский богатырь, скажи?..
 Сжалось сердце от тревог и боли.
 А вокруг — ни звука, ни души.
 Я один остался в чистом поле.

И казалось — нету больше сил,
 Побеждает зло на белом свете.
 Я уж было руки опустил,
 Но в лицо мне вдруг ударил ветер.

**Александр
 Михайлович
 БЫВШЕВ**

родился в 1972 году в посёлке Кромы Орловской области, в 1994 году окончил факультет иностранных языков Орловского педагогического института, преподаватель иностранного языка, печатается с 1991 года, автор двух книг, публикуется в российских региональных и центральных изданиях, коллективных сборниках и литературных альманахах.

В «Ниве» выступает впервые.

С глаз незримо спала пелена.
Новый свет зажётся на Востоке.
Распрямились плечи и спина.
И земли меня пронзили токи.

Я коснулся троеперстьем лба.
Плыли тучи с Запада, чернея...
Нет, ещё не кончена борьба.
Мы ещё посмотрим, кто сильнее.

Притча

Иван, не помнящий родства,
Покинул отчий дом,
Махнув рукой: «Всё — трын-трава!
Гори здесь всё огнём!..»

Побрёл куда глаза глядят
От горестей и бед.
Когда он бросил взор назад,
Руси пропал и след.

Палило солнце. Шли дожди.
И дни сменяли дни.
Однажды видит: впереди
Какие-то огни.

Сквозь всё стущавшийся туман
Манящий свет мигал.
Тянулись кочки, а Иван
Упрямо вдаль шагал.

И думал: «Наконец-то я
У новых берегов...»
Вдруг из-под ног ушла земля.
И только пару слов

Успел он крикнуть в белый свет:
«О Боже, помоги!..»
И быстро разошлись в ответ
Над грешником круги.

Современная сказка

Поманила дорога-змея
Парня сельского в сказку-столицу.
Променял он родные края
На неоновую небылицу.

Мишурой повстречала Москва
И с усмешкою бросила Ване:
«Никакого тебе волшебства —
Были б только купюры в кармане».

Поглядел тот с разинутым ртом
И решил: «Вот оно — под рукою.
Сколько разных соблазнов кругом...»
И с тех пор он лишился покоя.

Лихо кружит его «Кадиллак»
И ныряет в машинные реки.
Оказался повенчан дурак
Со «змеёй кольцевою» навеки.

Берёзовая роща

О чём грустишь, берёзовая роща?
Какая дума тяготит твой ум?
Гляжу на свет сквозь крон цветущих толщу
И в твой зелёный вслушиваюсь шум.

Встревоженно ты шелестишь листвою,
Спеша всю душу мне открыть опять.
И я качаю тоже голову,
Не в силах мысли горькие унять.

Здесь на Руси печалям нет предела...
Давай в тиши, родная, постоим.
А всё, о чём поведать ты хотела,
Пойму и так я по слезам твоим.

Памяти Фета

Кто-то вздохнёт: «Нынче время такое —
Не до кувшиночек и соловьёв.
Сколько вокруг зла скопилось и горя.
Слышишь недремлющей совести зов?»

Слышу! Но что мне поделать с собою
Ночью, сверкающей тысячью глаз?
Пой, чародей, о любви под луною,
А о печалях не надо сейчас...

Пусть я поверю, что есть оно где-то
Счастье для всех. И у стареньких ив
Снова один просижу до рассвета,
Боль соловьиною трелью залив.

Исповедь провинциала

Уехать из Богом забытой деревни,
Зажить бы в каком-нибудь городе Эн,
Где между домами теснятся деревья,
И слово у всех на устах «бизнесмен».

И там поспевать за коммерческим веком,
Рассчитывать каждый свой шаг по уму
И чувствовать новым себя человеком,
Так быстро познавшим здесь цену всему...

Но только куда от земли этой деться,
Где вкусен, как прежде, берёзовый сок,
Где бойко прошло босоное детство,
Где я до сих пор для старушек «сынок»?

Сидит дед на завалинке.
Вся борода бела.
Треух, фуфайка, валенки —
Вот и зима пришла.

Уж за плечами уйма лет.
Дед курит самосад.
Свою он думу думает
И смотрит на закат.

«Давно пора направо нам...» —
Печально шутит вслух...
А с неба белым саваном
Ложится снежный пух.

Отверженные

Неусыпная боль, алкоголь...
Медный грошик к ногам звонко скачет.
Вдоволь горя хлебнув, только голь
Перекатная знает, что значит

Эту чашу испить, когда путь
Лишь один — выйти с кружкой на паперть.
И не страшно рукою махнуть
И на жизни своей крест поставить.

Кукушка

В дебрях прячется избушка.
За окошком меркнет свет.
Не скупись и мне, кукушка,
Нагадай побольше лет!

Год за годом в крае отчем
Не стихает воронье.
Ты кукуй, кукуй — а, впрочем,
Я и так пожил своё.

Сколько кровью обливалось
Сердце бедное в ночи...
Что ты так раскуковалась?
Ладно, хватит, помолчи!..

Ночное

Звезда полночное крошево.
Млечный путь весь в пыли...
Свет далёкого прошлого
Долетел до Земли,

Где простой смертный мается
И живёт одним днём.
До сих здесь решается
Златом всё и огнём.

Из глубин мироздания
Мрак взирает в окно.
Мир застыл в ожидании.
Будущее темно...

В колесе

Мы круглый год всё по делам
Спешим. Мелькают лица.
Земля вращается, и нам
Приходится крутиться.

Забот докучных полон рот.
Часов бегущих стрелки
В такой нас взяли оборот —
Куда там этой белке.

Я молнией здесь промелькну, —
Как тень на чужом карнавале;
Дождинкой стеку по окну,
А там — поминайте как звали.

Раскатами туч грозových
Расскажет пусть хмурая осень,
Что нет меня больше в живых,
А может, и не было вовсе.

На чужбине

Париж. Закат. И нет ответа.
Вот и последняя черта —
Стальное дуло пистолета
Уставилось в отверстие рта.

Лежала краткая записка.
(На дате дрогнула рука...),
А Родина была так близко
И так безумно далека.

Слепой

Слепому показалось, что он видит,
Как яркий свет одолевает тьму.
«Нет, не надейся — ничего не выйдет!» —
Жестоко кто-то бросил вслед ему.

И день погас. Но вера остаётся.
Глядят печально лики-образа...
А по ночам он ясно видел солнце,
Закрыв огнём сожжённые глаза.

Окрашены небесной синью
Верхушки стареньких осин...
С тревогой вечной за Россию
Средь росных трав стою один.

И в эту даль гляжу до боли.
Ищу ответ на свой вопрос.
Польнью горькой пахнет поле.
И всё вокруг дрожит от слёз...

За светом тьма идёт по следу.
И сколько небо ни проси,
Покоя не было и нету
На неприкаянной Руси.

Солнце плавало в купели,
Тёк ручей, капли пели,
Птиц залиvistая трель,
Как волшебная свирель,
На округу всю звенела.
Кошка бок на солнце грела,
Дети бежали гурьбой,
Шла старушка за водой.
Древний дед глядел куда-то
Грустно и подслеповато.
Даль. Небес голубизна...
Сорок первый год. Весна.

Рассказ ровесника войны

Сосед с войны вернулся.
В саду погладил ель.
Малец лицом уткнулся
В потёртую шинель.

Солдат прижал супругу
К наградам горячо,
Единственную руку
Кладя ей на плечо.

Малыш рукав потрогал:
«Папуль, а где она?»
Вздыхнул тот у порога:
«Война, сынок, война...»

Сельчане. Стол. Расспросы.
За павших — вновь до дна.
И все, глотая слёзы,
Шептали: «Да, война...»

А вскоре дядю Жору
Зарыли у сосны...
Мне шёл уже в ту пору
Четвёртый год... войны.

Славянское единство

Даль зовёт к себе в объятья.
Быть плечом к плечу бы нам.
Что же мы, славяне-братья,
Разбрелись по сторонам?

Сколько вместе соли съели
И дорог пришлось пройти.
Неужели, неужели
Больше нам не по пути?

Небо гладкое как скатерть...
За всех нас я помолюсь.
Вспомним, братья, «ридну матерь» —
Нашу Киевскую Русь!

Храмы России

Нас в такие бросает изломы...
Плачет свечка: «Спаси их, спаси!»
Куполов золотые шеломы
Век за веком встают на Руси.

Над просторами полный тревоги
Колокольный разносится звон.
Как пред Господом все мы убоги!
Зло нас пробует с разных сторон.

Одолеть как непросто Мамону.
И с печалью о каждой душе
Стойко держат они оборону
На последнем своём рубеже.

Алексей ЗАЙЦЕВ

Собака

Мы встретились с ним в кафе под милым названием «Гнев сверчка», как он того и хотел. Заведение оказалось небольшим и довольно уютным, в зале был притушен свет, негромко играла приятная медитативная музыка. Встретившись, мы пожали друг другу руки и поспешили занять свободный столик. Оба заказали по чашке кофе с коньяком, и я приготовился слушать его историю. Он, однако, не торопился ничего рассказывать, а вместо этого довольно смешно грел озябшие на осеннем уличном воздухе пальцы над своей дымящейся чашкой. Я деликатно кашлянул, стараясь намекнуть, что пора бы ему и заговорить, и тут заметил, что он нервничает. Правая нога его, спрятавшись под столик, довольно ощутимо тряслась, а на лице то возникала, то вновь исчезала неуверенная полуулыбка. Пока я придумывал ободряющую фразу, которой мог бы его успокоить, он отхлебнул из своей чашки огромнейший глоток, молниеносно поставил её на стол и быстро заговорил негромким хриплым голосом:

– Полагаю, вы бы хотели узнать, зачем я попросил нашего общего знакомого устроить нам эту встречу?

– Ну, он говорил мне, будто бы вы хотели поделиться со мной какой-то любопытной историей, – сказал я.

– Совершенно верно! Когда Ярослав рассказал мне о том, что знаком с неким начинающим писателем, ищущим для своих произведений интересные, нетривиальные сюжеты, я понял, что просто обязан поделиться с вами, а через вас и со всем миром приключившейся со мной историей. Осознав это, я попросил его организовать нашу с вами встречу. Надеюсь, она поможет и вам написать стоящий рассказ, и мне как следует разобраться в своих чувствах.

– Тогда давайте приступим! – предложил я, взяв в руки блокнотик и ручку, гадая, не заметил ли он, как я поморщился при слове «начинающий», – вы с Ярославом весьма меня заинтриговали.

Мой собеседник сделал ещё один великанский глоток из своей чашки и, чуть понизив голос, начал рассказывать:

**Алексей
Викторович
ЗАЙЦЕВ**

родился 8 мая 1982 года в Краснодаре. Живёт в Москве. Образование – высшее юридическое. Работает юристом. Лауреат международного литературного конкурса «Златен Кан». Участник форумов молодых писателей России, учреждённых Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ. Автор книги «Харакири для возлюбленной». Публиковался в журналах «Юный техник», «Реальность фантастики», «Чудеса и приключения», «Очевидное и невероятное», «РБЖ-Азимут», «Шалтай-Болтай», «Порог», «Пролог», «Литературный Башкортостан», «Стетоскоп», «Wind-Rose» и др. В сборниках «Златен Кан», «Вечер джаза». Избранные рассказы переведены на болгарский язык.

В «Ниве» выступает впервые.

– Всё началось с армии. С проклятого осеннего призыва. Я несколько затянул с поступлением в институт, и меня насильно отправили служить, даже не дав толком опомниться. Помню военкомат, мерзкие рожи военных врачей. Эти существа, я не могу называть их людьми, отправляли на службу всех подряд – больных, истеричных, пацифистов, шизофреников. Им было наплевать на человека, их интересовало лишь то, что они должны были выполнить свой чёртов план по сбору призывников. Объяснить что-либо этим проклятым докторишкам было попросту невозможно. Потом были прощания с родственниками и друзьями, путь к месту службы. Дуболомные физиономии солдат и офицеров. Казарма. Жизнь среди зверей, живущих инстинктами. Жизнь среди грубых мерзких скотов. Знакомство с одним-единственным порядочным парнем Саней Котиковым. Он был интеллигент, чем-то внешне похож на вас, только волосы светлее, и взгляд более живой. Саня разительно отличался от всех этих ублюдков, с которыми меня поселили. Перед армией он учился на художника, превосходно знал живопись, литературу, музыку. К сожалению, у него был слишком хулиганистый характер, и его отчислили из университета за какой-то розыгрыш. Мы очень быстро нашли с ним общий язык и вскоре по-настоящему подружился. Он научил меня как противостоять серым армейским будням, как не впадать в отчаянье от необходимости совместного проживания со звероподобными существами. Мы постоянно болтали по душам, как только предоставлялась свободная минутка. Говорили с ним о девушках, музыке, религии. Время от времени он делился со мной своими знаниями по живописи и литературе. Но однажды случилась беда. Вместе с нами служил один безмозглый качок – Сергей Всеведов, так вот он собрал банду из восьми таких же безмозглых качков, и с тех пор они постоянно измывались то над тем, то над другим солдатом. И как-то раз, когда Всеведов в очередной раз кого-то терзал, Сашка не выдержал и дал ему в морду. Закончилось это трагично. Вся многочисленная банда Всеведова набросилась на Сашку, повалила его на пол и начала жестоко избивать. Я и другие ребята сидели ошеломлённые, глядя на то, как армейские ботинки безжалостно бьют по живому телу. Я замер как парализованный. Во мне боролись желание вскочить и броситься Сашке на помощь, и липкое, подчиняющее себе чувство страха, требующее, чтобы я сидел не двигаясь. Я чётко понимал, что стоит мне лишь шелохнуться, как меня тут же повалят на пол и начнут бить. Я почти уже ощущал, как всеведовский тяжёлый ботинок выбивает мне зубы. От этих мыслей у меня даже заболела щека. И вдруг я поймал Сашкин взгляд – слабый, просящий о помощи. Я попытался встать, но ноги, словно окаменев, не слушались.

Когда всеведовцы отстали от него, он был уже мёртв. На следующий день их всех увезли и осудили. У меня начались проблемы с психикой, и меня комиссовали домой. С тех пор я несколько лет пребывал в состоянии жесточайшей депрессии. Каждую ночь меня мучили кошмарные сны об избиении Сашки. Каждую ночь, во сне, я видел его просящие о помощи глаза.

Я стал принимать успокоительное, начал ходить на иглоукальвание, пытался лечиться китайской энергетической гимнастикой, но ничего не помогало. Совесть безжалостно грызла мне душу за то, что я не бросился

тогда своему другу на помощь.

– Но ведь в этом случае наверняка бы убили и вас, – прервал я рассказ своего нового знакомого.

Он быстрым глотком допил свой кофе.

– Возможно. Но вдруг нет? Вдруг они бы отступили? Вдруг своим примером я побудил бы на сопротивление и других солдат?

Я покачал головой:

– Очень высокая степень риска.

– Да... именно так я тогда и думал. И так... совесть заставляла меня желать смерти, и не стану скрывать, что в ту пору я всерьёз стал задумываться о самоубийстве. И наверняка покончил бы с собой, не произойди в моей жизни одно удивительное событие.

– О чём именно вы говорите? – спросил я, придвинувшись к нему поближе.

– Однажды вечером я, будучи совершенно раздавлен чувством вины, возвращался из бара. Попытка заглушить боль алкоголем прошла неудачно, и я, с трудом держась на ногах, медленноковылял домой. Было уже довольно темно и, как мне сейчас вспоминается, весьма пасмурно. И вдруг я увидел, как четверо бритоголовых парней, лет двадцати-двадцати пяти, забавы ради напали на бездомную собаку. Подманив, они окружили её, и один из этих мерзавцев со всей силы ударил бедную псину сапогом в живот. Это было ужасно! И всё же... наверное, я бы прошёл мимо, так как парни выглядели полными отморозками, способными на что угодно, однако в этот момент стоявший неподалёку фонарь осветил собаку мордочку, и... я увидел её взгляд. На меня смотрели глаза Сашки Котикова. Верите вы или нет, но я узнал их сразу. Это были его глаза и тот самый взгляд, которым он просил меня о помощи. Нужно ли говорить, что в ту секунду всё буквально-таки перевернулось у меня внутри, и я бросился к лежавшей на земле собаке и накрыл её собственным телом. Приняв меня за пьяного полудурка, отморозки несколько раз ощутимо приложились по мне тяжёлыми армейскими ботинками, после чего всё-таки ушли. Спустя какое-то время я встал, взял раненую собаку на руки и на шатающихся ногах понёс к себе домой. Уже позже я узнал, что уличные мерзавцы всё-таки сломали мне одно ребро и серьёзно повредили печень. Но тогда я думал лишь о спасённой собаке. Я вызвал ветеринара, выслушал его рекомендации и стал за ней ухаживать. Делал обезболивающие уколы, специальные перевязки, мыл и кормил её.

– И как теперь ваша собака? – спросил я, допивая остывший уже кофе.

– Поправилась. Живёт теперь у меня. Но самое главное... с тех пор, как я её выхаживал, меня перестали мучить кошмарные сны о Сашке. И я никак не могу понять: хорошо это или плохо? Имею ли я право на такое избавление? Может быть, вы дадите мне ответ на этот вопрос?

И только в этот момент я осознал, что ручка моя лежит на столе, а я давно уже ничего не записываю. Я открыл было рот, чтобы сказать своему собеседнику что-нибудь утешительное, но ни одного звука так и не сорвалось с моих губ. Я не знал, что ему ответить. Единственное, в чём я был абсолютно уверен, так это в том, что рассказ о собаке непременно должен быть мною написан.

Марианна ОСТАНЬКОВИЧ,
композитор, музыковед

Я здесь живу усыновлённый...
О. Постников «Звезда горит»

Талантливый казахстанский композитор Александр Дмитриевич Романов – одна из ярких фигур музыкального искусства республики второй половины XX века. Родился 21 июля 1941 года на станции Караганда-Сортировочная Казахской ССР. Отец – машинист паровоза, мать – диспетчер отделения железной дороги. С отличием окончил детскую музыкальную школу по классу фортепиано у Е.П. Вильман (выпускницы Московской консерватории). По окончании был направлен на дальнейшее обучение в центральную музыкальную школу одарённых детей в городе Москве, но по семейным обстоятельствам не смог там обучаться.

Его творческая биография начинается с детства: первое произведение было самостоятельно написано в возрасте семи лет и уже отличалось недетской серьёзностью, грамотностью музыкального языка. Оригинальность этики семейных отношений обусловила многие принципы взаимосвязи учитель-ученик, одним из которых было поощрение «радостью» за проявленную ребёнком самостоятельность в познании чего-либо. Результатом такого необычного подхода к личности ребёнка оказалось глубокое самопознание композиции и полифонии (уже в 3-м классе ДМШ), удивившее приёмную комиссию, узнавшую, что абитуриент «учил» себя сам.

В 1961 году Александр Романов с отличием окончил музыкальное училище по классу фортепиано Э.Р. Майер (выпускницы Тбилисской консерватории).

Профессиональные азы композитор постигал в Ташкентской государственной консерватории, в классе заслуженного деятеля искусств Узбекской ССР доцента Г.А. Мушеля. На третьем курсе стал призёром конкурса Союза композиторов Узбекской ССР на пионерскую песню. Годы учёбы для Александра Романова оказались периодом его творческого становления. В это время появляются первые значительные сочинения: концерт для фортепиано с оркестром, оратория, симфоническая поэма «Маяковский».

В 1966 году композитор вернулся на родину – в Казахстан, где начал работать и по сей день трудится в Южно-Казахстанском музыкальном колледже преподавателем музыкально-теоретических дисциплин и концертмейстером.

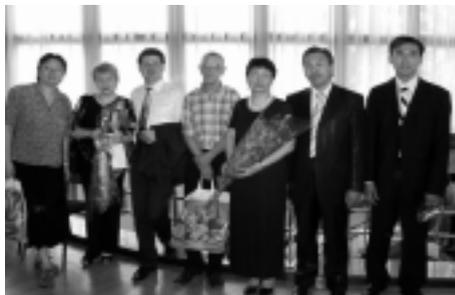
С 1984 года А.Д. Романов является членом Союза композиторов СССР, членом Музыкального фонда СССР. За время работы в городе Чимкенте основал первую профессиональную композиторскую школу, в которой уже более сорока лет преподаёт на общественных началах.

В 2003 году композитор награждён нагрудным знаком Министерства культуры «Деятель культуры». В 2006 году награждён медалью «За трудовое отличие». Имя А.Д. Романова занесено в Книгу почёта Шымкентского музыкального колледжа, а также в энциклопедию деятелей культуры и искусства ЮКО. А в 2010-м в городе Шымкенте на аллее славы в честь композитора появилась именная звезда.

*Награждение медалью
«За трудовое отличие».*

*А.Д. Романов с коллегами
на вручении грантов в Алматы.*

Творческий багаж А.Д. Романова, начав достаточно рано свою «историю», пополняется из года в год огромным количеством произведений. Следует отметить плодотворную работоспособность автора. Диапазон его жанровых «пристрастий» достаточно обширный и насчитывает более 400 произведений, которые уже на протяжении сорока с лишним лет звучат в залах Казахстана, ближнего и дальнего зарубежья. Это камерные произведения для различных инструментов, составов, голоса, хора. И крупные: оратории, поэмы, концерты, кантаты. Большое количество обработок, музыки к спектаклям.

Каждое произведение оригинально и самобытно по-своему. Одной из отличительных черт музыкального языка автора является обращение к национальному мелосу: казахскому, русскому, армянскому, болгарскому и другим. Это и цитирование, и применение своей мелодии, оригинальной, но написанной в «духе» той или иной народности. Связь с национальным проявляется в претворении фольклора и в самой сущности музыки с её оптимистичным мироощущением. Истоки превалирующих у Романова вариационных методов развития тематизма, полифонизации фактуры также коренятся в русской народной музыке.

Неординарность, яркая индивидуальность и чувственное, утончённое мировоззрение – это качества, отличающие композитора-поэта, воспевающего жизнь своим искусством. Конечно же, такое «тонкое» восприятие мира не могло не найти своего отражения и в музыкальном языке произведений.

Сочинения композитора всегда отличались чарующей поэтичностью. Таким необычайным свойством Александр Романов обязан, по его мнению, мелодии слова. Это убеждение обосновано его знанием М. Цветаевой, А. Ахматовой, Н. Некрасова, О. Хайяма, У. Шекспира, Ю. Друниной, Н. Заболоцкого, О. Мандельштама, Б. Пастернака, японских танка, А. Прокофьева и многих других. Все они – постоянные «члены семьи»

в его «доме памяти». И, наверное, в награду за заботу и достойное бытие в умах его благородных, благодарных гениальных поэтов, молодой композитор был определён в город Чимкент. Именно в этом городе А. Романов стал попутчиком на творческом пути талантливого поэта Олега Постникова. За годы общения Постников иногда позволял «переборку» произведений в своей поэтической мастерской. У композитора до сих пор сохранились рукописные варианты неизданных творений.

Поэзия О. Постникова восхищает многозвучием, яркостью своих образов. словно бесконечная мелодия звучат его стихи! В них воедино слились философская глубина, душевная чувственность и вечная красота! Так состоялся дуэт мастера слова и мастера звука.

Первым «практическим исполнением» дуэта стала песня «Звезда горит». О. Постников сумел объединить две «географические» родины в одну – Духовную, через малые по мере, но ёмкие духовно образы: «Горсть земли» и «Горсть песка».

...Меня хранят, мне душу греют
И горсть земли, и горсть песка...

...Те две земли, когда святыни
Слились в одну у сердца горсть...

Я здесь живу усыновлённый...

...В родном краю, где ночью звёздной
Так странен лес, так грустен плёс,
Пустыни вечной голос грозный
Сольётся с шелестом берёз.

...Звезда горит во мгле туманной,
Играет луч её живой
И над дорогой караванной,
И над дорогой столбовой...

Любовь к Родине не нуждается в выкрикивании лозунгов с «патриотическим битьём в грудь». Она должна произноситься молитвенным шёпотом души. Это подтверждают вышеизложенные строки. Поэт настолько проникновенно передаёт своё эмоциональное состояние души и сердца, что кажется нет на свете Любви сильнее!

В последующем появилась кантата «Жаворонок» для хора, солистов, фортепиано. Поражает ёмкость, душевная глубина стиха, которая дала возможность композитору развернуть его до масштабов кантаты.

Было время по весне –
Я степями хаживал.
Жаворонок душу мне
Песней завораживал.
Пел он. Как водой плескал
Родниковой, шалою.
Я глазами зря искал
В небе птаху малую.

Я искал – найти не мог,
Но запомнил вечную
Над скрещением дорог
Песню бесконечную.

Именно в этой кантате, благодаря яркости образа «малой птахи», в творчестве А.Д. Романова появился и неоднократно употреблялся лейтмотив «жаворонка».

Перечитывая строки из стихотворений О. Постникова, поражаешься, насколько сильна любовь поэта к Родине. Любовь земная, но настолько безграничная, бесконечная, что объять её чувством можно только с высоты звезды.

Славный город, овеянный былями,
В путь-дорогу седлая коней,
Всей душой и навек полюбили мы
Эту землю и небо над ней...
Знаю точно – останутся вечными
Ветер странствий и святость гнезда,
И любовь, и над реками млечными,
Над родными полями звезда.
Пусть горит она чисто и молодо,
Пусть всегда от весны до весны
Добрым людям и доброму городу
Снятся только счастливые сны.

О. Постников «Песня о родном городе».

Все эти душевные переживания близки и Александру Романову. Быть может, именно поэту судьбе было угодно свести, хотя и ненадолго, двух талантливых людей в их горячо любимом городе Чимкенте. Огромное количество песен было написано композитором на слова поэта после его смерти. Олега Постникова уже давно нет в живых, но Поэзия его вечно жива в Музыке!

г. Астана.

Николай ЗАЙЦЕВ

Чудное мгновение

Отшумели славные, бурные дни Шестого международного фестиваля «Живое слово», созданного и проведённого отважными людьми, страстно любящими русское слово. Кто победил, кого победили... – падают, падают листья и, кружась в божественном свете пространства болдинской осени, вспыхивают на солнце мгновениями светлой памяти...

Ранним утром поезд Москва – Сергач прибыл на станцию назначения. Организаторы фестиваля встретили его участников плакатами, на которых крупные буквы слагались в лучшее для нас воззвание – «Живое слово». Приглашённые на фестиваль «Живое слово» поэты, прозаики, журналисты оживились и, собираясь в группу, начали узнавать своих друзей из дальних краёв и знакомиться между собой.

Оговорюсь сразу, на фестивале я встретил своих старых знакомых, замечательных писателей и журналистов – Лидию Сычёву и Владимира Краснова. Познакомился с редактором журнала «Север», очень милой женщиной Еленой Пиетиляйнен, из Петрозаводска, Евгением Боушевым – Смоленск, Лилией Скляр – Канада и её подругой Розитой из Израиля, Станиславой Разумовской – Сербия, Владимиром Веретенниковым – Латвия и совсем юной, очаровательной Дашей Лебедевой. В автобусе разговоры продолжились, становясь от слова к слову основательнее и теплее. Здесь же мы неожиданно познакомились с Мариной Калашниковой – директором фестиваля «Литературная Вена», который ещё предстоит посетить. По приезду в село Большое Болдино участники фестиваля имели хорошие познания о своих новых друзьях – кто, зачем и с какими амбициями-целями приехал на праздник. А фестиваль действительно оказался весёлым и радостным праздником, на который попал и я – из далёкого г. Талгара Республики Казахстан.

У самого подъезда гостиницы «Болдино» нас ожидало действие, определившее дальнейшее настроение участников фестиваля, как переход в прекрасный мир музыки русского слова. Святой воздух пространства болдинской осени наполняли торжественные звуки скрипичной музыки, а женщины в русских костюмах подносили хлеб-соль и дополнили чудесный обычай гостеприимства красивой песней из того же поэтического ареала вечной радости народного творчества.

Лишь только вошли в холл гостиницы, нас встретил сам... Александр Сергеевич. Нет, не живой, но его бюст, исполненный в бронзе, огромный, как всемирная слава Поэта, и сразу чувствуешь ничтожность своего присутствия здесь, в этом месте, где перебивало множество людей, количество которых, несмотря на многолетие ушедшего времени, растёт многократно. «К нему не зарастёт народная тропа...» – вспомнились строки из его «Памятника». И в этом он оказался прав, как всегда и везде. Гений, он во все времена – провидец и пророк.

В номере нас ждал приятный сюрприз – холщовая сумка с альманахом, где уже были опубликованы конкурсные произведения победителей, блокнот, ручка и нагрудный знак участника.

После короткого времени размещения и завтрака состоялось мероприятие, которого ждали многие гости – экскурсия по музею-заповеднику села Б. Болдино. С трепетом душевным входил я в усадьбу Пушкиных. Это другой мир – прошлых столетий. Покой душевный царит в этом уютном пространстве вдохновения великого Поэта. Добрыми руками этот уголок ухожен и сохранён в том виде, будто и не минуло мимо время разочарований и потешных побед, а иногда кажется, что вот-вот и выйдет ОН навстречу... прямо вот на этом белом мосту, повисшем над заводью в светлом воздухе болдинской осени, между тем и другим берегом, между веками и народами, нами и Поэзией.

Сотрудники музея, что с такой бережливой любовью хранят вещи, которые помнят прикосновение рук и взгляда Александра Сергеевича, со знанием, достойным величайшей похвалы, открывали нам новые страницы и странички из личной жизни Поэта. Невольно, прямо здесь, приходило понимание – Поэт прожил короткую, но неизмеримо долгую во многих человеческих временах жизнь. И сейчас он жив своим словом, что наполняет наши сердца. Когда выходили из музея, чудные, лёгкие мысли носились в голове потому, что осмыслить серьёзно жизнь гения невозможно и, наверное, не надобно даже пытаться этого делать.

Заседание в научно-культурном центре Болдино вдохновило его участников презентацией проектов центра «Практика». Напористость изложения темы и твёрдая позиция организаторов фестиваля – Нины Зверевой и её не менее стойких соратников уверила слушателей в том, что все эти замечательные проекты непременно состоятся в будущем.

После обеда вернулись в научно-культурный центр – писали диктант, слушали Юлию Туркову, отвечали на тестовые вопросы, очень похожие на школьное ЕГЭ.

Знарок русской литературы Валерий Мильдон настойчиво пытался доказать собравшейся в зале публике, что серебряный век русской поэзии должен называться золотым и не как иначе, но на вопросы современных поэтов отвечал невнятно и никого не убедил в необходимости такой перемены названия. Да это и ни к чему. Каким бы ни был этот век – серебряным, золотым, но в нашей памяти это время было и останется торжеством русского поэтического слова, триумфом изящной словесности. Оценить вдохновение серебром или золотом невозможно. А название века чудесное, родное и не требует изменений ни в разуме, ни в душе.

Американский адвокат Джулиан Лоуэнфельд так возлюбил поэзию Пушкина, что выучил русский язык и создал целый том переводов стихотворений Александра Сергеевича на английский язык, который и представил на форуме. Вряд ли построчные переводы произведений великого Поэта станут явлением в англоязычной литературе, но сам факт такого вот увлечения состоятельного юриста ещё раз звучит как гимн русскому слову.

Вечером в кинотеатре «Лира» состоялся спектакль «Крылья для

клоунов», что взорвал зал восторгом, нет, не рукоплесканий, а помахиванием ладонями поднятых рук, чтобы это выражение признания таланта актёров стало понятно им самим – ведь дети, творящие восхитительное действие на сцене театра, были абсолютно глухими.

После ужина состоялся Пушкинский бал, на котором танцевали кадрили и мазурку пары в одеждах того самого времени века, что неслучайно назван серебряным. Заворожённо наблюдали за происходящим люди из времени другого – суетливого и громогласного, то есть мы.

Таков был первый день нашего присутствия в Болдино и, судя по насыщенности мероприятий, справедливо названный «Рабочим».

Следующий день стал праздничным с самого начала, когда во всей красе болдинской осени, ещё только начинающейся, но уже прекрасной, в замечательном свете утреннего солнца, в усадьбе Пушкиных развернулось театрализованное представление. Чего здесь только не было! Русский хоровод с песнями и частушками, игра в городки и стрельба из лука, красавицы в сарафанах и кокошниках, мило улыбаясь, увлекали загадками и разными играми. Возвышаясь над людьми, бродили по парку на ходулях персонажи сказок Александра Сергеевича, а под боком суетилась, пугая жутковатыми вскриками и своими рожами, нечистая сила. Между всеми этими народными гуляниями и игрищами прогуливалась дворянская пара – мужчина в цилиндре и плаще, женщина в цветной накидке и чепчике. В бревенчатом, почерневшем от времени доме играл небольшой оркестр. Удивительное зрелище!

При выходе из парка на всю длину улицы растянулись торговые ряды народной ярмарки. Пробуй, покупай, никого не ругай! И кругом, кругом – музыка болдинской осени.

Церемония награждения победителей конкурсов «Живое слово» началась в полдень – шумно, с душевным подъёмом. Вначале мэрия наградила главного человека во всей этой истории – Нину Звереву званием почётного гражданина села Б. Болдино. Все участники были просто счастливы при этом присутствовать. Потом наградили всех участников орденами, дипломами, подарками. Все мы к этому времени уже почувствовали себя одной семьёй и получали награды как бы все сразу, в одну общую копилку, за то наше мужество, что смогли преодолеть многие расстояния, чтобы прибыть сюда и, взглянув в глаза друг друга, увидеть отражение радости сего праздника. Читали стихи с веранды дома-музея Пушкина на разных языках и наречиях и знали, что Поэт рядом и наверняка благословляет эту нашу ребячливую задорность.

Отобедав, отправились смотреть спектакль по роману «Евгений Онегин» «История одной дуэли», где Поэта, в образе им же придуманного персонажа, убивают в первый раз, но к общей радости не в последний.

Захар Прилепин, проводя мастер-класс, был неожиданно сдержан, не очень много говорил о себе, но высказал много хороших мыслей-пожеланий о том, как стать в наше время успешным в финансовом отношении писателем, за что благодарные и не совсем удачливые служители пера наградили его дружными аплодисментами.

Начавшийся дождь не дал нам возможности встретиться с цыганами

у озера, чтобы вместе отужинать, и тогда они сами явились в ресторан гостиницы «Болдино» и весь вечер зажигали наши сердца восторгом огненных песен и плясок. Разошлись поздно, но ещё некоторое время сидели в холле гостиницы, читали стихи и грустили, понимая, что время нашего присутствия в светлом пространстве болдинской осени заканчивается.

Витоговый день нашего отбытия отметились на конкурсе журналистских баек. Терпеливо выслушали весёлый, а иногда и тоскливо-грустный трёп участников действия, изо всех сил желавших показаться оригинальными, и из этого неверного мира малоталантливого актёрства прямоком попали на дискуссию «Устарела ли классика», где множество взрослых и очень грамотных людей долго блуждали в лабиринтах собственных рассуждений, из которых порою не виделось выхода, и потому к моменту окончания разговора устало-устаревшими смотрелись уже сами современники. На том и разошлись, вдруг как-то сразу поняв, что классика, очевидно, переживёт всех нас, если мы будем тратить драгоценное время нашей жизни на такие вот дискуссии о её смерти. Надобно перечитывать книги классиков и почитать их мысли, как прародителей всей прочей литературы, и тогда мы станем их бережливыми наследниками.

Отъезд участников фестиваля был наполнен общим сознанием нежной грусти об окончании нашего времяпрепровождения на святой земле Пушкинского вдохновения. Уже в автобусе я вдруг понял, что могу уже больше никогда не увидеть этой земли, самой ЖИВОСЛОВНОЙ в России, а может быть, и во всём мире. И автобус тронулся, но некоторое время катился очень медленно, подтверждая тем самым мои грустные мысли.

По звукам красивым, сквозь жёлтую осень,
Шагать по дороге в мир вечного света
Любви, осторожно прислушаться к ветру,
Услышать печаль в лёгком шелесте веток.
Печали так много, как листьев слетевших
С берёз одиноких, упавших на воду
Реки, что несёт их в пустую безвестность,
Похожую ширью своей на свободу.
Свобода манит, но уйти от привычек
Любимых и нет, нелегко, невозможно,
Но можно идти по теченью за ветром,
По звукам красивым в душе нетревожной.

Благодарю Нину Викторовну Звереву и Нину Николаевну Баранову за отрезок прекрасного времени, милостиво предоставленный мне для созерцания и раздумий.

От редакции.

На 6-м международном фестивале «Живое слово» постоянный автор «Нивы» Николай Зайцев занял второе место в номинации «Верность родному слову». Сердечно поздравляем!

Нурлан МАХАМБЕТОВ

Наследие

Повесть

1

Чистое бездонное небо, палящее солнце застыло в зените. Слабый ветерок гонит белёсой волной нежные кудри ковыля. В безмолвной тиши мирная симфония птиц и насекомых. Терпкий запах степных трав, и ничто не предвещает надвигающуюся смертельную опасность...

Бойцы недавно сформированной роты истребителей танков, заняв оборону, вторые сутки дожидались противника. Был получен приказ любой ценой остановить продвижение вражеских войск и не дать им прорваться к железнодорожной станции, находящейся в десяти километрах. Новобранцев после недолгого обучения сразу отправили на передовую, и предстоящий бой должен стать их первым суровым испытанием...

Выжженная июльским солнцем земля слегка задрожала. Плотно приложив к ней ухо, можно было уловить нарастающий гул приближающейся тяжёлой техники. Данные нашей разведки подтвердились – одна из дивизий танкового корпуса гитлеровцев шла в точно указанном направлении, то есть сюда...

Фашистские танки рокочущей стальной армией надвигались всё ближе. При виде появляющейся из-за небольшого пригорка нескончаемой вражеской бронетехники захватывало дух от огромного количества тяжёлых «тигров» и «пантер». Чётким боевым строем, оглушительно рыча моторами, катилась смертоносная лавина.

Не выдержав и запаниковав, один из бойцов – совсем ещё молодой парнишка, пополз назад, не повинуюсь даже приказу командира роты – старшего лейтенанта Соколова. Ротного прошиб пот. Необходимо во что бы то ни стало остановить панику! Но как? Зная, что только личным примером, проявив бесстрашие, он сможет вселить отвагу и героизм в бойцов вверенной ему роты, Сергей Соколов, застегнув китель и вытащив из кобуры «ТТ», выскочил из блиндажа.

В тот же миг из передних окопов высунулась фигура солдата – с поднятыми вверх руками и двинулась навстречу надвигающимся танкам.

– Сдаваться? Ах ты, Иуда! Щас я тебя, погодь! – послышалось где-то совсем рядом. Соколов, прильнув к биноклю и заметив в удалявшемся контуре торчавшую за спиной и перехваченную ремнём противотанковую гранату, успел выкрикнуть:

– Не стрелять!!!

Немецкие пулемётчики длинными очередями прошивали землю, взметая фонтаны серых брызг у ног безоружного красноармейца. Гитлеровцы надеялись услышать слова пощады от советских солдат, видимо, желающих сложить оружие, поэтому всем экипажам по радиации был передан приказ – не стрелять в собиравшегося сдаваться «русского».

Когда до переднего танка осталось всего лишь несколько шагов, чернявый боец остановился, продолжая держать вытянутые руки над головой. Огромный, размалёванный крестами «тигр», резко дёрнувшись, вдруг замер – навис глыбой над неподвижно стоявшей фигурой. Следовавшие за ним танки поочерёдно останавливались, образуя чётко выстроенный клин.

Наступившее затишье дало передышку от давящего, оглушительного рёва моторов и лязга гусеничных траков. Тишина – только шум ветра да треньканье какой-то пичужки, застывшей высоко в небе...

Сергею Соколову – вчерашнему студенту литфака, человеку романтическому и совсем невоенному, в эту минуту нестерпимо захотелось жить. «Боже, спаси, дай хотя бы ещё несколько лет, ведь я так молод, что я видел в свои двадцать три...». Просто не верилось, что через несколько минут или часов его не станет. Так же будут светить солнце, расти трава, порхать и чирикать птицы, а его не будет. Эта мысль как-то не укладывалась в его голове. Возникло совершенно абсурдное желание – что сейчас эти люди между собой перетолкуют и договорятся. Ведь есть же здравый смысл, зачем им воевать? А танки просто развернутся и укатят прочь, в своё фашистское логово. Что война может неожиданно закончиться и не надо будет больше никого убивать, что можно будет поехать домой и забыть об этом кошмаре...

А над полем в это время раздался теперь уже узнанный всеми голос рядового Баталова – серьёзного, немногословного казаха:

– Товарищи, братья, земляки, прощайте! Не хочется умирать, но это война, здесь по-другому нельзя – или мы их, или они нас! Об одном только жалею – что не успел в партию вступить, да сынишкой нарадоваться. Мы – казахи, вместе с русскими братьями джунгар били и немца тоже побьём! Не бойтесь, пусть они нас боятся! Мы на своей земле, и нам никак нельзя отступать! Жігіттер-казактар, намысты болындар! Отан ушін, Сталин ушін, алга-а-а!!!¹ – прогремел взрыв...

2

– Аке-е-е! Аке-тай! – мальчишеский голос во сне навзрыд звал отца, разбудив окружающих в тёмной низенькой землянке. За узким окном чуть светало. Край небосвода постепенно розовел, прогоняя темноту ночи и сумрак в небольшой комнате. Мать, прижав к груди сына, ласково гладила его, вытирая слёзы:

– Есен, кулыным, оян!² Давай поднимайся. Пора, слышишь, все давно уже коров погнали.

Девятилетнему Есену Баталову опять приснился тот же сон. В этом повторяющемся видении его любимый отец подрывал себя гранатой вместе с вражеским танком. Было ли так на самом деле, или маленький Есен видел такой эпизод в кино, которое крутили летом в большой палатке, – никто не знает. Война уже пятый год как закончилась, но отголоски того

¹ Казахи-джигиты, с честью деритесь! За Родину, за Сталина, вперёд! (каз.).

²Верблюжонок мой, просыпайся (каз.)

страшного времени ещё давали о себе знать. Многие семьи небольшого села Бурли, раскинувшегося в густых лесах в двадцати километрах от райцентра, так и не дождались своих мужчин. В августе сорок третьего года пришла «чёрная бумага» и на отца Есена – Казбека.

Казбека Баталова уважали и знали во всей округе. Почётный стахановец, один из лучших шахтёров местного рудника. Простодушный, сильный, он отличался весёлым нравом и трудолюбием. Когда началась война, отец Есена одним из первых подал рапорт с просьбой отправить его на фронт. Но руководство рудника выделило «бронь» ударнику производства и победителю соцсоревнований, всячески отклоняя его просьбы. Только к лету сорок третьего года Казбек добился своего и ушёл защищать отечество, оставив жену и трёхлетнего сынишку Есена.

3

Ильясу сегодня повезло, он поймал пару карасей и одного небольшого линька. Ильяс Ахметов – друг Есена, он старше его на три года, но ростом они почти вровень. Отец Ильяса – Жанбырбай, фронтовик–орденоносец, был ранен под Сталинградом и пришёл домой с двумя осколками в голове и наполовину слепой.

Два друга, жившие по соседству, были пастушатами, не зная устали, пасли деревенское стадо и в дождь, и в зной. Есену нравился Ильяс своей неторопливой речью, охотничьей хитростью и смекалкой. «Добычливый» – так за глаза называл его Баталов-младший, поражавшийся умению товарища находить съедобные коренья, яйца птиц, ставить силки и ловить сделанной из конского волоса удочкой рыбу. Вот и сейчас бежит явно не с пустыми руками. Будет теперь на обед уха – благо картошки и хлеба набрали из дома, а дикий лук растёт неподалёку. Даже перепадёт и огромному рыжему псу Верному, их постоянному спутнику и надёжному помощнику.

После обеда, разморившись на солнышке, лёжа в пахучей дурманящей траве, приятели любили помечтать. Один о быстроногом скакуне и собаке – летящей словно птица и способной сразить даже волка. Невольно став очевидцем погони, когда на его глазах охотники на лошадях выгнали из леса лисицу, и длинноногий сухопарый пёс стрелой вонзился в рыжую хищницу, в два счёта её одолев, Ильяс потерял покой. У старших он выпытал всё о знаменитом охотнике Жумабае из соседнего аула и его собаке Жолбарсе, на счету которой было несколько волков. Тазы – так называлась эта порода, и издревле у казахов почитался охотник, обладающий таким борзым псом.

– Вот такого бы мне щенка, больше ничего не надо, – кусая травинку и сквозь прикрытые веки любясь голубой небесной ширию, мечтательно вздохнул Ильяс, – эти благородные собаки умны как человек, быстры как беркут и сильные как лев. Я с таким тазы был бы желанным гостем в любом ауле!

А Есен же в мечтах видел себя учёным-первооткрывателем:

– А по мне – лучше открыть что-нибудь такое, способное вмиг уничтожать любое оружие. Посветил фонариком, навёл луч – и нет тебе танка или самолёта. Вот тогда можно было бы улучшить жизнь всех людей на Земле. Просто не было бы войн всяких, горя и несчастья. Люди радовались бы и любили друг друга. Ведь всем хватит богатств нашей планеты, что делить? Эх, надо было мне родиться пораньше и придумать такое изобретение, тогда Гитлер не смог бы ни с кем воевать. И мой отец был бы жив, а твой не болел и не кричал бы по ночам.

4

Название села – Бурли – произошло от обитания в этих лесах серых хищников (по казахски «борі» – волк), особенно жестоко бесчинствовавших суровыми, буранными зимами.

В тяжёлые послевоенные годы шестьдесят дворов жили одной дружной семьёй. Сельчане – русские, казахи и украинцы. Были чувашаи и мордва. Русская начальная школа была построена недавно, руками самих же жителей. Красивое деревянное здание выделялось свежеевыкрашенными крышей, наличниками, ступенями и большими светлыми окнами.

На окраине села, возле небольшого озера, располагалась звероферма, в которой разводили норок, чернобурок и песцов. Чуть подальше, в километрах десяти, находился золотоносный рудник, где до войны работал отец Есена.

Однажды маленький пастушок решил навестить то место, где когда-то трудился его отец. Захотелось подышать тем же воздухом, ну и взглянуть на лица людей, знавших Казбека Баталова.

5

Сидя на ступеньках неказистого, обветшалого домика, служившего конторой, Есен с интересом оглядывал всё вокруг. Рабочий день заканчивался, и шахтёры стали выходить из ворот территории небольшими группами, что-то оживлённо обсуждая. Один из них подошёл к Есену. Прищурившись и склонив набок смуглое широкое лицо, густым басом протрубил:

– Кого ждёшь, джигит? Кто нужен?

– Никого не жду. Просто сижу, – буркнул Есен, встав, и по-взрослому за руку поздоровался с ним и с другими шахтёрами.

– Ты случайно не Есен – сын Казбека? – почти уверенный в своей догадке, пожилой шахтёр наклонился, вглядываясь в мальчишеское лицо.

Есен смутился, исподлобья разглядывая мужика. Невысок, плечист, аккуратно одет, чем-то отличается от остальных – наверняка начальник.

– Извините, я вас не знаю.

– Сынок, а я тебя сразу узнал. Дай хоть посмотреть на тебя. Вон ты какой большой вымахал. А я тебя вот такого помню! – широкими мозолистыми ладонями отмерив перед собой полуметр, улыбнулся незнакомец.

— Меня дядя Лёша звать, Кузнецов. Мать твоя знает, мы с Казбеком друзьями закадычными были. Вот что, раз такое дело, пойдём, вон, видишь, мой дом. Там и потолкуем.

6

В большом светлом доме было несколько комнат. Спокойствие и уют надёжно воцарились в этих стенах. На окнах красивые ситцевые занавески, тут же цветы в горшках, на полу узорчатые дорожки. В углу мерно тикали старинные, выше Есеновского роста, часы-ходики. Среди разноцветной горы подушек на кровати лениво разлёгся огромный сибирский кот. Хозяйка – невысокая, приветливая женщина с васильковыми глазами, налив Есену большую тарелку борща и пододвинув стакан компота, вышла куда-то. Дядя Лёша, присев на небольшой табурет и ловко выбив из пачки «Казбека» папиросу, повёл свой неторопливый рассказ:

– В тридцать девятом году, когда мы с Антониной и детьми впервые приехали сюда, первый, кто нам помог – был твой отец. У Казбека руки золотые – всё в них горит, любо-дорого смотреть на него в работе, да к тому же ещё и семижилный. Вдвоём с ним вот этот дом за месяц подняли. Потом, уже на новоселье, он корову привёл. Говорит – у меня две коровы, а твои детишки без молока сидят. Тогда Ваньке пять было, а Дуняше полгода всего. Что говорить – широкой, редкой души был человек...

На работе Казбека уважали – потому как у него всегда всё по справедливости. Кого надо – на место поставит, мимо чужого горя не пройдёт, слабому поможет и начальству в рот не заглядывает. Работал лучше всех. Когда ты родился, летом сорокового года, помню, он пришёл – прямо светился весь от счастья. Из пятилитрового самовара спиртное разливал, барана зарезал – тогда пир на весь мир был. До утра гуляли – песни пели, танцевали.

«Мой первенец долгожданный родился – Аллах услышал мою мольбу!» – всё повторял он...

Когда война началась, мы с ним вместе заявления написали – просились добровольцами на фронт. Мы были ударниками производства, поэтому нам отказали, так как начальство «бронь» выделило. Мы тогда к парторгу, я в то время уже партийный был, а отец твой только заявление подал. Ну а там ответ один – «партия решила вас в тылу оставить, здесь тоже свой фронт, и не только боями и кровью победа куётся!»...

У меня из памяти не выходит тот день, когда он отправлялся на фронт, так и стоит перед глазами его широкая улыбка. Я ведь даже не знал, что он

добился-таки своего. Зашёл попроситься – как будто в город собрался на пару дней. Смеётся, говорит: «Лёня, только не обижайся, пойми, вы без меня здесь управитесь – ты же есть. А Родина у нас одна, и она сейчас в опасности, мой долг защищать её. Вот побьём фашистов, я вернусь, и опять вместе будем!». Вот такой был твой батька, добрый и настойчивый.

Сынок, ты теперь знаешь, где мы живём. Этот дом хранит тепло рук твоего отца, и двери его всегда открыты для тебя. Будь таким, как твой отец!

7

Юркой зелёной ящеркой прошмыгнуло лето, незаметно поменяв цвет своего пышного наряда. Наступила золотисто-жёлтая пора серых нудных дождей – начало жатвы и школьных занятий.

Назар возвращался теперь поздно, работа в подхозе кипела вовсю – шла заготовка сельхозпродуктов. Есена он любил так же, как и свою пятилетнюю дочь Шолпан. Высокий, плечистый, немногословный Назар жил в соседнем ауле, пока не умерла его жена, оставив его вдвоём с маленькой дочерью. К тому времени прошло полгода, как пришла «чёрная бумага» в дом Баталовых. Осиротевшей малышке Назара нужна мать, а молодой женщине в то послевоенное время было тяжело без крепких мужских рук. Так и сошлись Жамал Баталова и Назар Ибадуллаев, создав семью. На небольшой вечеринке по этому случаю собравшиеся родственники и друзья всем миром благословили молодых. Мама Есена осталась на прежней фамилии, сохраняя в своём сердце любовь к Казбеку и память о нём...

8

Приехавшая учительница Нина Васильевна Писаренко с увлечением принялась за работу. Новое место ей пришлось по душе: природа, новое здание школы с просторными классами и самое главное – тёплое, уважительное отношение сельчан. Небольшая деревушка спряталась в глухом сосновом лесу, в пятнадцати километрах от разъезда, и чем-то напоминала её родное село.

Сызмальства приученная преодолевать трудности и привыкшая к сельскому быту Нина Писаренко не пала духом, несмотря на некоторые неудобства – в селе не было электричества и радио. Здесь она осознала себя необходимой и нужной этим простым людям и их детям.

После окончания школы Нина решила стать учителем – посвятить себя этой благородной профессии. Училась она хорошо и поступить в педагогический институт для неё не составило особого труда. Старательную, серьёзную девушку заметили и выбрали сперва старостой, а затем и комсоргом группы. Пять незабываемых лет пролетели словно одночасье. Опытные преподаватели старательно обучали и воспитывали будущих педагогов, а в свободное время, кроме увлекательных викторин и конкурсов, студенты участвовали в самодеятельности. Работало много кружков: пения, танца, поэтический, рисования и лепки, что же касается музыкального и театрального, то их вели заслуженные деятели, приехавшие из самой Москвы. Так что скучать Нине с её неутомимой энергией не приходилось...

После вручения диплома выпускница пединститута Нина Писаренко, побыв немного дома, приехала по комсомольской путёвке в далёкий Казахстан, не дав согласия на предложение руководства факультета остаться на кафедре.

9

Сегодня Есена похвалили: Нина Васильевна на уроке арифметики задала задачу, с которой он справился быстрее всех. Радостный придя домой, Есен похвастался домашним полученной пятёркой. Батя похвалил, весело подмигнул и незаметно засунул в карман рубль на леденцы. Мать, засияв, улыбнулась:

– Кулыным-ай, Есен, я мечтаю лишь об одном – чтобы ты выучился и стал большим человеком. Верю, что ты – самый лучший!

Этим же вечером Есен, Ильяс и Юрка Ковалёв, живущий неподалёку от Ахметовых, устроившись на скамейке во дворе, поглощали конфеты. Юрка – ровесник Есена, вёрткий, щуплый и белобрысый, по прозвищу Таракан, был единственным сыном своих немолодых родителей и ужасно задиристым. У Есена с ним после нескольких обычных мальчишеских потасовок установились добрые соседские отношения. Из школы приятели вместе возвращались домой, так как жили рядом и учились в одном классе. В школе Есену нравилось всё: красивое здание, просторные классы, блестящие парты, тёплое отношение к нему учителя и радость от получаемых знаний. Из школы он приносил не только хорошие отметки, но иногда синяки и ссадины, полученные в ходе яростных мальчишеских баталий. Среди одноклассников Есена выделялись двое сорванцов-погодок – Витька и Мишка Нежинские. Чернявые, шустрые и коренастые, они жили на другом конце села и почему-то сразу невзлюбили Юрку. В первый же солнечный сентябрьский день, после уроков, Нежинские – по прозвищу Ёжики, молча с кулаками накинулись на Юру. Видя как тот, получив пару увесистых затрещин и нисколько не стусевавшись, храбро отбивается, Есен не выдержал – вступился, не дав в обиду соседа. С той поры и пошли эти потасовки. Только стоило кому-нибудь из друзей не явиться в школу, как двое братьев накидывались на оставшегося одного соклассника.

Есен утром, зайдя в класс, первым делом смотрел на парту Ковалёва, и если того не было, понимал, глядя на ехидные улыбки Ёжиков, что после занятий ему придётся туго. Впрочем, иногда, когда отсутствовал один из братьев, что было очень большой редкостью – справедливость всё-таки торжествовала. В такие счастливые моменты два друга-соседа после уроков со всей накопившейся злостью методично, долго и старательно мутузили одного из «ёжиков».

10

Шёл урок природоведения – один из любимых предметов Есена. Ему нравилось узнавать всё новое о растениях, насекомых и животном мире. Нина Васильевна задала вопрос классу: «Ребята, а знаете вы что-нибудь о рыбах? Какие породы речных или озёрных рыб вам известны?». Затем стала поднимать учеников по очереди, выслушивая ответы. К удивлению

Есена, его одноклассники немало знали о рыбах: карась, щука, окунь, язь, линь, плотва, чебак, пескарь, – чётко звучали названия.

Никогда не ходивший на рыбалку, будучи далёким от всего, связанного с обитателями водной глади, Есен не знал, что ответить. Вспомнив лето, купание и стайки маленьких рыб на мелководье, которых все называли мальками, поднял руку:

– Малёк.

Увидев недоуменное лицо учительницы, пояснил, что в нашем озере есть такие маленькие рыбки – мальки. В классе все захохотали, а учительница улыбнулась:

– Есен, такой породы нет. Просто так называют маленьких рыбёшек.

Сергей Коротких, высокий здоровенный переросток, сидевший на первой парте, обернулся:

– Вот ты как раз малёк и есть!

С этого дня одноклассники в школе стали называть Есена Мальком.

11

Есену нравилось слушать как поёт Бабаня – высокая, дородная соседка, живущая напротив. Анна Васильевна Новошук, в простонародье Бабаня, напоминала огромную слоницу, трубившую таким зычным голосом, что было слышно на другом конце деревни. Её супруг, дядя Андрей – всегда вежливый, тихий старичок, напротив, отличался невысоким ростом и худощавой фигурой. Взрослые дети этих всеми уважаемых стариков, живущие в городе, часто приезжали погостить, особенно летом. С их приходом начинался праздник. Небольшой, аккуратный домик Бабани сразу оживал, звенел, переливаясь множеством голосов различной тональности – смехом бабаниных внуков, монотонным журчанием разговора взрослых и густым басом самой хозяйки, отдающей приказания для накрытия праздничного стола. Крашеный деревянный пол их веранды в такие дни был сплошь усеян множеством пар обуви – от мала до велика.

Доносящийся гомон предстоящего празднества мгновенно достигал слуха односельчан, живущих по соседству. Двери гостеприимного дома Бабани были всегда открыты, и спустя короткое время хозяйка уже громко приветствовала всех, посчитавших своим долгом зайти и разделить её радость. В селе авторитет Анны Васильевны был незыблем, она могла защитить любую женщину от пьяного мужа, встать горой за детей, незаслуженно наказанных родителями. Обычно в таких случаях Бабаня, встав под окнами, вызывала хозяина дома и добрых полчаса стыдила его на всю околицу. При этом от её эпитетов краснели уши даже у закоренелых матерщинников. Если это не воздействовало, могла своими ручищами так тряхнуть виновника, что её силе позавидовали бы многие крепкие мужики...

Немного выпив и закусив, собравшиеся начинали петь застольные народные песни, которых потомственная казачка Анна Васильевна Новошук знала немало. Даже её тёзка, знатная песенница Анна Ивановна, маленькая сухонькая старушка с удивительным певучим голосом, не слышала тех или иных старинных русских песен, которые хранила в душе Анна Васильевна ещё с девичьих времён. В общем, на память Бабане было бы грех жаловаться.

Обычно перед чаем, когда в дом заносили большой медный самовар, Анна Ивановна, вспомнив свои украинские корни, начинала свою любимую «Несе Галя воду». Это было началом большого многоголосного хорового пения простых сельских жителей, умеющих хорошо трудиться и славно отдыхать. От всей души пелись старинные русские песни: «Хас-Булат удалой», «Ой, мороз-мороз», про ямщика в глухой степи, про степь широкую и другие.

В такие минуты Есен любил, раскинувшись на траве и закрыв глаза, просто лежать и слушать. В своём мальчишеском воображении он преодолевал разные жизненные перипетии, представляя себя то ямщиком, замерзающим суровой зимой, то бродягой, пробирающимся по диким степям Забайкалья...

Несколько дней ещё находясь под впечатлением, Есен ходил и распевал понравившиеся ему песни: «Катюша», «Любимый город», «Тёмная ночь», «Смуглянка», «Валенки», «Ах, Самара-городок» и ещё много других...

12

В один из осенних дней к Есену прибежал Ильяс. Вызвав друга на улицу, немного помолчав для солидности, выпалил:

–Моя сестра выходит замуж. Сегодня вечером сваты приезжают, приходи.

Тогжан была старшей сестрой Ильяса. В свои семнадцать лет она выглядела настоящей красавицей – чёрные косы, светлое личико и большие красивые, как у лани, глаза. Дивный разлёт бровей, длинные пушистые ресницы, красиво очерченные губы, лебединая шея и стройная фигурка притягивали взор каждого взглянувшего на эту красоту. Немного скромная и скромная по натуре Тогжан была тайной мечтой всех мальчишек села, в том числе и Есена...

Неожиданная новость оглушила его, стремительным вихрем в голове пронёсся табун мыслей: когда она успела, ведь постоянно дома, никуда не выходит, кто такой её избранник и откуда он?

Эти вопросы он хотел задать Ильясу, но тот уже умчался по своим делам. Поделившись с домашними новостью, Есен сел за уроки, с удовольствием достав новенькую тетрадь с розовой бархатистой промокашкой. На днях, к великой радости всей школы, к ним завезли наконец-то тетради и учебники, обещанные ещё в начале учебного года. Теперь учиться стало намного легче и интереснее. Незаметно наступил вечер, начало смеркаться. Где-то недалеко вдруг заржала лошадь. Пару минут спустя со стороны дороги, ведущей на разъезд, послышался дробный топот копыт. Не сдержав любопытства, Есен выскочил на улицу и увидел подъезжающую к соседскому дому таратайку, украшенную разноцветными лентами. С неё аккуратно, не торопясь, спешили четверо – пожилая пара и два молодых джигита. Немного постояв, перекинувшись между собой парой фраз, они вошли в дом Ахметовых.

13

По народному обычаю гостям негоже было докучать расспросами, сперва не накормив и не напоив чаем. Ахметовым о них было известно немного: они с разъезда Жасыл, пятидесятилетнего седобородого

мужчину звали Галымбек, он работал путейцем на железной дороге, а его старшего сына – Мади. Спросив для приличия об урожае, заготовке сена и о других новостях, хозяева замолчали. Жанбырбай Ахметов, беззвучно шевеля губами и перебирая в руках чётки, уставился единственным глазом на Галымбека, второй же – стеклянный – ушёл немного в сторону, словно рассматривал его жену – спокойную, тихую старушку Кумисжан. Мать Ильяса и Тогжан – добродушная Сара, чтобы как-то сгладить неловкое молчание, предложила гостям выпить ещё чаю.

– Рахмет, чай у вас действительно отменный, да и угощение ваше, приём – всё по душе нам. Правда, сюда мы не чай распивать приехали, у нас к вам очень важное, серьёзное дело имеется. Слышали, что есть у вас сокровище – красивая, золотая сбруя, достойная лишь породистого чистокровного рысака, – спокойно, уверенно начал Галымбек, – если это так, то у нас есть тулпар, которому она пришлась бы впору. Мы люди не шибко богатые, но всё, что у нас есть, готовы выложить за вашу драгоценность, так что предлагаю обсудить это дело...

Жанбырбай, не дрогнув ни единым мускулом на лице, беспристрастно продолжал рассматривать Галымбека, будто старался прочитать ответ на его высоком, изрезанном морщинами лбу. Опять возникла гнетущая тишина, только слышно было как какая-то муха назойливо бьётся о стекло, пытаясь вырваться на свободу. Ждущий ответного слова седой гость заёрзал на месте, вопрошающе вперив взгляд в лицо Сары, мелькнула мысль, что одноглазый хозяин дома, наверное, не только плохо видит, но ещё и плохо слышит.

Словно угадав, Жанбырбай встрепенулся, громко прокашлявшись, старчески заскрипел, через силу выталкивая слова:

– Рахмет, уважаемый, что сравнили нашу дочь с золотом. Для нас она дороже всего на свете, Аллах свидетель – это редкой души создание, которое мы с женой в ласке холили и лелеяли, сдувая каждую пылинку с неё. Честно говоря, мы даже не задумывались о её замужестве. Она ещё ребёнок, видевшая только добро и ласку. Неизбалованная, серьёзная, по хозяйству всё умеет и такая чистюля. Конечно, своё дитя на свете всегда лучшим кажется, как у нас в народе говорят: ворона воронёнку – беленький ты мой, а ежиха своему ежонку – ты мой мягонький говорит. Каждый родитель только добра желает своим детям, вот и мы лишь об этом мечтаем. Знаем, что придёт пора ей покинуть родительское гнездышко да своё вить – таков закон природы, не нами придуманный, для всех живых существ. Так что насчёт вашего предложения, то тут надо всё обдумать – как бы наша упряжь не оказалась малой вашему коню. Да вот ещё что – пусть дочка скажет, что думает, ну и жена, разумеется. Нам, мужикам, порой, если что невдомёк, то они сердцем чувят. Будущее за ними, им жить, а мне Аллах ещё лет пять бы дал, внуков увидеть – одна мечта осталась. Проклятый осколок по капле всю мою кровь высасывает, иной раз так прижмёт, что кажется всё – кончились мои денёчки.

– Спасибо за честность и прямоту, люди правильно о тебе говорят, что никогда не теряешь своего лица, в глаза всегда смотришь прямо. И на фронте храбро дрался, за спинами не прятался; знаю, за отвагу медалью и орденом был награждён. Только рано стареть тебе,

Жаке, мысли о вечном покое забудь. Думай о внуках, они тебе жизнь продлят. Так что давай своё согласие на помолвку, твоя дочь – моей станет, а у тебя ещё один сын появится. Прошу тебя, обрадуй нас, благослови молодых! А коли одних баб слушать, то тогда и на охоту не ходи – зайца бояться станешь. Ты хозяин этого шанырака³, твоё слово – закон, кто тебе поперёк скажет? – улыбнулся, погладив бороду, Галымбек.

– Не хочу вас обидеть, уважаемые гости, только поймите меня правильно: я уже всё сказал, что хотел. Добавлю, что про вас худого ничего не слышал. Живёте, как и мы – скромно и достойно. Так что если мои родные, – Жанбырбай кивнул на жену и дочь, – будут не против, то и я буду только рад породниться с тобой, достопочтенный Галымбек.

Круглолицая, светлая Сара, руками нервно теребя край скатерти и в задумчивости глядя на дочь, вдруг вскрикнула:

– Верблюжонок, зрачок моих глаз, вот ты и выросла. Наверное, пришло время покинуть родное гнездо. Такова жизнь, тебе предстоит пройти свою дорогу, создать очаг, родить и вырастить детей. В этом мире не всё усеяно лепестками роз, жизнь постоянно проверяет нас на прочность, шлёт проверки и испытания. Никогда не сдавайся, будь сильной, как твой отец, сдержанной, как твой дед, и мудрой, как твоя бабушка, береги честь нашей фамилии. Так пусть же твоя женская доля будет счастливой. Чтобы тебя любили, уважали в новой семье, и чтобы ты стала любящей дочерью, верной женой и мудрой матерью. Прими моё материнское благословение, будьте счастливы, дети мои!

14

Есен пришёл к Ильясу, когда обе стороны уже договорились о времени проведения свадьбы. И теперь довольные родители будущих молодожёнов, расслабленно возлежав на мягких подушках, спокойно беседовали, наслаждаясь душистым ароматным чаем. Щедро предложенное гостям угощение: мясо, масло, баурсаки, сметана, курт, конфеты и яблоки – в то тяжёлое время было поистине барским. Дети с большой радостью уселись за отдельный стол. Есен чинно присел рядом с остальными, принялся пить чай с конфетами, не забывая и про баурсаки. Его глаза были прикованы к избраннику Тогжан.

Молодой, лет двадцати-двадцати двух высокий парень был под стать своей невесте. Благородное лицо с большими глазами, прямой с горбинкой нос, вьющиеся чёрные волосы и небольшие усики вызывали симпатию, а жилистые руки были полны сил и мощи. В белоснежной рубашке и в модном «лыжнике», потягивая чай, Мади задумчиво сидел, изредка оглядывая всех ясным, безмятежным взором. Посмотрев на своего отца, он вдруг отвернулся и вытащил откуда-то домбру. Бережно, нежно проверив её звучание, Мади вдруг резко ударил по звенящим, натянутым струнам цепкими и удивительно проворными пальцами. Полилась мелодия – стремительная чарующая волна звуков. Смуглая, загорелая кисть, плетя неуловимый волшебный узор,

³Купол юрты, перен. – дом, очаг (каз.).

проворным паучком бегала по тоненькому прямому грифу домбры, будто дёргая за невидимые нити – колокольчики, которые звенели, будоражили, взывая к той томительной грусти, издревле заложенной в глубине души каждого степняка.

Звучал кюй – неугасаемый, величественный, прошедший сквозь толщу веков, в нём зов предков взывал о великом, божественном, заставляя сердце взволнованно биться. Домбра, словно живая, пела о великих победах и горьких поражениях, о славе и подвигах батыров. Мелодия то убыстрялась, то замедлялась, иногда, после стремительного ритма бешеной дробы копыт, погони, схватки и боя, звучали радостные ноты победы и ликования, а порой печальные заунывные стоны горя и скорби. Есен не слышал ничего подобного, домбра была редкостью в их селе. Забыв о чае и сладостях, он, ошеломлённый наплывом удивительной красоты звуков, неподвижно замер. Сердце его, ухнув куда-то вниз, застыло живой трепещущей массой, широко открытые глаза разгорелись неведомым светом, а уши и лицо запылали, как тлеющие в костре угольки. Ему почудилось, что мелодия – река, то мирно льющаяся, то бурно клокочущая, вечная и неизменная, пережившая много событий, хранившая в себе множество тайн и секретов. Картинки из суровой жизни предков-кочевников поплыли перед глазами, Есен словно во сне видел себя то воином-сарбазом, сражающимся с врагами, то охотником, преследующим дичь. Степная мелодия так взбудоражила его юную душу, что внутри сделалось как-то нехорошо, а в пересохшем горле словно застрял комок. Отхлебнув из пиалы глоток остывшего чая, Есен оглядел сидящих. Каждый задумался о своём и даже дети, затаив дыхание, обратились в слух.

Тренькнув звенящим, отрывистым звуком, домбра замолчала. Мади, отложив в сторону инструмент, вдруг улыбнулся и по-приятельски подмигнул Есену. Послышались возгласы одобрения, собравшиеся за это время в доме гости восторженно загудели. Родители Тогжан с интересом приглядывались к будущему зятю, да и сама невеста, зардевшись, бросила восхищённый взгляд на Мади, подбодрив его улыбкой. Тот, не сводя глаз с девушки, вновь коснулся волшебных струн и удивительно густым, красивым голосом запел:

*Ты зрачок глаз моих,
Пламень душ золотых,
Сердцу мук не избыть,
Столь глубок шрам от них.*

*И мудрец, весь седой,
Покачав головой,
Скажет: «Нет, средь живых
Не встречал я такой».*

Звуки этой красивой мелодии Абая, плавно плывя, волшебными отголосками наполнили весь дом. А слова песни так тронули душу, что Есен, сам того не ожидая, вдруг прослезился.

Никогда не слышавший казахской музыки и песен, тем более в таком прекрасном исполнении, он был потрясён сделанным открытием, которое озарило в его мальчишеской душе новую грань или даже нечто большее. Огромный новый мир звал его к себе своими волшебными яркими красками в лице этого джигита. Его удивительный голос, музыкальная одарённость – всё это казалось нереальным, невозможным для простого аульского парня. Есену он почудился волшебником, спустившимся с небес, чтобы озарить и согреть всех звуками своей чарующей домбры...

15

– Дети, пишите: «Мороз и солнце, день чудесный...», – Нина Васильевна, глядя в окно, как обычно вела урок. На улице действительно было солнечно и холодно. Уже неделя, как ударили первые морозы. Выпал обильный снег, мягкой ватой укутав деревья, крыши домов и одев всё вокруг в наряды ослепительной белизны. Теперь от школы в обе стороны расходились две узенькие тропинки, и выходившие после занятий дети были похожи на вереницы гусят, спешащих за своей мамой. Глядя на стриженные затылки учеников, старательно записывающих под диктовку слова, Нина Васильевна подумала, что эти милые ребята действительно очень похожи на маленьких птенцов – многого ещё не знающих и не умеющих...

Теперь Есен, возвращаясь после уроков домой, всегда внимательно смотрел в сторону дома Ахметовых, ему очень хотелось, чтобы приехала Тогжан со своим мужем. Постоянно спрашивать об этом Ильеса ему было неудобно, и оставалось только ждать и надеяться, что когда-нибудь он встретит Мади и попросит, чтобы тот научил его играть на домбре. Теперь облик настоящего джигита в его понимании был неразрывно связан с умением красиво петь и играть на домбре. Волнение, охватившее Тогжан от душевной песни великого Абая, глубоко запечатлелось в памяти Есена, да

и в глазах всех соседей и родственников авторитет Мади значительно вырос. Отныне в селе, если хотели похвалить поющего, стали говорить – поёт как Мади...

16

Весна нарядной, взбудораженной пташкой незаметно впорхнула в их края. Вот и пролетел учебный год в занятиях и домашних хлопотах. Школу Есен закончил неплохо, даже получил грамоту. Расщедрившись, батя дал целых три рубля на сладости, а мама весь день ходила радостная.

Однажды, уже в начале лета, их навестил брат матери – нагаши, дядя Сартай, видимо проезжавший мимо. Невысокого роста, смуглый и зеленоглазый, он работал заготовителем в конторе «Живсырьё». Человек щедрой души, дядя Сартай был вхож во многие дома районного начальства. Обходительный, всегда улыбчивый и обаятельный, он находил такие слова, что мог заставить улыбаться и шутить даже самого Жанбырбая. Для близких людей у дяди всегда имелись в значке маленькие подарки – будь то пачка душистого чая, красивый мундштук, гребень, расчёска или леденец.

Умиrotворённо отдыхая после обеда, нагаши, внимательно посмотрев на племянника, вдруг неожиданно заявил:

– Жамал, а что если Есену пожить пару лет у нас? Ведь ему после вашей начальной школы учиться где-то надо? Надо. Сама давеча хвасталась его успеваемостью. А у нас и школа, и учителя хорошие, дом у меня, сама знаешь, большой, место Есенжану найдётся. Не волнуйся, будет сыт, одет и обут. Вдобавок, я ведь постоянно в разъездах, а моей жене Алтын, когда рядом племянник, всё же спокойнее будет. Так что осенью отправляйте к нам Есена. А лучше к концу августа я сам приеду, договорились?!

Мать промолчала, ничего не ответив брату, его авторитет был для неё непоколебим, да и среди родни дядю Сартая все считали рассудительным и дальновидным. Вечером за ужином об этом рассказали батю. Назар после долгого раздумья произнёс:

– Ну что же, в принципе всё верно. Сынок, тебе учиться надо, ты же не собираешься быкам хвосты крутить. Тем более способности есть. Так что светлой тебе дороги, сынок, учись хорошо, веди себя примерно.

17

В один из жарких дней, когда, вволю накупавшись, друзья беззаботно валялись на берегу озера, Есен предложил Ильясу сходить на разъезд. Томившее в глубине души желание ещё раз услышать чарующую музыку домбры не давало покоя. Ильяс невнятно что-то буркнул – у него с сестрой были натянутые отношения. Причина крылась в том, что до её замужества Ильяс всегда отлынивал от домашней работы, ссылаясь на то, что в скором времени Ильясу всё придётся тащить одному, так как кто-то выйдет замуж и забудет дорогу домой. Мол, пусть напоследок потрудится, ничего страшного – не надорвётся. Тогжан на эти высказывания обижалась, но виду не подавала, молча работала по дому, а порой не разговаривала с братишкой.

Дорога на разъезд шла через лес, встретивший друзей чередой

разнообразных звуков. Солнце, пробиваясь сквозь густую крону сосен и елей, изредка слепило глаза, разливаясь большими ослепительными лужами на полянах и прячась в сочно-зелёной траве. Красивые стрекозы, шумно шурша блестящими крыльями, парили, высматривая свою добычу, затем, стремительно схватив мошку, взмывали вверх. Ильяс, обломив небольшую густую ветку, ловко сбил одну из них. Протянув оглушённую крылатую красавицу Есену, засмеялся:

– Посмотри, какие у неё глаза – гладкие, полукруглые, разноцветные, как пуговики.

– Зря ты убил её, они ведь полезные – комаров поедают, мошек всяких, – сокрушённо протянул Есен, – не надо так больше делать.

– Нашёлся защитник природы, да их здесь тысячи, от одной стрекозы ничего не изменится. Я сейчас ещё одну собою.

– Ильяс, не надо, они ведь тоже живые существа. Зачем убивать, это жестоко.

Но тот, не слушая товарища, подняв руку с веткой, неподвижно замер, увидев подлетающую стрекозу. Есен схватился за пышную еловую лапу, пытаясь вырвать её из рук Ильяса. «Ловец стрекоз», резко высвободив зелёную ветвь, наотмашь вlepил ею по лицу Есена. Было не больно, просто обидно и неприятно. Ошеломлённый Есен на миг растерялся, раздумывая, что предпринять. Драться будет глупо, – решил он, глядя на ухмыляющегося приятеля. Презрительно сплюнув, Есен молча развернулся и пошёл быстрыми шагами в сторону разъезда.

– Эй, постой, я же пошутил. Хочешь, на, ударь меня. Стой, тебе говорят... Обиделся? Ну тогда катись сам на разъезд, мне там делать нечего!

18

Издали разъезд ничем особо не выделялся – обыкновенные дома, сарайчики со стогами сена, кудахтанье кур да прерывистый лай собак. Не успел Есен дойти до ближайшего домишки, как увидел бегущего к нему мальчугана маленького роста, чернявого и смуглого. Подбежав и бесцеремонно оглядев спокойно идущего Есена, крошечный оборванец неожиданно выпалил:

– Эй, слышишь, стоять. Деньги есть?

Есен даже не взглянул на наглого мальчонку, молча продолжая свой путь.

– Я тебе говорю, стой. Ты же бурлинский, а для вас, колхозников, вход сюда платный. Или купишь конфет, или проваливай обратно, откуда пришёл.

– Ты – сопля зелёная, говорить научись сначала, потом командуй. Сейчас таких леденцов получишь – задница красной станет. А вы себя кем здесь возомнили – городскими, что ли?

– Мы железнодорожники – путейцы, в земле не ковыряемся и презираем вас, колхозников. А насчёт того, кто кому надаёт – давай раз на раз, если смелый!

Есен остановился, удивлённо взирая на сорванца – от горшка два вершка, а язык подвешен не по возрасту.

– Ты, козявка, я же тебе мизинчиком щелбан дам, так ты и скопытишься.

– Ну ты, колхозник, хвастун, как и все бурлинские. Пойдём, покажешь какой ты сильный!

Мотнув лысой головой и важно переступая босыми ногами, малец скрылся за углом дома. Есен, зайдя за угол заброшенной развалюхи, обомлел: в тени сидели, смоля папироской, трое ребят постарше. Один из них – рыжий долговязый подросток медленно поднялся:

– Ты что это братишку моего обижаешь, обзываешь нехорошими словами и ещё избить его хочешь? Кто тебе право дал над маленькими издеваться? А ещё пионер, наверное, как не стыдно?

Напоследок затянувшись, он кинул под ноги папиросу, старательно втоптал её в землю и вдруг, пригнувшись, головой резко ударил Есена. Раздался хруст, в ушах словно что-то разорвалось, булькнуло, стало плохо слышно, и из разбитого носа ручьём потекла горячая кровь. Оглушённый Есен сквозь выступившие на глазах слёзы увидел тёмные, расплзавшиеся пятна на новенькой белой рубашке и брюках, а затем довольную морду рыжего верзилы. Щербатый рот в улыбке широко раскрылся, обнажив жёлтые кривые зубы. Охватившая ярость до кончиков пальцев захлестнула Есена, задрожав всем телом, он словно кошка прыгнул на обидчика и вцепился зубами в его предплечье. Тот громко заорал, затем, пытаясь стряхнуть с себя рычащего Есена, попятился, оступился и упал.

Есен, упав сверху на рыжего и обвив его ноги своими ногами, не давал ему возможности перевернуть себя. Он неплохо боролся и немного знал приёмы и захваты, необходимые в таком положении. В глазах стояли слёзы, нос и рот были забиты кровью – своей и чужой. Почувствовав её солоноватый привкус, Есен озверел, глухо рыча и не разжимая челюстей, зубами впившись в плоть, пиявкой прилип он к обидчику. Приятели орущего рыжего дьлды бегали вокруг них, пытались оторвать Есена, выкручивая ему стопу ноги и нанося удары по голове. Крики, удары, визгливый плач под ухом – казалось, всё это продолжалось целую вечность...

Наконец-то вняв крикам ребят отпустить их друга, Есен разжал свои челюсти и медленно встал. Обессиленный от пережитого ужаса, рыжий тихонько скулил, не решаясь подняться.

– Ты что, ненормальный, псих, что ли? Пошутить уже нельзя!

Зарывав, оскалившись и сделав страшное лицо, Есен двинулся на приятелей рыжего. Наверное, его лицо показалось таким ужасным, что мальчишки с испугом отшатнулись от него и, попятившись, побежали стремглав прочь.

Понятно, что в таком виде заявиться к Мади с Тогжан не имело смысла. Порванная рубашка, разбитый нос, вздувшиеся шишки на голове – вот итоги его посещения разъезда. Да, очень гостеприимный народ здесь живёт, ничего не скажешь...

Есен, прихрамывая, поплёлся домой, сожалея о том, что его долгожданная встреча с кумиром сорвалась...

Лето подходило к той поре, когда по вечерам уже чувствовалось свежее дыхание подступающей осени. Сестрёнка Есена – Шолпан – подросла, превратилась в маленькую хозяйку. Теперь она выполняла домашнюю работу и присматривала за маленькими братишками Сериком и Касымом, когда мамы не было дома. Есену нравилось наблюдать за весёлой вознёй малышкой, часто он сам придумывал игры для них. Находясь в лесу, искал причудливые коренья, ветки и затем уже дома вырезал из них фигурки зверей или птиц. Невозможно было передать восторг братишек, когда мастерски выструганная и старательно отшлифованная игрушка попадала в их крохотные ручки. Их глаза прямо светились от счастья и в этот момент, наверное, Есен представлялся им каким-то волшебником. Любовь что-то мастерить, вырезать, выпиливать ему, видимо, передалась от отца – Казбека, у которого были «золотые руки». Есен загодя изготавливал и вручал братишкам всегда пару игрушек, их малышки долго не хотели выпускать из рук – вместе с ними ели и спали.

За лето Есен окреп, вытянулся, да и стал чуть взрослее. С Ильясом отношения стали прохладнее, отчуждённое, теперь почти всё свободное время Есен проводил с соседом Юрой. Они ловили ящериц, выливали из нор пауков – тарантулов, кормили гусеницами больших лесных муравьёв. Где-то раздобыв книгу про индейцев, они, прочитав, решили отныне называться именами её героев. Так Юра стал Бледнолицым, а Есен – Верной Рукой, вождём краснокожих. Изготовив луки и стрелы, воткнув в волосы перья, друзья часто ходили по лесу, устраивали охоту в зарослях камыша на озере, пробовали ставить силки и капканы на мелкую дичь. Так и проходило то жаркое лето, после которого Есену нужно было покинуть родной дом, чтобы продолжить учёбу уже в районном центре, у дяди Сартая.

– Ну здравствуйте, мои родные, все ли живы-здоровы? Как живёшь, сестрёнка, как детишки? Назар как всегда на работе, как его здоровье, не болеет ли? Я ему, как и обещал, сапоги привёз, ну а вам чай, конфеты, печенье. По работе мимо проезжал, решил заехать, потом времени не будет, – голос нагаши сквозь сон донёсся до Есена. Было воскресное утро, солнце уже ласково пригревало и сквозь занавески яркой полосой разлилось на белые стены и накрытый к завтраку стол.

– Здравствуйте, – захопотала Жамал, по казахскому обычаю уважительно называя старшего брата «ага» и на «вы», – точно к чаю подоспели. Говорят, лишь хорошие люди появляются к накрытому дастархану. Спасибо, всё у нас хорошо, слава Всевышнему. А что так рано, до сентября ещё две недели?

Сартай-ага объяснил, что было бы хорошо Есену приехать пораньше: подготовиться к новому учебному году, одежду, обувь присмотреть, да и школьные принадлежности не мешало бы купить.

После завтрака Жамал начала собирать нехитрые пожитки, но нагаши, посмотрев на старенькие мальчишеские вещи и покачав головой, молча отодвинул их в сторону, улыбнулся:

– Не надо, они уже малы ему. Не беспокойся, сестричка, я своему

племяшу всё новое куплю. Для такого джигита ничего не жалко!

Напились чаю с пирожками, Жамал, всплакнув, благословила сына, а уже через минуту Сартай с племянником сели в повозку и тронулись в путь. Дорога шла через овощехранилище, где и работал Назар. Его застали на месте, выйдя из тёмного прохладного склада на солнце, он ласково обнял Есена, прошептав:

– Сыночек, вот ты и повзрослел, покидаешь родное гнездо. Нам с мамой не хочется отпускать тебя, но так надо. Знаем, что там будет нелегко, пойми, ты туда не отдыхать едешь, а учиться. Не только школьным предметам, но и самому главному – жизни. Дяде не перечь, помогай, старайся и хорошо учись. Мы тебя все любим, помни это. Ладно, сынок, жолын болсын⁴! Иди, дядя уже заждался тебя.

21

Районный центр по сравнению с Бурли казался огромным городом. Здесь работали два завода, небольшая мебельная фабрика, элеватор и был базар. Вот туда-то и направились первым делом нагаши с Есеном. Дядю Сартая здесь все знали и почитали, это было заметно по тёплым приветствиям прохожих и уважительному обслуживанию в магазине. Продавщица в отделе детских товаров суетливо крутилась вокруг них, стараясь угодить. Вскоре после нескольких примерок дядя остался доволен внешним видом племянника, который выглядел франтом в синем костюме, белоснежной рубашке и в чёрных туфлях. Затем зашли в парикмахерскую, и пока мастерица разбиралась с непокорными мальчишескими вихрами, дядя успел купить все школьные принадлежности и красивый портфель. Пройдясь по базару, купив яблок, немного овощей и зелени, дядя с племянником направились домой.

Дом Сартая находился недалеко от базара, надо было только перейти через железнодорожные пути и свернуть в переулок. Обыкновенный дом оказался достаточно просторным и уютным внутри – три большие светлые комнаты, не считая кухни и веранды. Дядина жена – тётя Алтын, круглолицая, белокожая женщина, холодно кивнула Есену, в глазах промелькнуло что-то недоброе. Тут же, улыбаясь, повернулась к мужу, помогая раздеться и расспрашивая о поездке. В ушах поблескивали крупные красивые серьги, изнеженные руки в золотых колечках, по-видимому, не знали тяжёлого труда. Одета тётя была в шёлковое цветастое платье, расшитая узорами изящная жилетка ладно облегла её фигуру.

Есену выделили комнату, в которой кроме железной кровати стояли шифоньер, стол и большой старинный сундук. После обеда, как только дядя ушёл по делам, тётя Алтын начала объяснять мальчику его обязанности. Есен должен был с утра принести воды, затопить печь, если было холодно, поставить и вскипятить самовар. Показала магазин, находящийся неподалёку, в котором необходимо было закупать продукты. «Да, чуть не забыла, – вспомнила она, – раз в неделю проводить влажную уборку в доме, трясти половики, подметать во дворе... вот вроде бы и всё».

Окончание в следующем номере.

⁴Счастливого пути (каз.).

Елена ДУБОВАЯ,
искусствовед

Палитра Павла Лысенко

Творчество живописца Павла Лысенко – одна из интересных страниц истории развития живописной культуры Казахстана. Пейзаж, как ведущий жанр в искусстве художника, находит яркое и самобытное выражение в течение многих лет его творческой жизни. Созданный на протяжении полувека его живописный образный мир притягивает и завораживает. Художественные особенности его произведений захватывают зрителя, раз и навсегда запоминаются почерк, манера, колорит картин мастера.

Павел Григорьевич признаётся: «Мне уже за восемьдесят, но душа не желает стареть, говорит, что ей двадцать, и она хочет работать у холста, писать, любить краски, жить молодой жизнью. Поэтому я, к своему 80-летию, написал следующие строки:

*Я не хочу в душе затишья.
Восторг труда, побудь со мной,
В душе пусть ветер Прииртышья
Играет солнечной волной!*

В моём возрасте человеку свойственно оглядываться на прожитые годы. Вспомнить про хорошее, чтобы согрело душу. И я хочу пройти по ступенькам памяти, в свои студенческие годы, годы учёбы в театрально-художественном училище. Какая была большая радость на душе – я поступил в Алма-Атинское училище, я буду учиться! 1943-1944 годы – годы войны и ежедневного ощущения голода. Перед вступительными экзаменами

**Павел
Григорьевич
ЛЫСЕНКО**

родился в 1928 году. Окончил Алма-Атинское художественное училище им. Н.В. Гоголя (1944-1949). В 1951-1952 годах учился в Вильнюсском художественном институте. Живописец. Педагог. Член Союза художников Республики Казахстан с 1970 г.

С 1978 года живёт и работает в Павлодаре. Принимал активное участие в создании и открытии первой детской художественной школы. В 1979-1985 гг. преподавал в школе-студии для художников-оформителей промышленных предприятий на общественных началах. Длительное время вёл учебные семинары для учителей рисования школ города. В 1979-1981 годы – председатель художественного совета при Павлодарских художественно-производственных мастерских. Участник многочисленных областных, зональных, республиканских выставок.

Работы находятся в Государственном музее искусств им. А. Кастеева (г. Алматы), в Павлодарском областном художественном музее, в выставочном зале г. Кустаная, в частных коллекциях Германии, США. Произведения репродуцировались в следующих изданиях: «Художники Караганды» (1979, Москва), альбом «Шахтёры» (1978, г. Москва), «Акварель Казахстана» (1989, Алма-Ата), «Монументальное искусство СССР» (Москва). Персональные выставки в Павлодарском областном художественном музее в 1978, 1988, 1998, 2004, 2008 годах.

я встретил в мастерской 15-летнего своего сверстника, фигуру довольно колоритную. В холщёвой белой, слегка помятой рубашке навыпуск, подпоясанной ремешком, и в таких же штанах – «дудкой». Лицо бледное, слегка припухшее от голода. Он напомнил мне пастуха с далёкого джайляу. Это был Жанатай Шарденов. Как-то уже в процессе учёбы я случайно увидел, как он рисует гипсовую голову Аполлона. Правильные пропорции, удивительно живая карандашная лепка головы. «Вот это да, – подумал я, – вот тебе и пастух, талант, да и только, когда он успел так научиться рисовать!». На нашем курсе было тридцать человек. Несмотря на военное время и голод, люди учились. Государство студенту давало стипендию и 400 грамм хлеба по карточкам.

На одном со мной курсе училась Гульфайрус Исмаилова. Гуля – пятнадцатилетняя девочка. Круглое симпатичное личико, тёмные, умные глаза смотрели на окружающее с достоинством и небольшой долей самолюбия. Удивляла педагогов, да и весь класс, своим трудолюбием. Писала много этюдов, эскизов, много делала набросков. Её дипломная работа – портрет А.М. Черкасского, имела успех.

Учился я у хороших педагогов. Это Абрам Маркович Черкасский, Леонид Павлович Леонтьев и Алексей Ильич Бортников. Абрам Маркович – профессор живописи, не по годам энергичный, ему было 60 лет, – творческая энергия так и бурлила в нём. Страстно влюблённый в живопись, в жизнь, он представлял собою образец настоящего художника, со своей неизменной тросточкой. Он являл собою как бы другое время – доброе, талантливое.

Вот он входит в мастерскую, студенты третьего курса пишут полуобнажённую натуру и в порыве «вдохновения» барабанят кистью по холсту. Слыша это, Абрам Маркович говорит ученикам: «Холст надо ласкать, холст надо любить». И ведёт беседу со студентами.

Леонид Павлович Леонтьев, живописец, окончил Академию художеств в г. Ленинграде, преподавал нам предметы по живописи, акварель до третьего курса, историю искусств. Моложавый, интеллигентный, с хитринкой в голубых глазах. На уроке истории искусств, показывая репродукции знаменитых художников, он из-под репродукции смотрел на класс, на нас, 15-летних, с лукавой улыбкой и любопытным огоньком в глазах, видя, как мы раскрывали рты перед великими творениями, он довольно улыбался. Леонид Павлович – великолепный живописец, Богом одарённый. Его прекрасные портреты, натюрморты полны мастерства и цвета, и своего видения. Я благодарен тому времени, когда смог учиться у этих талантливых учителей, благодарен им за то, что они научили меня видеть цвет, понятию живописи, любви к природе, знанию истории искусств...

*На холсте сказать надо о многом,
И душа художника из плена одиночества
Робко спешит на свидание с богом,
Познать Радость и Восторг творчества».*

После учёбы в 1951-1952 годах в Вильнюсском художественном институте, впервые в 1955 году выступив на Алма-Атинской республиканской выставке художественного объединения КазИзо, а в 1957 получив

диплом за картину «Утро», Павел Лысенко ощутил себя настоящим художником.

Алма-Ата, Караганда, вступление в творческий Союз – это этапы становления молодого художника.

Осень.

Этюды, этюды, этюды, вдохновение рождается в работе, новизна впечатлений заставляет искать всё новые и новые средства художественной выразительности. Ведущим жанром творчества Павла Лысенко становится пейзаж. Много работает и над натюрмортом, портретом, тематической картиной, ежегодно участвует в республиканских, областных, городских выставках.

В гурзуфском Доме творчества имени К.А. Коровина в октябре-ноябре 1967 года в конце заезда на отчётном этапе все работы осматривала комиссия. Народный художник СССР Владимир Штраник заметил: «Я доволен. Не так часто, даже в Москве, встретишь работы на таком высоком профессиональном уровне. А здесь вот художник из Караганды...». Этим художником был Павел Лысенко. Из воспоминаний художника: «Я полюбил пейзаж, чудное творение природы. Ощущение душевного уюта. Живопись, настроение, душа – всё это можно отразить на холсте:

*Я на холсте жизнь праздную,
Влюбляюсь в краски, цвет ищу.
И душа дружит с разумом,
И Вселенная во мне, и Праздник чувств.*

Жаль, жизнь так складывалась, что для творчества осталось мало времени:

*Но я не жду, когда придёт строка,
Не жду любимой кисти вдохновенья.
Я кисть беру, и поют в небе облака.
Беру перо и – в душе прозренья.*

Жизнь меня не очень баловала, скорее наоборот, бывало и такое:

Цветы.

*Нарушив жизнь мою привычную,
«Скорая» бросила моё тело
На койку больничную,
А рядом, охнув, душа присела.*

Благодарен я судьбе за то, что мог побывать и в Вильнюсе, и в Москве, и в живописном Подмосковье, Евпатории и других городах.

*Дружу я с небом, солнцем, облаками,
Цветущие степи – родная земля.
Дружу я с вольными ветрами,
И ветер странствий полюбил меня.*

В городе Владимире, наряду с другими историческими местами, я написал Успенский собор, который очаровал меня своей стариной, монументальностью в архитектуре. Бело-золотистой цветовой гаммой.

*Я на палитре смешал все краски России,
И вот Успенский собор на холсте моём.
Нас в храмах своих Россия крестила,
И Веру святую мы в сердце несём.*

Крым. Осень. Здесь моей душе и взору открылась чудесная живопись. Богатство цвета, чудо природы. Виноградники красные, жёлтые, золотистые – ими любовалось осеннее солнце, нежно даруя свет, здесь уместно будет сказать:

*Кистью цветной
Осень разбросала цвет:
И глаз неба голубой,
И звон медных золотых монет,
И солнца жёлтый свет,
Всё смешала меж собой.*

Крым, Гурзуф – райское место на земле. Здесь удивительные вечера, тихие, задумчивые и чуточку грустные.

*Вечер сиреновой вуалью укрывает Крым,
Любопытный ветер прячет гор синева.
Тушит вечер огонёк золотых крыл,
А ночь властно диктует свои права.
Южная ночь, тёмные крылья распустив,
Глушит людские голоса и говор птиц,
Готовясь под сонно-тихий мотив
Беречь владения свои до первых зарниц.*

Иду я по жизни, преодолевая её барьеры, внезапную боль, всякие неурядицы, подлые житейские «подножки».

*Влюблённый в живописи цвет,
Я восторгом творчества живу.
Спешит к холсту солнечный свет,
Ощущая радость, и я к холсту спешу».*

Павел Лысенко более тридцати лет живёт в Павлодаре и всем сердцем предан Прииртышью и городу. Произведения высокого уровня художник пишет всегда: и когда только выходил на дорогу искусства, и двадцать, тридцать, сорок лет спустя. Работает в жанре пейзажа, натюрморта. В 1997-2000 годах им написаны портреты поэта Павла Васильева, местных поэтов Ольги Григорьевой, Виктора Семерьянова, Василия Лукова.

Павел Лысенко много повидал, отовсюду, из поездок, из путешествий привозил многочисленные пленэрные этюды, законченные произведения. Первоочерёдность натуральных пейзажных этюдов, воспитанная ещё в студенческие годы, навсегда становится главным критерием его творчества. Произведения, привезённые из Алма-Аты, Караганды, Гурзуфа, Вильнюса, Владимира, – это отражённые образы реального мира. Средневековые колокольни, соборы, костёлы, старые дворики, улочки, изображённые на холстах, наполнены светом и рефlekсами богатейших цветовых отношений. Пасмурный день в Прибалтике – смягчённый колористический строй, мягкая рассеянная светотень. Общий цветовой тон таких пейзажей – холодноватый, с серебристыми оттенками. Цветовую гамму Павла Лысенко обычно составляют два-три основных доминирующих цвета, а дополнительные, их основная масса, – обогащают и гармонизируют колорит. Когда присмотришься к его цветовым оттенкам – жемчужным, светло-серым пятнам, мягким розовым, спокойным зелёным, тёплым оттенкам земли, поля, мха, карминным цветам, – понимаешь, каким богатством владеет художник. Цвет у Павла Лысенко – это личное ощущение праздника, эмоция через край, песня во весь голос!

Темперные краски художника не тускнеют, долго сохраняют свою свежесть. Тонкие прописи в тени сменяются пастозным мазком в световых частях. Темпера позволяет работать тем звучным декоративным методом, который так любит художник. Пейзажный мир Павла Лысенко заключён в созерцательных минутах счастья, прочувствованных секундах восторга от совершенства красоты мира. Как и чем это выразить в живописи, – художник всю свою жизнь отвечает на этот вопрос. Увидеть живописный жёлтый сентябрь в Павлодаре и запечатлеть это неповторимое мгновение в художественном образе; застыть в восторге от садов предгорий Алатау и найти свои цветовые соотношения; открыть для себя красные виноградники Крыма и уловить контрасты, которые прояснят пластику, соберут конструкции образа воедино, сгармонизовать цвета, сообразуясь с объединяющими их оттенками, найти ударный цветовой тон – всюду поиск, вечный поиск Павла Лысенко.

Живописец много лет ходит по земле и пишет её красоту. Путешествие художника, как на страницах дневника, записывается в названиях его картин, в его стихах, в его воспоминаниях.

г. Павлодар.

Павел ЛЫСЕНКО

ЭТЮДЫ

Пейзаж с природы

Первые лучи восходящего солнца нежно прикоснулись к ещё дремлющим луговым травам. Луч солнца увидел себя в бусинках росы и принялся искать серебряный блеск в густой прохладной траве. Травы проснулись, улыбнулись взошедшему солнцу, милому, слегка туманному утру. Мне, как художнику, было интересно видеть игру тёплых золотистых лучей с холодной изумрудной тенью, что пряталась в траве. В слегка голубоватой утренней дымке цвета переливались, обогащая друг друга.

О, гордая живопись!

Травы смотрели в небо голубыми, белыми, жёлтыми цветами, как бы показывая и голубой нежности неба, и доброму солнцу, и белому облаку свою красоту.

О, живопись цвета!

Я пришёл к вам, цветущие летние травы, с белым холстом и желанием написать ваше луговое многоцветие, простор, вашу любовь к жизни, к солнцу. Выдавливаю краски на палитру – две, пять, десять, двадцать. О чудный праздник на палитре! Он захватывает душу, торопит чувства! Вот они, мои кисти. Писать быстрее это мгновение, это чудо, творимое природой, эту музыку цвета!

О, моя живопись!

– Господи, Господи! – это моё внутреннее восклицание – мольба остаётся со мной, остальное, – Помоги мне! – уходит в небеса, к Богу.

Повеяло прохладой, это к травам прибежал ветерок. Кружится весёлый, прохладный, подбежал к травам, о чём-то зашептался, нежно прижимаясь к стеблям, целуя цветы, и травы расплескались волнами, высказывая ветру, солнцу свою радость. Забавляясь с ветром, травы дышат утренней свежестью, наслаждаются широким простором.

О, душа живописи!

Я не заметил, как мой холст дышит цветом, богатством зелёных оттенков, видны след ветра, синева неба, взгляд солнца и утренняя

нежность. Я вижу холст, доволен тем, как поработала кисть, как душа моя отдавала энергию и любовь этому утру в живописно-голубоватой дымке, травам и мягкому солнечному свету.

Но я говорю холсту: чего ты радуешься, до той живописи, что в лугах, до того цвета и света, трепетно сберегаемого лугом, нам с тобой далеко. Печально, но что поделаешь. Но ведь душа пела, пела вместе с травами, будто к душе вернулось счастье – и это здорово!

О, живописи красота!

Говорю холсту: давай поклонимся луговым травам, солнцу, небу, облакам за то, что они дали нам неповторимую радость и восторг живописных минут.

Поклон вам, цветущие луговые травы!

Поклон тебе, судьба моя, любовь моя, живопись!

И я иду навстречу солнечному свету.

Над лугом – солнце, какая благодать!

Иду к другим я травам, к другим иду рассветам,

Где сложность цвета дано кисти разгадать.

г. Павлодар.

Сулу ТАН

...

Новелла

*«Молодость – заблуждение,
зрелый возраст – борьба,
старость – сожаление».*

Дизраэли Бенджамин

Осень... печальная, прохладная, но удивительно красивая пора, когда вокруг такой вид, словно расписанный ковёр: разноцветные листья на деревьях и кустарниках, цветы на клумбах. Но, к сожаленью, это длится недолго. Как, впрочем, и у людей... которые, как и природа: рождаются, цветут, но после... увядают и исчезают куда-то, уступая место новому рождению. Но в отличие от природы люди обладают разумом. И за время своего бытия имеют возможность творить и создавать. Но что создают, – понятно, а что творят? Добро или зло? И с кем идут по жизни... с Богом или дьяволом?

Однажды в один из солнечных и тёплых дней осени я ехала в поезде, где познакомилась с одухотворённой жизнью попутчицей, которая оказалась хорошей собеседницей. Её рассказ настолько заинтересовал меня, что я решила: непременно поделюсь с другими.

Есть такое изречение: «Покой нам только снится». Да, действительно, в тот момент это касалось меня, но... не попутчицы. Она уверяла меня, что нашла покой в душе много лет назад и дорожит этим.

Сначала она поведала о себе, затем о своей семье, убеждая меня в том, что у неё верный и надёжный муж, на которого можно положиться даже в самые трудные минуты.

«Хм... откуда такая уверенность, – подумала я. – Ведь человеку присуще искушение. Если, конечно, он – не глубоко верующий, которого защищает от этого сам Всевышний».

Она, заметив моё удивление, продолжила:

– С мужем живём пятнадцать лет, из них немало лет прожили безрассудно и суетливо. Сейчас я вспоминаю былые годы как страшный сон. Муж выпивал, лгал, изменял, ибо однажды на одном из корпоративных вечеров, выйдя за ним на улицу, застала его в объятьях сотрудницы. Затем, когда он потерял работу и долго никуда не мог устроиться, срывал свой гнев и недовольство на мне и детях. Да и после, когда вновь нашёл работу, стал подолгу задерживаться. Хотя, как потом выяснилось, посещал игровые автоматы, в надежде добыть лёгкие деньги, абсолютно не осознавая, что он просил деньги у шайтана. Я же, как птица в клетке, пыталась вырваться на волю и сбежать от него куда подальше. Но... жалко было детей, а их в то время было двое, а сейчас, – слава Всевышнему, – трое.

В те годы у нас дома постоянно были гости, причём много случайных, которые приходили составить моему мужу компанию попариться в бане да выпить. И среди этой беспорядочной жизни подрастали дети,

которые, как губка, впитывали в себя всё это безобразие. Так продолжалось до тех пор, пока однажды не произошла с моим мужем беда... Он, будучи в нетрезвом состоянии за рулём машины, попал в аварию, после чего едва остался жив. Однако именно в больнице он, оглядываясь назад, смог наконец-то оценить и переосмыслить свою никчёмную жизнь. Он осознал, что хоть и считался мужем и отцом детей, но... практически не был им, больше заботясь о себе и своих прихотях, не задумываясь даже о будущем своих детей. О чём поделился со мной после тяжёлой операции, рассказав сон, который приснился ему в те часы, когда он был под наркозом.

«Люди в чёрных одеяниях, без лиц, ибо торчали только глаза да носы, а также люди в белом – родственники, которые давно уже стали прахом, а среди них была мама, – начал он, – выстроились в длинный ряд и словно верёвку тянули меня за ноги, пытаюсь перетянуть каждый в свою сторону. Тогда я вспомнил тебя и детей и стал громко звать вас на помощь. А после, обратив внимание на свет, в блике которого увидел облик старца, взмолился: «Спасите меня, пожалуйста!». Но... меня продолжали тянуть. И в какой-то момент я понимаю, что ещё чуть-чуть, и я окажусь во власти людей в чёрном. И вдруг меня пронзила боль, и в ту же секунду на меня снизошло какое-то озарение, что я вижу самого Всевышнего. И я успеваю крикнуть: «О, Всевышний! Каюсь, вёл праздную жизнь. Простите мои грехи!». Люди в чёрном тут же исчезли, как, впрочем, все люди в белом, и осталась возле меня только моя мама, которая обняла меня и воскликнула: «Я с тобой, сынок!». И тут я проснулся. Кто-то в белом бил меня по щекам с просьбой открыть глаза и ответить на его вопросы.

– Сколько у меня пальцев? – громко кричал он. Это был доктор. – Моргни мне! Два? А сейчас? Три? Молодец! Жить будешь! В реанимацию его! – скомандовал он, радостно хлопнув меня по плечу», – закончил рассказывать мой муж.

– Мне кажется, это был не сон, – сказала я тогда своему мужу, внимательно выслушав его. – Ты, видимо, побывал между двумя мирами: адом и раем. Доктор сказал, что во время операции остановилось твоё сердце, и после нескольких усилий оно вновь заработало. Это, возможно, было в тот момент, когда ты уже был в руках чёрных призраков, и когда ты вспомнил о Всевышнем, он отпустил твои грехи и дал тебе вторую жизнь. К тому же послал тебе ангела-хранителя – твою маму.

– Значит, я до сих пор жил без ангела? – спросил муж наивно.

– Выходит так, дорогой, – ответила я. – Я не раз слышала из уст мудрых людей, что ангелы Всевышнего не могут находиться рядом с тем человеком, который пьёт зелье шайтана и ведёт разгульную жизнь, алчно думая только о деньгах и развлечениях. Даже когда человек пьёт вино, разумно контролируя себя, ангел отходит от него чуть поодаль. И вот тут-то он оказывается в руках шайтана, который всегда сидит по левую его сторону и пытается сбить с толку. И очень важно вовремя остановиться, как говорится, знать меру.

– Почему же ты раньше мне не говорила об этом? – недоумевал он.

– Я говорила, дорогой, причём не раз, – напомнила я ему. – Но ты,

видимо, не слушал меня. Но я не удивляюсь, ибо, как написано в священной книге Коран: «Когда душа человека находится во власти шайтана, он совершенно глух, поэтому и не слышит другого, не говоря о том, что вместе с тем у него полностью закрывается разум, чувство любви и совесть». Вот почему, когда пьющего человека называют пьяницей, похотливого – гулящим, а алчного до денег – взяточником и крохобором, – они никак не реагируют или не признают этого.

– В общем, – глубоко вздыхая, продолжила попутчица. – Слава Всевышнему! Мой муж понял и осознал, что весь пройденный жизненный путь его был бессмысленным. Ведь когда человек живёт в заботах только о хлебе насущном, он подобен животному. Тогда как он наделён высшим разумом, а значит должен быть полезен не только своим близким, но и всему человечеству на земле. Не так ли? – спросила попутчица.

– Да. Вы правы! – ответила я, улыбаясь в ответ. – Я согласна с вами! И уверена, что вы говорите устами Всевышнего и, поделившись со мной, совершили доброе дело. Слушая вас, я сделала вывод для себя, что между двумя мирами, земными людьми и небесными духами, есть неотъемлемая связь. Вот почему необходимо помнить и читать во имя предков молитву, тем самым давая им силы хранить нас на земле от несчастий, как это случилось с вашим мужем. И осознавая умом, что у каждой стороны есть обратная... человеку необходимо верить в Бога, и тогда само собой выбор будет правильным. Не зря говорится: «Всё в твоих руках!».

– Спасибо за доброе слово! – сказала попутчица и продолжила:

– Не могу не признаться, что хотя я и была набожным человеком, но порой совершала ошибки. Я могла разгневаться, наговорить плохих слов, обидеться. И только после того, как муж рассказал о своём сне, я тоже многое осознала для себя. Как говорится: «Век живи и век учись!».

Я поняла, что обида, сквернословие есть зло, которое притягивает в душу шайтана. И когда я стала контролировать своё настроение и поступки, в моей душе появилось спокойствие и одухотворённость во всём. И дело не в том, что мы стали лучше жить. И если раньше только мечтали о чём-то, то теперь, слава Всевышнему, легко осуществляем свои желания. Хотя бывает и так, когда кажется, что всё могло быть лучше, что значит, чем человек лучше живёт, тем больше растут его потребности. Однако мы научились контролировать свои желания и, конечно же, принимать всё как есть, не унывая и не гневаясь. И слава Всевышнему, живём в гармонии с собой и людьми. А в благословенный месяц Рамазан, ради довольства Всевышнего Аллаха и преданности, держим пост от восхода до захода солнца, – закончила моя попутчица.

– Простите! А почему вы говорите, ради довольства Всевышнего. Насколько я знаю, многие соблюдают пост, чтобы замолить свои грехи. И почему вы всё время повторяете: «Слава Всевышнему»? – любопытствовала я.

– Так нужно, доченька. Надо всегда помнить, что кроме ангела-хранителя, человека всегда сопровождает шайтан, который так и ждёт, чтобы испортить или помешать осуществлению того, о чём он делится с другим. Но вспоминая Всевышнего, человек оказывается под его покровительством

и защитой. И это не просто чьи-то домыслы, а проверенные временем факты из жизни.

А насчёт того, что некоторые соблюдают пост ради того, чтобы замаливать грехи, – насколько знаю из уст священнослужителей, неправильно и грешно. Ибо, – говорят они, – Всевышний, полагаясь на священную книгу Коран, читает наши мысли. И пост необходимо держать только ради довольства и любви к Всевышнему, а грехи замаливать каждый день. Так как человек не только рождается в грехе, но и невольно совершает его каждый день. Ведь даже плохие мысли человека, не говоря уже о скверных словах, причисляются к греху. Отсюда и вывод: никто не свят, и это воистину так. И неизвестно: будет ли услышана его молитва о прощении. Ведь Всевышний принимает лишь искреннее раскаяние человека.

И ещё... я слышала, что нельзя произносить слово «никогда». Так как это слово не любит Всевышний, и поэтому ангел божий тут же покидает человека. Пусть даже ненадолго, но этого времени будет достаточно, чтобы шайтан лишил его разума на тот момент и вынудил сделать то, отчего он отрекается.

Всё это кажется мистикой, но... как-то в молодые годы мы проверили это на себе. И тот, кто утверждал, что никогда не будет курить, – попробовал сигарету в тот же вечер. Тот, кто утверждал, что никогда не обидит свою девушку, – поссорился с ней. И тот, кто утверждал, что не ляжет спать, пока не выучит текст, – уснул, а это была я, – усмехнулась она.

С тех пор прошло почти двадцать лет. В тот день, когда благодаря попутчице я посмотрела на свою жизнь со стороны, наша дорога с ней переплелась с разницей в том, что она давно уже обрела своё счастье, а я только пыталась его найти. И слава Всевышнему, что смогла пересмотреть и многое изменить в своей жизни. Возможно, это получилось не сразу и не так, как хотелось бы, но, как говорится: «Всему своё время!». Главным было бы желание и стремление...

И если этот рассказ кого-то заставит задуматься, значит на то воля Божья. Ведь Всевышний всегда ищет путь к сердцу заблудшего и всегда придёт на помощь, только стоит покаяться и попросить прощения. И поверьте, не стоит фанатично стремиться к вечной жизни, а лучше позаботиться о том, чтобы эту жизнь прожить достойно, чтобы не переместиться в тот загадочный мир... рая или ада раннее положенного времени. Главное – не навреди! И не из-за того что это вернётся бумерангом, а просто ради того, чтобы жить, а не существовать. Как говорится: «Каков выбор, такова и жизнь».

г. Астана.

Уважаемый Владимир Романович!

С удовольствием – от корки до корки – не могу оторваться! – читаю последние номера «Нивы» («Ниву» я выписываю), особенно понравились «Письма из Греции» Анатолия Егорова и замечательная по своей реалистичности «Хроника смутного времени» Юрия Поминова (к «Хронике...», думаю, не один читатель будет возвращаться, и не раз). Очень интересны Павел Власов, рано ушедшая Инна Потахина...

Огромное спасибо Вам за Ваш бесценный труд – демократичный и интересный журнал «Нива».

А сейчас предлагаю Вашему вниманию свою статью о повести Бахытжана Канапьянова «Светлячки». Повесть была напечатана в «Ниве», кажется, в 2007 г., если не ошибаюсь. Я собиралась послать статью Вам в 2008 году, но, к стыду своему, из-за вечных вопросов выживания и ежедневной суеты так и не послала. Пусть и поздно (юбилей уже прошёл), но всё же поздравляю Бахытжана Канапьянова со знаменательной датой через журнал, если это возможно.

Свет настоящей жизни

Среди разнообразного, в основном модернистского потока современной литературы – подпольных, хотя и не лишённых философских изысканий пелевинских подражаний Булгакову, модного, но неглубокого П. Коэльо, пограничного японского сознания Мураками, шокирующих описаний семьянзвержений персонажей Э. Лимонова, талантливых рыданий над роднёй Л. Улицкой, не говоря уже о детективах, на которые время жаль тратить, донцовских домохозяйских повестушек и – страшно сказать! – американских пособий для умственно отсталых, судя по стилю их изложения, торговцев от литературы – «Как жить», «Как делать деньги», «Как удлинить...» и т. д., встречаешь вдруг написанную простым языком без всяких модернистских пассажей повесть Бахытжана Канапьянова «Светлячки», после прочтения которой остаётся ощущение глотка свежего воздуха.

Повесть небольшая по объёму (скорее, это расширенный рассказ), классична по сюжету, романтична по послевкусию. Кинематографична. Казалось, что нового можно написать о первой любви?

Но повесть о малазийских Ромео и Джульетте написал поэт, и поэтический стиль в ней чувствуется с первой до последней строчки. Сюжет повести прост: отчаянно гоняющий на мотоцикле с заветным номером 99-99, подаренным ему братом, подросток Кемал влюбляется в ровесницу китаянку, подрабатывающую на каникулах продавцом. Кемал и красавица Лэчан смотрятся друг в друга как в зеркало, но зеркало их любви разбивается о первое препятствие – коварство сына хозяина кондитерской лавки, где работает Лэчан. Злодей тоже влюблён в девушку, крадёт у неё дневную выручку, и Кемал, чтобы спасти девушку, отдаёт завистнику номер своего мотоцикла «Хонда». Вместе с потерей счастливого номера уходит и любовь. Девушка, потрясённая предательством хозяина кондитерской, уволившего её из-за интриги сына, не хочет встречаться с Кемалом. В отчаянии Кемал забирается в отцовскую лодку с мотоциклом, которым

уже не может пользоваться из-за отсутствия номера, мотоцикл исчезает, влюблённые расстаются навсегда.

Номадические корни автора повести прослеживаются в том, как он оживляет мотоцикл героя, сравнивая его с «породистым жеребёнком, ненароком выбегающим из табуна» или называя его двухколёсным конём. В конце повести погибает не только любовь подростков, но и железный друг Кемала – мотоцикл «Хонда», свидетель прекрасной любви. Кемал как бы слышит упрёк «Хонды»:

«Ты лишил меня имени, ибо в порыве помочь Лэчан ты отдал самое дорогое, что у тебя было, что тебя связывало с твоей возлюбленной, ты преступил невидимую черту запрета... это поняла и твоя Лэчан».

Бахытжан Канапьянов сумел вместить в короткую повесть и рассказ из китайского фольклора (притча о разбитом зеркале), и описание древнего малазийского свадебного обряда, и внутреннюю жизнь современного городского малазийца-компьютерщика, и красоту природы уникального уголка земли. Автору удалось донести до читателя чистоту души подростка Кемала, его смелость, нежность, нарождающийся твёрдый мужской характер. Мастерски показаны не только благородство отчаянного Кемала, озарённого чувством первой любви, но и характер его противника – проныры Ли, который в силу отсутствия способностей не может соперничать с Кемалом, но уже в подростковом возрасте не брезгует нечистыми путями (воровство, оговор) и идёт на всё ради достижения своих целей.

Здесь описаны и невозможность высокого и чистого романтического накала чувств в нашем мире, и наказание за невольное предательство традиций и возлюбленной, и жестокие обстоятельства, поступь рока или хаоса, разрушающего гармонию чувств. И только сотни тысяч светлячков, мерцающих на реке каждые 2-3 секунды, но вместе – всю ночь потрясения Кемала, спасают его, их свет остаётся в его памяти как символ бессмертной первой любви, как свет настоящей жизни...

Может быть, вся повесть написана ради того, чтобы передать чудную красоту малазийской реки Сунгай-Селангор, свет мириадом светлячков, повторяющих и усиливающих свет звёзд ночного неба... – так это или нет, известно только автору, но трогательное ощущение чистоты первого чувства любви, некое «лёгкое дыхание» остаются у читателя после прочтения этой повести...

Зайтуна КДРАЛИНА.

г. Алматы.

Клим ПЕРВУШИН

Приезжайте на родину

Конец пятидесятих годов прошлого века. Лето. Каникулы. Мне зачем-то понадобился мой друг Володя Серов. Миновав, вверх по улице, несколько домов, я вошёл в их избу. За столом сидел его старший брат Шурик и деревянной ложкой с удовольствием уплетал молоко с крошками хлеба. Увидев меня, он радостно вскочил:

– Будешь тюрю?

Не дожидаясь ответа, достал чашку, свежий каравай, приготовил нехитрое блюдо и пододвинул ко мне:

– Давай, лопай!

И хотя я не был голоден, заворожённый его весёлым гостеприимством, с аппетитом съел предложенное угощение. Почему – то этот маленький эпизод никак не уходит из моей памяти, заставляя сжиматься сердце от нежности к давно ушедшим светлым годам и людям, что, может быть, неосознанно, но определили наши поступки в будущем. Давно уже нет Шурика Серова, а я всегда, встречая гостя, стараюсь в первую очередь усадить его за стол и угостить, чем Бог послал. Видимо, неосознанно с младенческих лет мы впитываем всё, чем одаривает нас окружающий мир. И наша удача, если опыт познания мира основывается на таких вот положительных примерах. Но как бы там ни было, если существует счастье, то большая его часть приходится на золотое время, называемое детством. Не потому ли нас тянет в места, где всё случилось впервые. Там мы увидели мир и влюбились в него с первого взгляда. Небо, горы, реки и ручьи, деревья и травы навсегда запечатлелись в сознании волшебными картинками, название которым – совершенство. Вот и возвращаемся мы в райские кущи, созданные воображением, в надежде вернуть то безмятежное состояние души, впоследствии замутившееся течением нашей непредсказуемой жизни. Иногда это получается, иногда не очень. Но всегда приводит к неожиданным встречам и размышлениям о судьбах ушедших и здравствующих дорогих нам людей.

С весны мы с племянником Сергеем собирались посетить мою родину – село Поперечное. И вот когда у него выпал единственный в неделю свободный выходной, как и положено, похолодало, затрусил мелкий дождь. Не привыкшие подчиняться капризам погоды, решили ехать. В машине не замёрзнем и не промокнем. «Мазда» неторопливо шуршала сначала по городскому асфальту, потом по бетонке окраинной «Ботаники». На заднем сидении куталась в кофту жена Сергея Настя.

Гравийная трасса «Риддер – Алтай», покрытая лужами, требовала постоянного внимания водителя. Но это забота племянника, а мне оставалось созерцать проплывавшие мимо знакомые пейзажи. За Кордоном стали появляться первые кедры и мой интерес переключился на них. Я всматривался в густые кроны, стараясь определить, будет ли нынче урожай.

Увы, шишек на деревьях не было. Значит, не полакомимся в этом году кедровыми орешками.

Успокоившись, я переключил свои мысли на предстоящую встречу. Основной причиной нашей поездки было посещение поэта и прозаика Анны Серовой. Она только что выпустила замечательную книгу стихов и прозы. Несмотря на то, что её произведения давно печатались в толстых журналах Казахстана и России, книга была первой. С Анной нас связывала долгая дружба, начавшаяся ещё в босоногом детстве, когда мы учились в попереченской семилетке с первого по шестой классы. Следующая наша встреча произошла в начале семидесятых, и опять многолетний перерыв. Лишь в начале нового тысячелетия, благодаря общим литературным интересам, наша связь продолжилась. Анна уже год как переехала в деревню, оставив дочери свою городскую квартиру. Недавно в Поперечном появилась телефонная связь. Теперь часто перезваниваемся, и каждый раз она приглашает в гости. Благодаря появившейся причине и сложившимся обстоятельствам поездка началась. Доехав до указателя поворота на село, мы увидели засыпанную кучами щебёнки дорогу. Для низкой «Мазды» езда будет проблематичной. Но Сергей успокоил нас: «Проедем!». И мы двинулись, огибая горки породы, кое-где племянник останавливался, чтобы скинуть с проезжей части крупные камни. Благополучно добрались до околицы и только я воскликнул: «Вот моя деревня!», как по волшебству в небе появилось голубое окошко, в которое выглянуло солнце. Всё вокруг преобразилось. Горы ещё были закрыты тучами, но природа заиграла согревающими душу летними красками. По улице, сверкающей зеркалами луж, подъехали к окружённой высоченными пихтами избе ещё одного собрата по перу Геннадия Богдаева. Я вышел, покричал, но кроме двух залающих на меня собак никто не откликнулся. Двинулись вниз по улице. С незапамятных времён деревня делилась на верховских и низовских. Ещё до революции между соперничающими краями селения по праздникам устраивались кулачные бои, противостояние продолжилось и в советское время, правда, на уровне младшего поколения. Помню, наши разновозрастные детские ватаги, встретившись, обязательно дрались. Особой жестокости не было, но многие возвращались домой с фонарями или разбитыми носами. Вспомнились друзья детства: Володя Серов, Колька Шмаков, Юрка Колтаков, Колька и Мишка Жулины. Многих из них уже нет в живых, что поделаешь, таковы законы жизни. Вот и в нашей семье из пятерых братьев и сестры осталась только половина. Взглянув на гору наших детских походов Гребнюху, я мысленно представил бегущих среди жарков шестерых белоголовых «петушат», один другого меньше. Когда-то я уже писал, что в Поперечном каждого награждали подходящим прозвищем. Отца за высокий чуб окрестили петухом, а нас, соответственно, петушатами. Сердце заныло от сознания того, что жизнь несправедливо коротка и ничего нельзя вернуть назад.

Остановились у столетнего шестистенка, в котором родился, провёл детство и юность первый писатель из нашей деревни Юрий Васильевич Антропов. Сфотографировались у дома, стену которого украшала мемориальная доска, установленная нынешней весной. Рассказал спутникам о

непростой судьбе известного мастера советской литературы. Сергей с Настей, казалось бы, люди нового поколения, воспитанного на других ценностях, с интересом слушали, как молодой сельский мальчишка поставил перед собой цель и добился её, став писателем.

Миновав по-барски возлежащие в лужах выводки свиней, стайки гордо гогочущих гусей и распустившиеся веером богатые хвосты индюков, мы подъехали к дому Петра и Анны Серовых. Обнялись с хозяином, он со своим зятем пытался завести старенький «Москвич», так что племяннику сразу же нашлась работа. Анна была в бане, и Пётр послал внучку Арину сказать ей, чтобы быстрей мылась и шла встречать гостей. Пока Сергей, взяв на буксир легковушку, возил её по улице деревни, Пётр показывал хозяйство. За высокими крытыми воротами стоял старый, но ещё крепкий дом, слева от него – хозяйственные постройки и баня, за ней – бескрайний огород, зелёный от картофельной ботвы. Мне вспомнилось, как в один из урожайных годов середины пятидесятых наша семья собрала с такого же поля более тысячи вёдер картошки. Поперечное испокон веков славилось вторым хлебом.

– Всё это досталось нам от прежних хозяев, – пояснил Пётр, – вот теперь ремонтирую. Работы много: там пол перестелить, там печку переложить, – каждое строение требует ухода.

Он повёл меня мимо привязанной белой лайки Кучума к задней части дома, поднялся на небольшое крыльцо и, открыв дверь, показал длинную комнату с наполовину постеленным полом:

– Здесь у меня комната для гостей, вот приведу в порядок, и приезжайте, можете жить здесь сколько угодно. Да, забыл тебе показать самое главное приобретение, – и, выйдя за ворота, с гордостью указал на пасущегося невдалеке гнедого жеребчика, – видишь, какой красавец, Орликом назвал, ещё не объезженный. Нужно кого-то искать, сам-то уже не смогу. В деревне нельзя без лошадки – и для хозяйства, и для охоты, и за ягодой или орехом съездить. Сбруя у меня готова, вон телегу недавно купил, – и показал на стоявшую в ограде повозку на резиновом ходу.

Глядя на резвящегося на лужке коня, я опять окунулся в воспоминания. У отца было две лошади. Спокойный мерин Серко и нервная, изящная кобылка Нойка. У каждого животного – свои обязанности. На Серко пахали огород, возили дрова и сено, а Нойка использовалась для езды верхом. Отец, оседлав её, уезжал по делам в город, на рыбалку и по другим надобностям. Мне, как старшему, иногда доверяли оседлать мерина и искать по соседним горам потерявшихся коров, а в сенокос – возить копны. Для детей и взрослых они были любимцами среди другой живности, окружавшей нас с малых лет. Это сейчас мотоциклы и автомобили становятся пределом мечтаний подростков, а в те далёкие годы езда на лошади была одним из самых великих удовольствий. Конь для крестьянина – это член семьи.

Драматична в этом плане судьба моего деда по матери Максима Филипповича Шестакова. Дважды раскулаченный, отсидевший четыре года за колючей проволокой, он всё-таки не озлобился, поднял пятерых детей, проводил и встретил с войны сына. Однако не выдержал уже хрущёвской

кампании по реквизиции лошадей в городах. Когда у него со двора милиционеры увели кобылу, он, смертельно заболев, слёг, и в бреду до самой кончины всё звал свою верную Вербу.

Прервала мои размышления пришедшая из бани распаренная и помолодевшая Анна.

– Ну, гости дорогие, пожалуйте в избу, чай пить будем.

В доме две просторных комнаты с печью между ними, чтобы обогреть обе. Однако вместо чая хозяйка налила нам по большой тарелке наваристого супа и поставила большую чашку творога, щедро сдобренного густой деревенской сметаной. Предложила водки:

– Мы-то сами с Петром Михайловичем теперь не употребляем, но для гостей бутылочку держим.

Отказавшись от спиртного, дружно загремели ложками.

– Меня тут муж харюзами закормил. Жаль, что вчера отдала рыбу другим гостям из города, не отведаете убинского деликатеса.

– Ничего, у нас Сергей рыбак, в следующий раз приедем, он сам наловит хариуса, – успокоил я хозяйку.

Отобедав, решили сходить на реку нашего с Анной детства. Дом Серовых стоит на самом краю деревни, кажется, пройди несколько десятков метров, минуй заросли краснотала, и вот она, Белая Уба, но не тут-то было. Дорогу нам преградила протока, на другом берегу которой сплошной стеной стоял непроходимый кустарник.

Анна ворчала:

– Не узнаю деревню, Быструху зачем-то отвели, а она ведь здесь за огородами протекала, Уба сама меняет русло, как ей вздумается. Не осталось ничего из наших в детстве любимых мест, кроме гор, конечно. Уж они-то, родные, как стояли до нас, так и радовать будут глаз, пока вертится матушка планета.

Наша городская экипировка явно не подходила для данной местности. Вспомнив, как с Равилем Хисамовым на его «Ниве» мы без труда выезжали на берег Убы, предложил спутникам проверенный путь. Посадив в машину Анну с Ариной, поехали на другой конец деревни.

Иногда на солнце наплывали облака, но день стоял тёплый и радостный. Об утренней непогоде напоминали лишь тучи, которые упорно цеплялись за самые высокие вершины Ивановского хребта. Мы ехали параллельно Убе. Слева стояли редкие дома, справа раскинулось широкое поле с аккуратным, по-русски уютным погостом. Покосившиеся кресты среди рябин и черёмух всегда навевали на меня чувство умиления. Казалось, кладбище каким-то волшебством перенесено сюда из средней полосы России. За размышлениями я просмотрел ответвление дороги, ведущее к Убе. Подъехали ещё к одной речке, которая носит одноимённое название с деревней Поперечная, за ней возвышалась гора, когда-то изобиловавшая малиной, тоже Поперечная. Вверх по руслу реки в давние времена стояла мельница, переделанная потом в лесопилку. Когда дед с отцом строили дом, мы на лошадях возили туда брёвна и распускали их на тёс для крыши.

К сожалению, в лихие времена приватизации кто-то из желающих получить лесопилку в собственность, но не получивший такой

возможности, взял да сжёг веками служившее людям сооружение. Жадность и подлость человеческие беспредельны.

Где-то здесь, на высоком берегу, находилось хозяйство друга нашей семьи дяди Серёжи Шмакова. Оставив на гражданской войне ногу, он ходил на костылях, но всегда был деятелен и весел. Женился на вдове расстрелянного в 1937 году латышского стрелка, и никогда не скрывал этого. В войну был председателем Попереченского колхоза и едва не загремел в лагерь за невыполнение указаний горкома партии. В наших высокогорных местах пшеница успеваешь вызреть не каждый год. Но партийное руководство, следуя указаниям свыше, ежегодно спускало план только на пшеничное зерно. Зная, что рискует в суровое военное время, председатель засеял поля рожью. Его спасло только то, что был получен рекордный урожай привычного к капризам нашей погоды злака.

Пока я предавался воспоминаниям, Анна поговорила с вышедшим из ближайшего дома мужчиной, который и указал кратчайший путь к реке. Не рискуя забуксовать на раскисшей от дождя дороге, мы оставили машину на пригорке и, преодолев вброд несколько мелких проток, оказались на берегу Убы. С покрытой галькой косы мы с Анной смотрели на реку нашего детства и не узнавали её. Куда девался бурный, с высокими волнами поток, что жил ещё в нашей памяти. Здесь я когда-то научился плавать, тонул, был спасён и навсегда сохранил уважение к крутому нраву воды, берущей начало на головокружительной высоте у вечных снегов. Что это, усмешка времени или итог человеческой деятельности?

Наши молодые спутники, не обременённые годами и воспоминаниями, принимали жизнь такой, какая она есть. Самоцветами отскакивали от воды лучи солнца. Щедро пенились летней зеленью заречные скалистые горы, куда мы в детстве совершали походы за диким чесноком и ревенем, за чёрной и красной смородиной. С визгом бегала по берегу Арина и бросала по течению плоские камни, стараясь «испечь» как можно больше «блинов». Настя с Сергеем молча любовались открывшейся вокруг красотой. Успокоились и мы с Анной, что толку рвать душу тоской по давно ушедшему. Человек живёт сегодняшним днём, а он был прекрасен.

– Знаешь, – сказала Анна, – в детстве вы дразнили меня калмычкой и были близки к истине. В то время мы не скрывали, но и не афишировали тот факт, что мой дед Егор был алтайцем. Когда-то, ещё до революции, его родители, гнавшие скот на ярмарку в Усть-Каменогорск, оставили больного мальчика в семье родителей бабушки по материнской линии, выздоравливать. Они пообещали на обратном пути забрать его, но, видимо, что-то не сложилось в намерениях скотоводов, и черноглазый мальчик стал членом семьи, выходявшей его. Повзрослев, он женился на моей бабушке Федосье. Наверное, от деда мне передалась любовь к прекрасному. Он был непревзойдённым виртуозом игры на балалайке, хорошо пел. Да и другими способностями Бог его не обделил. Знание языков: алтайского, казахского, китайского и, конечно, русского, принесло ему много пользы. А в годы гражданской войны и революции способности полиглота обернулись многими неприятностями. Гены деда передались моей матери Ефросинье Егоровне, она хранила в памяти бесчисленное количество песен и частушек,

в исполнении которых ей не было равных на селе. Жаль, я мало помню своего отца Матвея Кузьмича, которого фронтовые раны забрали у нас всего через два года после войны.

Мы помолчали, думая каждый о своём.

– А ведь алтайские родственники в шестидесятых годах, – весело вспомнила Анна, – приезжали к нам в гости. Гулянка на нашем краю деревни была знатная.

Я задумался о судьбах народов, населяющих Алтай. Как здесь всё переплелось. Вот только первое, что приходит в голову: известная в наших краях целительница Наталья Колесникова, к которой ездят поправлять здоровье даже из далёкого зарубежья. Её бабушка Елена тоже была алтайкой, надёжной повитухой и костоправом. Наталья считает, что это от неё перешла к ней способность к исцелению. Или поэт и прозаик Ольга Гладышева, отец которой был по национальности бурятом. Да мало ли у нас в Риддере смешанных браков. А что вы хотите, местность-то, где мы живём, называется Евразия!

Богата на немыслимо красивые пейзажи и закрученные сюжеты наша родная земля. Не потому ли почти всё, о чём пишу, вольно или невольно возвращается сюда, в место, где родился и получил первый опыт для прохождения неровной, как по горизонтали, так и по вертикали, длинной дороги жизни. Набрал в пригоршни студёной влаги, мы умылись и напились святой водой Белой Убы, рядом с которой мы родились, узнали, что такое первая любовь и первая смерть, вообще всё, что в себя вбирает такое ёмкое слово – жизнь.

Тени от заубинских гор всё ближе подступали к реке. Пришло время собираться в обратный путь. Поднявшись к дороге, мы сели в машину и вскоре были у серовских ворот. Пётр, так и не сумев завести «Москвич», готовился к вечерней рыбалке. Подчиняясь поговорке «Долгие проводы – лишние слёзы», распрощались с гостеприимными хозяевами. В руках у меня была книга, ещё пахнувшая типографской краской, со стихами и прозой моей землячки и трогательной дарственной надписью на титульном листе.

Вновь остановились у дома Геннадия Богдаева. На этот раз долго ждать не пришлось. Со словами: «Клим! Тебя сам Бог привёл», – Геннадий повёл меня мимо смолкнувших собак во двор.

– Ты знаешь, кто у меня в гостях? Сейчас увидишь!

На крыльце стоял высокий мужчина с военной выправкой.

– Это же Петя Немцев, помнишь, я писал о нём в газете, он родился в Стрежной Яме, а семь классов заканчивал в нашей школе.

Я всматривался в его лицо, смутно напоминавшее кого-то из далёкого детства. Пётр тоже узнавательно смотрел на меня. Потом, взяв за плечи, улыбаясь, сказал:

– Если тебе сбрить бороду, будешь вылитый Семён Леонтьевич!

Я был удивлён. Когда тебе с юных лет говорят, что ты больше похож на мать, согласитесь, такое сравнение с отцом, по крайней мере, непривычно. А Пётр углубился в воспоминания:

– Твой отец был моим любимым учителем, поэтому русский язык и

литературу я знал на «отлично». До сих пор слышу слова из какого-то диктанта: «рубанок, фуганок, шерхебель...». А как он рассказывал стихи Некрасова: «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои»...

Отец действительно очень трепетно относился к творчеству Николая Алексеевича, знал наизусть много его стихотворений. А когда, взяв в руки гитару, запевал:

«Меж высоких хлебов затерялся
Небогатое наше село,
Горе горькое по свету шлялося
И случайно на нас набрело»... –

мы, ребяташки, с замиранием сердца слушали песню о горькой судьбе человека и переносили давние события на нашу деревню, где тоже случались в то непростое послевоенное время свои трагедии, достойные пера поэта.

Забегая вперёд, скажу, что после учёбы в попереченской семилетке и средней школе в Риддере Пётр окончил Уссурийское военное автомобильное училище и 27 лет прослужил в Вооружённых Силах СССР. Дважды отучился в Академии имени Петра Великого, получив специальности военный инженер и офицер с высшим военным образованием. Сейчас Пётр Лаврентьевич Немцев – военный пенсионер, подполковник запаса. Выйдя на заслуженный отдых, занялся литературным творчеством. Из-под его пера вышли несколько сборников рассказов. Живёт в древнем русском городе Старый Оскол.

В детстве мы были мало знакомы, всё-таки он был старше на три года, а для школьников начальных классов это много. К тому времени, когда наша семья уезжала навсегда из Поперечного, я учился в шестом классе. Пётр уже оканчивал среднюю школу в Лениногорске. Единственное, что врезалось мне в память, это его знаменитая находка. Однажды на перемене среди учеников пронёсся слух, что Петя Немцев нашёл на заубинской сопке Скалянихе человеческий череп. Мы с любопытством рассматривали выставленную на всеобщее обозрение картонную коробку с останками. Кто был тот человек, так и осталось загадкой. Потом находка долго хранилась вместе с другими наглядными пособиями в кабинете анатомии.

Намного ближе я был знаком с младшим братом Петра, Витькой. Тот обаял всех нас своим умением играть на гармошке. Для меня, так и не освоившего ни одного музыкального инструмента, он казался небожителем. Жаль, что наша дружба оборвалась довольно неприятным для меня событием. Однажды мой товарищ похвастался складешком с перламутровой ручкой и множеством сверкающих лезвий. Я, никогда ещё не державший в руках такого чуда, был готов отдать душу за эту красоту. Владелец ножа был согласен поменять его на что-то равнозначное. Пригласив Витьку домой, выложил перед ним все свои игрушки и книги, но ничего подходящего среди моего богатства он не нашёл. Был забракован даже отштампованный где-то на заводе чёрный револьвер. Вдруг глаза приятеля радостно заблестели, на столе он увидел наручные часы, размером похожие на будильник. Отец никогда их не носил, у него были новые послевоенные

«Победа». Видимо, он дорожил ими, как памятью о чём-то или о ком-то. В глубине души осознавая, что делаю ошибку, я всё-таки не смог совладать со своим непреодолимым желанием, и обмен свершился.

Вечером отец обнаружил пропажу, а увидев в моих руках складешок, сказал, чтобы завтра же часы были на месте. Можно представить, что творилось у меня на душе, если даже сейчас я вспоминаю это происшествие с целым набором противоречивых чувств. Тут и обида, и стыд, и горечь за невозможность самостоятельно распоряжаться своими желаниями. И всё-таки это была наука, которая пригодилась в дальнейшей жизни. Отец не стал читать морали, а предоставил мне самому разобраться в том, что хорошо и что плохо. Назавтра, отдав Витьке нож и вернув на место часы, я убежал на скалу с северной стороны Гребнюхи и весь день истязал себя вселенской болью о несовершенстве мира. Теперь, может быть, этот случай кому-то покажется мелким и смешным, а ведь я прожил с этим воспоминанием всю жизнь.

Пётр, не подозревая о моей мысленной экскурсии в прошлое, изложил нам свои задачи пребывания на родине. Ему, как и мне, не давало покоя желание написать о своём детстве. И вот теперь он с фотоаппаратом и видеокамерой бродил по родным местам, заново переживая своё возвращение туда, где всё начиналось. Побывал на месте своего рождения в Стрежной Яме, и из всего, что помнил, неизменными остались только горы. Всё так же красиво вонзался в небо пик Петрушина и сверкала своими изгибами обмелевшая Белая Уба.

Договорившись встретиться в Риддере, мы вышли на улицу. Смеркалось, но полузакрытые облаками вершины Ивановского хребта ещё отсвечивали последними лучами солнца.

Зарево заката светилось за Буранихой, но ночь постепенно брала права в ущельях и долинах. Миновав строящийся участок дороги, племянник включил фары, и автомобиль покотился по трассе, убаюкивая ездоков. Я тоже начал дремать, но какая-то непонятная, назойливая мысль не давала мне полностью отключиться. Лишь на подъезде к Кордону ко мне пришло озарение. Всё было просто, ведь у Петра, Анны и у меня был один учитель литературы – мой отец Первушин Семён Леонтьевич. Я не хочу тянуть одеяло на свою фамилию, но от фактов не уйдёшь. Он был человеком своего времени с присущими ему достоинствами и недостатками.

– Покажите мне того, кто без греха? – спросил когда-то Иисус.

Ведь по большому счёту главное не то, как человек прожил, а то, какая память о нём осталась. С этим всё в порядке, я не встречал его учеников, отзывавшихся о нём с обидой или неприязнью. И пусть писателей и поэтов, которых толкнул он на эту тернистую стезю, всего трое, зато сколько учителей литературы да и просто хороших людей выпустил он из-под своего крыла в двух сельских школах – Попереченской и Синюшонской.

Закат чуть высвечивал красным мазком над Синюхой, когда мы въехали в вечерний город. Впереди ждали благоустроенная квартира, ванна, все блага цивилизации, а душа уже звала назад, в деревню Поперечное, где родился.

Лето было на исходе. Август начинал понемногу расцветивать

деревья, и первые опавшие листья редкими разноцветными кляксами оживили серый асфальт. Перед отъездом в Россию Пётр захал попрощаться. Они с Геннадием оставили мне диск с фотографиями и видеосъёмками, что сделал на родине наш гость. По просьбе Петра Лаврентьевича я подарил ему несколько фотографий отца. Конечно, он не мог, будучи в Риддере, не встретиться со своим знаменитым однофамильцем Михаилом Немцевым, и мы пошли в музей АО «Казцинк», где он работает директором. Поэт, прозаик и краевед встретил нас гостеприимно, провёл экскурсию по залам, рассказывающим о достижениях известной металлургической компании, подарил гостю несколько своих книг, тот пообещал, вернувшись в Россию, выслать нам свои, что впоследствии исполнил.

Покинув музей, мы пошли к центральной площади города, где собирались распрощаться. И пусть теперь мне кто-нибудь скажет, что наши пути не предначертаны свыше – навстречу шёл Михаил Александрович Страдов, человек, который всю свою жизнь посвятил разведению пчёл. И сейчас, достигнув восьмидесятипятилетия, он с братом и сестрой в тридцати километрах от города держал небольшую пасеку. Я представил Петра и зная, что пасечник в сороковых-пятидесятых годах работал в тех же краях, что и его отец, спросил Страдова, знал ли он Лаврентия Немцева.

– Ну как же, мы все тогда по Убе друг друга знали, а с Лавреном-то не один лагун медовухи выпили, знатный был пчеловод!

Было заметно, как приятны Петру слова неожиданно встретившегося приятеля отца. Он несколько раз сфотографировал возникшего из его детства человека, встретиться с которым и не мечтал. На этом мы расстались. Пётр уезжал в Россию, Геннадий в Поперечное, а я оставался в Риддере.

Через несколько дней позвонил Михаил Немцев:

– Приходи, я тебе такое покажу – не пожалеешь!

В его кабинете сразу увидел разложенные на столе крупные распечатки акварелей, хозяин выглядел совершенно счастливым. Михаил несколько лет писал книгу о художнике Василии Петрове. Труд был почти завершён, не хватало лишь копий картин, которые дали бы полное понятие о герое повествования. Долгое время он вёл переговоры с Государственным Русским музеем из Санкт-Петербурга по поводу приобретения копий работ мастера. Можно было понять его радость – картины были перед нашими глазами. Ещё одна частица истории нашего края станет известна неравнодушным жителям Риддера.

В 1802 году по именному указу императора Александра Первого побывал в наших краях художник и оставил потомкам своё виденье строящегося рудника – Ивановского и Проходного белков, реки Белой Убы – всего десять работ. Два вида – один Риддерского рудника, другой пещеры близ Бухтарминской крепости были представлены в 1806 году Его Императорскому Величеству. «За оказанное усердие и познание в ландшафтном искусстве» по представлению Александра Первого Василий Петрович Петров был избран академиком Российской академии художеств.

– У меня к тебе два вопроса, – сказал Михаил, – поскольку ты родился в Поперечном, ты должен на них ответить. Первый: где тогда

проходила дорога в село, в книге-то я написал, что под белком, но берут меня сомнения, а вдруг ошибаюсь? Второй вопрос: – где это место? – он пододвинул ко мне распечатку с картиной В. Петрова «Вид реки Белой Убы».

С первым вопросом мы разобрались быстро. Дорогу под Ивановским хребтом проложили на моей памяти, когда на Сером лугу открылся лесочасток. Я помню, как мы, мальчишки, встречали колонну новеньких автомобилей с деревянными кабинами и кузовами, которые назывались «полуторками». Двигаясь к месту назначения, они не преминули посетить наше село к радости ребятишек. Это было в конце пятидесятых годов прошлого века. Но долго ещё привычное наше общение с Лениногорском проходило по старой дороге через Листвяг, Шубин Ключ и Ливино. Наши пешие путешествия с бабушкой Матрёной в город среди цветущих лугов и косогоров навсегда остались в памяти как что-то светлое и неповторимое. Вероятнее всего, художник добирался до села по проторённому первопроходцами пути. Перешли ко второму вопросу. Взглянув на пейзаж, я сразу узнал место, изображённое на картине. Этот острый пик и окружающая его местность были знакомы мне с малых лет, однако название его никак не мог вспомнить, крутилось в голове что-то связанное с Секисовкой, но почему, ведь населённый пункт с подобным именем находится в стороне Усть-Каменогорска? Чтоб зря не ломать голову, я объявил, что вскоре мы с племянником собираемся снова посетить мою родину, и после поездки разрешим все интересующие нас вопросы.

И вот мы снова мчим по знакомой дороге. На этот раз к нашей компании присоединилась моя внучка, которой мне давно хотелось показать места, где я родился, но всегда что-то мешало исполнению желания. Над окружающим нас миром раскинулось незапятнанно синее небо. Солнце ласково грело землю, и если в городе сейчас было невыносимо жарко, то здесь, в горах, держалась очень даже комфортная температура. К концу лета снежники на Ивановском кряже почти исчезли и лишь изредка сверкали на защищённых от солнца склонах. Внизу сенокосы зеленели подросшей отавой, а скирды сена напоминали издали каких-то доисторических животных, вольно пасущихся на окаймлённых разнолесьем лугах. Алиса заворожённо смотрела на проплывавшие мимо и меняющиеся, как в кино, пейзажи.

С опаской свернули на ещё не укатанную дорогу к деревне. Она была выровнена, не так, как хотелось бы, но ехать было можно. Миновав первые строения села, остановились у знакомого дома Г. Богдаева, но опять нас встретили только собаки. По безлюдной улице, распугивая индюков и гусей, подкатили к воротам Серовых. Анна сразу повела нас в комнату хвастать купленной недавно обновой. На столе возле дивана красовался монитор.

– Вот на старости лет решила осваивать новые технологии, трудно, конечно, но, надеюсь, справлюсь. В цирке вон медведей на мотоциклах обучают кататься, а я-то существо разумное.

Полюбовавшись компьютером, вышли на свежий воздух. Я спросил у Петра о названии горы, которая отсюда была видна, как на ладони, и

коротко рассказал о художнике Василии Петрове, который запечатлел её два века назад. Хозяин пообещал посмотреть в лесничестве карту и сказать точное название.

Мне же не терпелось поскорее приблизиться к желанной вершине, хорошенько рассмотреть и сфотографировать её. Пётр указал нам направление, где можно проехать к нужному месту. Сев в машину, мы через несколько минут оказались на берегу Быструхи. Речка ближе к устью стала солидным потоком. Не обращая внимания на крики стоявшей на противоположном берегу женщины, мы въехали в казавшееся мелким русло, и осознали ошибку, почувствовав, что наши ноги заливают вода. «Мазда» неожиданно остановилась на самом стрежне. С трудом задним ходом Сергей вырулил на место, откуда начали переправу. Минут пятнадцать ушло, чтоб вычерпать воду с днища. Обдумав ситуацию, решили, что Сергей отгонит изделие японского автопрома назад к дому Серовых, догонит нас, и пойдём дальше пешком. Пока племянник отсутствовал, я, посадив внучку на закорки и взяв пакеты с едой, перебрёл доходящую до колен речку. Алисе до того понравилось это приключение, что она продекламировала: «Внучка ехала на деде...». Настя последовала за нами. С крутого противоположного берега мы наблюдали, как Сергей, разувшись и взяв в руки обувь и удочки, балансируя на скользких камнях, переходит быстрый поток.

За деревней по тёплой грунтовой дороге мы зашагали к берегу Убы, за которой возвышалась заветная острая вершина. На болотцах высились стебли рогоза с цилиндрическими коричневыми цветами. Я вспомнил, что где-то рядом, в забоке, был у нас сенокос. Дед Леонтий где-то достал мне маленькую литовочку и, встав сзади, за день научил меня косить. Не высказать гордость, когда меня поставили в общий ряд косцов и шутливо подгоняли сзади: «Давай не задерживай народ, а то каблучки подрежем!». Было это, когда мне исполнилось лет семь или восемь. С тех пор сенокосная страда стала для меня любимой крестьянской работой. После гребли и собирания сена в копны отец ставил меня вершить стога. Это была очень ответственная работа – стог или скирду нужно сложить так, чтоб осенние дожди не попадали внутрь, иначе влажное сено начнёт гнить или, как говорят, «гореть». Мне приходилось быть свидетелем, когда за короткое время превращались в труху недобросовестно завершённые многотонные скирды. Мою работу, слава Богу, миновала такая участь. Из всей многолетней сенокосной эпопеи мне почему-то запомнился один случай. Завершался последний день заготовки сена, отец внизу собирал остатки сухой травы, чтоб подать их мне. Потом он срубил в ближнем тальнике вицы, я свяжу их на стогу, и работа будет закончена. Сверху открывались такие пейзажи, что, засмотревшись на них, я непроизвольно завёл за спину ручку граблей и наступил на штыри. Нетрудно представить, какой полёт мне пришлось совершить. Не успев ничего понять, очутился на земле. Меня окружили испуганные взрослые, но силён, видно, был мой ангел-хранитель, несмотря на приличную высоту полёта, на мне не было ни шишки, ни царапины. Вскоре, воткнув в стог пару вил, отец с шутками подсаживал меня доделывать неоконченную работу.

Мои спутники со смехом выслушали воспоминание, особенно весело

было внучке, представившей деда большой бородатой птицей.

Вглядываясь в приближающуюся вершину, я размышлял, почему художник выбрал для рисунка именно эту гору, ведь рядом красовались более могучие и высокие пики Линейского хребта. В общем-то, одной цели из намеченных на сегодня мы уже достигли, где-то примерно с этого места живописец работал над своей картиной. На обратном пути постараюсь, насколько это возможно, сделать похожую на рисунок фотографию. А впереди сверкала и шумела Уба, перейдя несколько мелких протоков, мы оказались на её берегу. Он был сплошь покрыт вылизанной водой галькой, сдобренной круглыми валунами. Место это напомнило мне о том, что в пору моего детства на противоположном берегу находилось отделение Попереченского колхоза с оригинальным названием «Зауба». Там, на его лугах, в должности копновоза я заработал первые в своей жизни пять рублей, на которые купил потом консервы «Печень трески» и кучу конфет для братьев и сестры. Со стороны бывшего отделения подъехал колёсный трактор и без труда преодолел реку, которая после слияния с Быструхой стала намного полноводней. Когда-то на этом месте почти ежегодно возводили мост. Строили ромбовидные срубы, заполняли их камнями, а сверху укладывали бревенчатый настил, но это, казалось бы, вечное сооружение часто смывала непредсказуемая весной Уба. Теперь не осталось и следа от бывшей переправы.

Собрав достаточное количество плавника и валежника, я стал разводить костёр, а Сергей, как и положено заядлому рыбаку, собрал невероятной длины удочку и ушёл вниз по реке в надежде поймать заветного хариуса. Мы порылись в пакетах с провизией, и вскоре на шампурах из краснотала задымились куски колбасы. Утолив голод и жажду, Настя с Алисой выложили себе лежанки из плоских, нагретых солнцем камней, и улеглись загорать. Я сел на уступ, бывший весной берегом разлившейся реки, и сквозь ресницы наблюдал, как пара коршунов, изредка покрикивая пронзительными голосами, кружила над местом нашего пиршества. Внезапно одна из птиц камнем рухнула вниз и, схватив консервную банку, хотела унести с собой, но, не рассчитав своих сил, в нескольких метрах уронила. Пришлось придавить еду крупными валунами, Сергей-то придёт с рыбалки проголодавшимся. Вскоре внучке надоело загорать и наблюдать, как подвыпившие молодые мужчины и женщины, забыв о предупреждении пророка Илии, что в конце лета купаться грех, выходили на стрежень и, отдавшись на волю волн, плыли до переката. Потом снова по берегу поднимались вверх, и так бы продолжалось до бесконечности, если б кто-то из них не поранился о камни.

– Дед, научи меня рыбачить, – попросила внучка, и мы пошли на одну из протоков, в которой видели стайки пугливых мальков. Вспомнив свои детские опыты, осторожно приподнял несколько позеленевших от тины камней: как я и предполагал, под ними скрывались голяны и большеголовые бычки. Когда-то в Алисином возрасте все мы были заядлыми рыбаками и в ходу нас шли не только удочки, но и тюлевые занавески, а вилки в столовых приборах напоминали закрученные в разные стороны штопоры. Не помогали никакие нагоняи от родителей, очень уж было удобно такой

мини-острой накальвать достигающих двадцати сантиметров гольянов. После удачной рыбалки, выпотрошив рыбёшек, мы жарили их на большой сковороде, залив яйцами. И никто мне не докажет, что осётр или сёмга вкуснее той пойманной и приготовленной своими руками еды.

Вспомнив полузабытые навыки, после многих неудач я всё-таки поймал голыми руками неуклюжего бычка и торжественно вручил его внучке, та, насладившись ощущением живой рыбки, выпустила её из ладошек в воду. Ещё несколько раз ловил я головастиков и давал в руки Алисе, пока ей не надоела эта забава, и она опять ушла загорать к Насте. Улёгшись на душистую береговую траву, я снова предался воспоминаниям. Семь лет назад на месте, где мы сейчас находились, состоялась последняя встреча с Юрием Васильевичем Антроповым. По его просьбе мы с Равилем и Русланом Хисамовыми привезли его с женой Галиной Петровной на этот берег. Слабый от болезни земляк, несмотря ни на что, как ребёнок восхищался окружающей красотой. Долго с любовью смотрел на вершины белков, словно навсегда хотел их запечатлеть в своей душе, делился планами на будущее. Грустно, конечно, что вскоре после этого писателя не стало, но такова наша жизнь. Главное теперь сохранить память об этом незаурядном человеке. Все мы, живущие на земле, связаны друг с другом невидимыми нитями, наши судьбы похожи и непохожи, они предначертаны нам свыше и никто не вправе судить о промысле Господнем.

От раздумий меня отвлекло появление мокрого по пояс Сергея. Как он объяснил, хариус никак не хотел клевать на мушку. Наскоро перекусив, он снова направился на рыбалку, теперь вверх по реке. Через некоторое время он вернулся, немного раздосадованный неудачной ловлей. Одно успокаивало – проходящие мимо рыбаки тоже не могли похвастать успехом. Склонявшееся к Буранихе солнце напоминало о том, что нужно возвращаться домой. Собрав вещи, пошли знакомой дорогой. Перед деревней я поднялся на пригорок, с которого, вернее всего, рисовал картину Василий Петров, и сделал несколько снимков, по памяти сравнивая акварель с раскинувшимся передо мной нерукотворным пейзажем.

Перейдя в обратном направлении Быструху, вскоре были уже у дома Серовых. Анна, увидев нас, радостно засуетилась и позвала в избу пить чай. За разговорами она вдруг вспомнила:

– Недавно ко мне приходила Люба Гилёва, мы с первого класса учились вместе, не забыл?

Как же мне забыть нашу первую любовь. Трое друзей Колька Шмаков, Юрка Колтаков и я были долго в неё влюблены. Такая любовь предполагала непримиримое соперничество, однако проблема была решена мудро – Юрка предложил:

– А давайте так, когда вырастем, кто-то из нас женится на Любе и поживёт, а потом и другие по очереди будут жениться.

Вот так тогда были сохранены и дружба, и любовь. А у меня сейчас оставалась надежда в один из следующих приездов встретить виновницу моего первого чувства.

Поблагодарив хозяев за угощение, погрузились в машину. Снова остановились у дома Геннадия Богдаева, он уже поджидал нас у ворот.

Первым делом я спросил его о названии вершины, интересующей нас, он, не долго думая, ответил:

– Это Секисовский Остряк. Можете не сомневаться, я когда-то, работая геологом, исходил все эти горы и пересмотрел все карты здешних мест. Оказывается, скалистый пик был назван так в честь поселья, процветавшего когда-то на его противоположном склоне. Двигаясь от устья вверх по Убе, первопроходцы приносили в эти края дорогие для них названия, почему и появилось на Алтае множество Берёзовок, Таловок, Бобровок и Секисовок.

С сознанием выполненного долга я мог возвращаться в Риддер. Попрощавшись с Геннадием, мы покатали домой. Выехав на трассу Риддер – Алтай, заворожённые красотой окружающих пейзажей, мы не могли не сфотографироваться на фоне самой высокой вершины этой части Алтая – Вышеивановского Белка. Я спросил у внучки, понравилась ли ей моя родина? Она посмотрела на меня сквозь пушистые ресницы счастливыми глазами. А для старика большое дело подарить радость ребёнку.

Через некоторое время, отпечатав фотографии, я принёс их Михаилу Немцеву и сообщил ему, что гора называется Секисовский Остряк. Тот сразу загорелся идеей напечатать в книге картину позапрошлого века и современную фотографию. Поддержал эту задумку и Олег Шишкин – автор нескольких обложек для книг Михаила. В этом человеке счастливо сочетаются талант художника и мастерство оператора компьютера. Я и сам понимал, насколько будет к месту в книге такое сопоставление, и пообещал в ближайшее время ещё раз съездить в Поперечное и добиться, чтоб картина и снимок идеально совпали. Взяв у Олега распечатку с акварелью, позвонил племяннику в надежде, что он ещё раз согласится прокатиться со мной в деревню. Сергей, конечно, не отказал, рабочий день у него заканчивался в два часа, и у нас было достаточно времени, чтоб найти место, с которого рисовал картину художник Кольвано-Воскресенских рудников. Время поджимало, поэтому решили не заезжать ни к кому в гости. На пустынной улице встретили молодую женщину-казашку с коляской. На вопрос, где лучше переехать через Быструху, она ответила:

– Мост рядом, если свернёте в этот переулочек, только навряд ли вы по нему проедете.

Подкатали к сооружению из бетонных плит, переброшенных через речку. Когда-то по нему, конечно, переправлялись машины, но теперь он не годился в эксплуатацию. Решили оставить автомобиль на этом берегу и двигаться на своих двоих. За время, прошедшее с последней поездки, листва на деревьях и травы пожухли, а вершины Ивановского хребта покрыл снег, от чего они стали ещё более величественными. Решили повыше подняться на пригорок Николайчихи, чтоб потом, спускаясь и фотографируя, найти точку, с которой Петров увидел заинтересовавший его сюжет. Пройдя мимо окружённых стогами домов, стали взбираться по склону. Возле куртинки тальника остановились отдышаться. Заросли кустарника окружали неглубокий овраг, в котором бежал ручей, уже покрытый корочкой льда. И вдруг тревожное чувство охватило мне душу. Оглядевшись, я осознал, что на этом месте лет шестьдесят назад стояла изба, в которой

я появился на свет. Может быть потому, что прожили мы в этом доме не больше года, в моей памяти не осталось осознанных воспоминаний о том времени и не тянуло меня на место своего рождения. Хотя всегда, приезжая в село издалека, показываю друзьям место на горе, где родился. Попробовали поискать с Сергеем какие-то остатки фундамента, но время и копыта коров стёрли с земли все отметины о кипевшей когда-то здесь жизни. Решили следующим летом приехать и поискать более основательно. А пока поблагодарили Василия Петрова и пожелали ему царствия небесного за то, что сподобил нас побывать на месте моего появления на свет Божий.

Стали спускаться по направлению к Убе, с разных мест фотографируя Секисовский Остряк. Я представил, насколько было бы сложнее найти нужный ракурс, имея в руках плёночную камеру. Цифровой аппарат намного упрощал поиск.

Сделав снимок, можно было сколько угодно рассматривать его на экранчике, сравнивая с картиной, определяя точку, с которой нужно предпринять следующую попытку. Исходив зигзагами не одну сотню метров, мы всё-таки нашли место, на котором Василий Петров двести восемь лет назад поставил свой этюдник. Изображение на дисплее камеры и на распечатке идеально совпадали. Мне подумалось, что клочок земли, на котором мы стояли, стал трамплином для будущего академика. Я ещё раз посмотрел на пейзаж, открывшийся перед нами: слева матёрая Бураниха, Секисовский Остряк в центре и усыпанная каменными утесами Скаляниха справа, вид завораживал девственной красотой, от него веяло космическим спокойствием и умиротворением. Пришло понимание, почему художник выбрал именно этот фрагмент окружающего его мира.

Думая, что больше ничего интересного не попадётся, я спрятал камеру в футляр, но на подходе к околице меня поразила величественная панорама. На фоне покрытых первым снегом поднебесных гор высились свежённые в одно место стога сена. И так они хорошо сочетались друг с другом, что в голове сразу родилось название будущей фотографии «Божье и человеческое». Запечатлев очаровавшую меня картину, я догнал племянника и пошёл рядом с ним, размышляя о неосознанном стремлении человека в подражании Создателю. Ведь и картина художника, и скульптура ваятеля, да и любая сделанная от души работа – всё это слабое отражение того, что было создано при сотворении мира. Не потому ли мы стремимся на место, где родились, впервые испытали муки творчества и познали вечную любовь к природе.

Солнце спряталось за горы, когда мы отправились в обратный путь. Мою душу переполняло ликование от понимания, что родная земля, на которой родился, помогала мне в моих поездках, встречах и воспоминаниях, которые преследовали меня всё прошедшее лето. Оставайся прекрасной, моя родина, а я буду счастлив, зная, что мне есть куда приехать, чтоб развеять печаль души.

г. Риддер

Восточно-Казахстанской области.

Николай ШМИГАЛЁВ

ПОЧТИ КАК ТРИ БОГАТЫРЯ

Волшебно-приключенческая сказка

*Коли перевелись в родном отечестве богатыри,
их следует... назначить.*

Вместо предисловия

Пользуясь случаем, спешу засвидетельствовать моё почтение красным девицам и добрым молодцам, а также передаю низкий поклон сударям и сударыням, пламенный салют уважаемым леди и достопочтенным джентльменам, бонжур мадамам и виват господам месьям, привет остальным синьорам и синьоритам, и всем, кто с ними заодно.

Если вам посчастливилось столкнуться с этой, откровенно говоря, повестью разновременных лет, то, перед тем как вы начнёте с упоением её читать, давайте-ка «не отходя от кассы» сразу расставим все точки над «Ё». Под этими пресловутыми «точками» я подразумеваю следующее: лучше здесь и сейчас определитесь (чтобы потом не было мучительно больно за нецелевую растрату вашего драгоценного времени), чего вы хотите получить от прочтения. Может быть, вам действительно лучше не рисковать и почитать что-нибудь иное. К примеру, если вы целенаправленно изъявили желание пощекотать свои и так расшатанные нервы – лучше почитайте жёлтую прессу с всякими шокирующими «сенсациями»; если есть необходимость в том, чтобы гарантированно стошнило (допустим, по каким-либо медицинским показаниям или после молодецкой забавы) – вдумчиво (и это обязательное условие) полистайте пухленький гламурный «глянец»; нестерпимо потянуло к вечному – достаньте с пыльных антресолей фундаментальный труд классика («Войну и мир», например, вечно её никто не дочитывает до конца); неожиданно для себя соскучились по прекрасному – откройте поэтический томик с вдохновенной лирикой; просто надо убить приличный отрезок времени – кроссворд (как вариант: сканворд, чайнворд или sudoku), лучший помощник в этом небезопасном деле. А если вам и так тошно, ни к чему не тянет, нет никакого желания, вы ни по чему не скучаете и чувствуете, что время само медленно, но верно убивает вас, значит вы по адресу, значит пришла пора дать достойный ответ вашей нешуточной депрессии.

Нет депрессии? Не огорчайтесь! Эта повесть показана при любом душевном состоянии.

Жизнь прекрасна, с этим согласны все и даже те, кто считает, что жизнь всего-навсего чудесна, но в ней, непонятно откуда, всегда столько всякого негатива, столько, что даже закалённые чужими неурядицами семейные психологи порой без видимых причин внезапно «съезжают с катушек». А вот именно для того чтобы успешно противостоять многочисленным нынешним переживаниям и стрессам, неплохо было бы

взглянуть на нашу серую обыденность под иным ракурсом и, параллельно, прошвырнуться по «местам боевой славы», то бишь хоть на несколько минут окунуться в тот мир, когда «деревья были большими», каждый день был полон удивительных открытий, а перед сном, после кружки парного (стакана пастеризованного, бокала стерилизованного) молока, мы отправлялись в путешествия по безграничным сказочным королевствам. Здесь, кто ещё не уловил тонкого намёка, имеется в виду наше безоблачное детство – время, когда герои сказок частенько оживали в наших ещё далеко не эротических, и, зачастую, не радужных снах, помогая справляться нам с самыми скверными монстрами наших сновидений. Правда, в этой истории, где, кстати, каждое королевство и герцогство уже имеет не только свои юридически оформленные границы, но и стойких бравых пограничников, герои, как и мы, «повзрослели», стали немного циничными, деловыми, но где-то глубоко-глубоко в душе остались теми же бесшабашными наивными детьми.

Не спору, может быть, эта тёмная история покажется кому-нибудь чересчур «сказочной», если не сказать большего, но не забывайте, что давным-давно один очень старый и, несмотря ни на что, мудрый человек, совершенно точно подметил приблизительно следующее: сказка – она того, истинная ложь, основанная на сюрреальных событиях, и в ней, ко всему прочему, завсегда кроется некий ненавязчивый урок – всем, без исключения, добрым молодцам «шпаргалка», всем красным девицам, если не ошибаюсь, благопристойный намёк или что-то в этом духе.

Да, и давайте сразу договоримся: в процессе чтения не будем искать никаких ассоциаций, намёков и полунамёков, параллелей, совпадений, скрытого смысла, двояких толкований, схожести имён и событий, над- и подтекста, двусмысленностей и т.д. и т.п. Не надо, не ищите. Они сами найдут вас. Поэтому рекомендую по возможности отключить аналитическую составляющую мозга (я имею в виду его левое, нет, правое, секундочку, гляну в медсправочнике... а нет, всё правильно, левое полушарие), а с ним и все имеющиеся чувства, кроме чувства юмора, а вместо этого выставить на максимум чакры, отвечающие за ваше дикое воображение.

А вообще, между нами говоря, если безжалостно вырвать с корнем, суффиксом и приставкой из этого неоклассического произведения всякую аллегорическую выдумку, перифраз, откровенное враньё, сомнительные исторические события, тщательно закамуфлированный плагиат, колючий сарказм, грустную иронию и чёрный юмор, то в нём практически ничего не останется кроме занудной нравоучительной истории о вечных, никому, кроме нас с вами, не нужных ценностях: любви, дружбе, чести, долге.

И последнее. Хочу сделать официальное заявление: кто бы там что по ходу повести ни говорил, лично я за неформативную лексику, заумные цитаты и крамольные реплики, использованные героями и злодеями сказки, как любое уважающее себя физическое лицо, юридической ответственности не несу и нести никуда не собираюсь, все же случайные совпадения здесь абсолютно закономерны, а закономерные, соответственно, совершенно случайны.

Надеюсь, не утомил, нет?

Отлично! Если вы добрались до этого вопроса, значит, с уверенностью можно заявить, что у вас крепкие нервы и высокая сила духа, а это, в свою очередь, означает, что у вас появился отличный шанс потратить небольшой промежуток своей единственной и неповторимой жизни на то, чтобы с нескрываемым удовольствием погрузиться в мир буйной фантазии, от корочки до корочки прочитать сказку, и, уж поверьте моему честному слову, это того стоит.

1 часть: Про то как «заваривалась каша»

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были как-то старик со старухой. Хотя нет, слишком неопределённо, да и про царя с царицей так говорить неприлично, ну и волшеббно-приключенческие сказки излагаются несколько иначе...

Вот так, например.

Давно это было. Так давно, что и представить трудно. А придётся.

В те стародавние времена, когда колорадские жуки только-только начинали выгрызать одноимённый каньон, а в зоне вечной мерзлоты нет-нет да и попадались ещё первобытно-общинным оленеводам депрессивные мамонты, саблезубые тигры и неадекватные реликтовые ленивцы, а в тридевятиом (по уровню жизни) царстве, в тридесятиом (по количеству ВВП на душу населения) государстве уже торжественно занимал пост «гаранта конституции» государь по имени Владибор (что означает – владеющий определённой, в основном заросшей лесом, территорией земли, в простонародье – наследный президент 1/6 части суши), по отчеству Ильич (чувствуете, да, корни Муромские?), а по прозвищу – Ясно-Понятно Солнышко. Сам-то царь Владибор Ильич и не подозревал про своё прозвище народное, коим его подопечный электорат, несмотря на постоянную заботу государя о нём, без зазрения совести, стыда и элементарного уважения к монарху нарёк. А всё из-за благоверной супруги государя – Надежды, по прозвищу Крупной. Ну, тут и к волхвам-друидам не ходи, издалека видно, откуда такое прозвище – от массы её тела, помноженного на объём. Крупная женщина была, и всё тут. И что бы она ни возжелала, на все её неординарные, мягко говоря, капризы только и вздыхал царь Владибор: «Ясно-понятно, солнышко, быть по сему».

Во-от!

Ну, значит, жили они, поживали дружно вместе с вышеуказанным подопечным народом. Друг дружке хлопот особых вроде бы не доставляли, а кое-где даже и веселились сообща. Так, бывало, царь с августейшей супругой в гости к народу пожалуют, поглядеть, кому окромя их на земле родимой хорошо живётся. А всезнающие воеводы да бояре заранее среди народа рассредоточатся и щекочут того: кому пятки, кому подмышки, а кому и нервишки. Народ-то и не хочет смеяться, а деваться некуда, хохочет до слёз, воеводу-то не отгонишь аки муху назойливую и как занудливого комара боярина не прихлопнешь, они, если что не так, опосля с дружинами своими вернутся с обидчика спрашивать. А кому эти «тёрки-разборки»

надобны? Никому не надобны. Вот и лыбятся люди добрые, подобру-поздорову.

Посмотрит царь, как его народ весело живёт, и не менее радостный и умиротворённый возвращается в покои царственные. А вдругорядь уже к нему ходоки-парламентёры, от народных масс отряженные, пожалуют с жалобой ли челобитной, али с поклоном-просьбою, а как увидят необыкновенные хоромы государевы, так и забывают, зачем, собственно, приходили. А воеводы с боярами их не прогоняют, за сущие гроши экскурсию им устроят, поведут гостеприимно по палатам, покажут, где белоснежные мраморисовые нужники басурманского производства установлены, где джакузии окаянные, размером с баскетбольную площадку, пузырятся, да и к фонтанам немислимым аквапарка государева отведут, чтобы окончательно оных охмурить, а потом ошеломлённых ходоков и к царю препроводят, ежели тот более государственными делами не занят. Ходоки потопчутся-потопчутся, похихикают нервно в кулак, облобызают преданно рученьки царёвы да спешат сломя голову из хором беломраморных. А другим рассказать бояться про всякую невидаль заморскую, во дворце виденную, дабы не попасть за «малохольство» на учёт к лекарям-аптекарям, что в специализированном остроге душевнобольных лечивают шиловой терапией.

Так и жили государь с челядью и народ евонный. Жили, не тужили.

Иллюзия... тьфу ты, идиллия, другого слова не подберёшь.

Всё бы ничего, только вскоре серьёзная оказия с ними приключилась. Со стороны болот гиблых, из-за дебрей непролазных да из-за гор верхолазных явилось к ним, хоть и запылилось, Чудо-Юдо страшное и совершенно дурнопахнущее. Зато как омылось оно чудище без элементарного, с позволения сказать, разрешения в джакузии пузырястой от пыли да да грязи болотной, пригладило да уложило свою шерсть (хотя некоторые очевидцы утверждают, что у него просто борода такая, по всему телу расположенная), что в дебрях да в горах взъерошилась, так и увидели все, что не Чудо-Юдо это вовсе, а Лихо-Одноглазое, в отличии от других «лихачей», белое и пушистое, но и не Циклоид, а нечто ещё крупнее и совершенно иное внешностью.

Попытались отважные, до поры до времени, воеводы со своими не менее бесстрашными ратниками да дружинниками, на бой-баталии тренированными, отогнать Лихо от джакузий государевых, да только расшвирили оно, разнервировали и схлопотали от последнего по число, да по первое, да по полной программе.

Когда увидел государь, что Лихо не так-то просто «попросить выйти» и числом и умением, приуныл слегка, а Лихо знай себе полощется в джакузиях, лопочет что-то непонятное, видно, песню задушевную затянуло. А тут супруга государева Надежда, как специально, в самый разгар острого сюжета вышла из опочивальни, потянулась со сна и, узрев сию неприглядную картину, так смачно выразила своё недовольство сложившейся ситуацией, что и воеводы, места свои ушибленные потиравшие, рты разинули, и бояре дрожать от страха перестали, и царь забыл промямлить «яснопонятно, солнышко», что было совсем уж нетипично, и даже Лихо, прекратив бубнить, открыло свой глаз огромный и, поведя им по сторонам, узрело

хозяйку короткого, но весьма насыщенного восклицательными предложениями монолога.

Непонятно, какими такими чувствами руководствовалось Лихо, может, красноречием нешаблонным, может, голосом визгливо-ласковым, только улыбнулось оно нежно, оскалив клыки бивнеподобные, и, схватив государыню за талию (хотя уместней будет сказать – за «экватор» телесный), в несколько скачков скрылось в том направлении, откуда прежде объявилось, оставив на память о себе запачканные джакузии, развороченные фонтаны да потоптанные садово-огородные плантации царские, а на память о царице корону погнутую, что с головы её слетела, покуда размахивало ею Лихо, прикидывая «на глазок» удельный вес последней.

Тут бы возрадоваться царю (как весь его двор уже мысленно поспешил сделать), что так лихо и скоротечно избавились и от Лиха-Одноглазого, царицей откупившись, и от царицы капризной, агницей жертвенной (вечная ей память) в итоге обернувшейся. Ан нет! Пригорюнился царь, приуныл почему-то. Челядь подумала, что по джакузиям да фонтанам скорбит Владибор Ильич, быстро всё в порядок привела, ещё и шарами праздничными оформила, да к пиру подготовку начала. А царь и не смотрит на шарики разноцветные, радужные струи и пузырьчатые бассейны, а переводит взгляд свой тоскующий то на палача, то на бояр с воеводами, и всё по государыне вздыхает.

Видят дворовые, неладное с царём-батюшкой творится, совсем худо ему, в таком унынии он прежде никогда не бывал, даже с похмелья пиргоройского таким сумрачным не припоминал его никто. А как его хандра может на них отразиться, даже думать никто не хочет, оттого что головы на плечах другими думами заняты.

Подумали, значит, придворные, поразмышляли ещё немного, поломали головы да смекнули, наконец, что никак по августейшей супружнице скорбит царь-батюшка. Эка невидаль государю новую невесту оформить, мысленно ухмыльнулись придворные и мигом преподнесли самодержцу несколько резюме принцесс-царевен-герцогинь в безвозмездное владение. К слову сказать, резюме те были с эротохабными портретами девиц, с волшебсайта знакомств Бабы-Ягодки, которые бояре прежде у себя под одеялками рассматривали, мечтая, втайне друг от дружки, хоть разок на какой-нибудь пожениться, посему, уверенно считали они, царь в один миг забудет про Надежду, а изберёт себе гораздо более другую царицу. Вот, например, Зульфию Шамаханскую, Пенелопес Грекоримскую или, на совсем уж худой конец, Эвелизу Ричардовну, княгиню Берелевскую.

Однако глянул государь Владибор на картинки скабрёзные, пробежался мельком по тексту с параметрами девичьими и пуще затужил. Ему, пожилому, ведь не титьки пустоголовые нужны были, а душа родственная, вновь догадались бояре с воеводами и, хлопнув себя по лбу, тоже пригорюнились. Знали – у государя одна «душа» – Надежда, она – и «компас его земной», и, при удачном стечении обстоятельств, та самая «награда за смелость».

А где её, царицу, нынче искать, не ведал никто из придворных. Но сидеть, положив руки на сердце, на почки, на печень (в общем, у кого что

болит), боярам да воеводам тоже не пристало. Делать что-то надо. Ведь ежели без царицы государь-батюшка занеможет, захворает, зачахнет и скоропостижно умрёт от тоски, то царство-государство безотцовщиной останется да по миру пойдёт. Наследников у него нет, завещание суеверным государём до сих пор не написано. А это что значит? Верно! Ведь, как пить дать, перегрызёмся за власть, перебьём друг дружку, угрюмо думали придворные, искоса поглядывая на золочёный трон, да и народ за время смуты распоясаться может, тоже аспект немаловажный. Так кто виноват и что же делать, искали ответ на исконные сакраментальные вопросы в своих головах придворные и додумались-таки до того, что оба вопроса у них слились воедино – кого виноватым сделать? А тут и царь из думы горькой, почти даже государственной, вышел ненадолго и задал тот же вопрос, только совершенно другими словами:

– Азм есмъ кесарь, али не кесарь эгидодержавный?! Инда допрежь аки паки негоже намо троноправити, ибо быху во намо лютозвереху проснути, земляху во кровути утопиху. Азмо велимо понежу, али не добже азм боги веде глаголю добре есмъ живот зело земля иже инить гервь како людие мыслито наш он покою рцы слове твирдо ци шта ёта ять?

Ничего не понявший из сказанного царём, но нутром прочухавший, что речь не поздравительная, боярско-воеводский люд сидел чинно, не шелохнувшись, опасаясь нарваться на более крупные неприятности. Видя, что никто из близкого окружения ничегошеньки не понимает на древневелеречавском наречии, удручённый Владибор перешёл на упрощённый язык межнационального, межклассового и меж так далее общения.

– Ну что, слуги мои верные, притихли несвоевременно и глядите, словно впервой видите? – поинтересовался самодержец, мрачно оглядев сидевших на скамьях бояр да воевод, и вновь кинул клич в массы. – Кто из вас, мужики, готов храбро броситься вослед супостату великорослому да в смертном бою отбить у оного разлучника царицу, мать вашу? А-а?

Замолк государь в ожидании ответа, а в ответ... такая тишина, словно уже никто не вернулся из боя.

Мужики в поле пашут, дружно подумали придворные, недовольные подобным обращением («слуги»-то уху привычней слышать), но вслух никто не решился обмолвиться, вдруг его и пошлют за «супостатом». Зато опосля вопроса царского все бояре с воеводами дружно занялись внезапно возникшими делами: кому срочно в носу поковыряться приспичило, кому в ухе (мол, обожди, государь, чего-то со слухом не то), более культурные начали сморкаться в батистовые платочки, лишь бы не встретиться с внимательным взглядом государевым, и только боярин Годунович (вот же чувствительный человек) решительно обратился к царю с низким поклоном.

– А можно выйти? – зажимая нос пальцами, испросил он разрешения у Владибора Ильича. От событий последних, включающих и речь государеву, так худо стало бедолаге, что у него поднялось давление и кровь носом пошла.

Отпустил его царь восвояси и ещё раз окинул взглядом свою челядь, но больше ничей взгляд так и не споймал. Спички жеребьёвочные же не стал заставляя тянуть оных, справедливо предположил, коли по доброй

воле не решились, силком от них толку ещё меньше будет. Озадачился государь и задумал, как время будет, пересмотреть свою кадровую политику, провести аттестацию и ротацию с регионами. А пока решил стариной тряхнуть.

– Эх, вы! – поднялся государь с трона золочёного, сжимая скипетр-батюшку и державу-матушку. – Неужто не осталось среди вас отчаянных героев?! – зыркнул он в первую очередь на заслуженных воевод. Те же, уже схлопотавшие от «супостата», только растерянно развели руками, мол, нет, не осталось ни героев, ни желания. – Али не я государство наше сколачивал, ночи недосыпал? – пытался пристыдить царь своих «слуг верных». Те только криво мысленно ухмылялись, мол, уж точно не ты. – Али не батя мой, Илья-богатырь, полный кавалер былинных наград, пядь за пядью расширял уделы родины нашей? – напомнил царь «преданье старины недавней».

Бояре с воеводами дружно закивали, соглашаясь, мол, тут да, Илья-богатырь человек авторитетный, его заслуги у всех на виду.

– Эх-ма! – молодецки взмахнул скипетром Владибор Ильич, словно булавой богатырской. Революцию бы затеять, как раз ситуация подходящая – верхи хотят, низы не могут, боятся – да уже сам не первое лето на троне, свергать некого. Али для науки бороды боярам да воеводам поотрубать всем поголовно (экое страшное словосочетание в государевой-то голове оформилось).

Да, согласен, немного остыл в своей горькой думе царь, бороды рубить – это вообще беспредел для отморожков, лучше уж революцию. Ну а про неё, родимую, государь уже думал чуть раньше и понимал, что с революцией тоже ничего не выйдет, но всё же, как говорится, «туфлём постучать по трибуне» самодержец не преминул – высказаться решил по полной, по кузькиной.

– Дак доколе нас, царя-государя эгидодержавного, во всех державах иностранных, да и свой люд, пьяницей алкозависимым да лентьем расточительным считать будут? Вот займусь дзюдо, вольной борьбой или вообще на горные лыжи запишусь, буду к Людовику Надцатому на горно-обогатительные курорты ездить, слалом осваивать, – пафосно, правда, не совсем в тему, выпалил государь и тут же поправился: – Но эти дела подождут, а сейчас подайте мне мово богатырского коня, Макроцефала, доспехи мои парадно-выходные с орденами и планками, я сам отправляюсь за матушкой вашей, Надюшенькой-царицей! – вновь взмахнул государь скипетром, но в этот очередной раз что-то стрельнуло у него в поясице, и царь с пронзительным стоном повалился на трон.

Трон со стонущим царём моментально окружила ватага озабоченно возбуждённых вельмож.

– Не бережёшь ты себя, царь-батюшка, хорохоришься всё, – с тугой повязкой на носу суетился рядом с самодержцем вовремя обернувшийся туда-обратно боярин Годунович. – В твои-то годы так скипетром махать неосмотрительно. Благо, что ещё державу отжимать от груди не стал, мог ведь растяжение связок и сухожилий схлопотать на ровном месте.

– Так с вами, дармоедами, по-другому никак, – слабо просипел царь,

поправив сползшую на лоб корону. – Вы же ни делом, ни словом подсобить в критической ситуации не способны, только празднества устраивать да ягодицы наши августейшие лобызать горазды.

– Без этого никак, не нами ритуал установлен, – не смутился боярин Годунович, подкладывая подушку царю под локоток. – Но и словом, то бишь своевременным советом, помочь можем. Мне тут идея светлая на ум пришла.

– Озвучь-ка! – вперил государь тяжёлый взгляд в боярина. Кажется, он уже предварительно наметил себе кандидатуру «виноватого». – Только гляди, Годунович, не огорчи меня! Если что, пеняй на себя!

– Ладно! – сглотнул боярин, орошая вмиг пересохшее горло, и, взяв себя в руки, поделился с царём своей «светлой идеей». – Я что разумею, государь? Ежели у нас в стране нынче наблюдается кризис на собственных героев богатырственных и богатырей героических, то можно не заморачиваться, не посылать глашатаев по деревням и весям, а запросто заказать оного за рубежом. У тамошних киллеров – по-иноземному героев, и такса на любые услуги установлена, и расценки, судя по прайс-листам, вполне нашему бюджету государственному по плечу. Если хочешь, милостивый государь, можно с ними через Бабу-Ягодку связаться, обговорить условия и заключить двусторонний обоюдовыгодный контракт с наиболее приоритетным киллер-богатырём. Как вам такой план?

Владибор Ильич не обратил почему-то внимания на то, откуда такая осведомлённость в вопросах, касающихся иноземных киллеров, и зачем она вообще понадобилась его боярину, а задумался ненадолго над словосочетанием «обоюдовыгодный контракт», взвешивая всевозможные «за» и «против», и единственный вывод, который он из всего этого извлёк, что на отечественном безрыбье и заморский рак – желанный рыбак.

– Быть по сему! Я к Бабе-Ягодке ездок! – провозгласил царь и, преодолевая боль в пояснице, поднялся с престола. – Карету мне, ох-охонюшки, карету!

Не успел царь и глазом моргнуть, как к главному входу подали карету, точнее, солидный кортеж из карет, в количестве трёх единиц. Путь царю предстоял недалёкий, но крайне непредсказуемый. Ведьма с псевдонимом Баба-Ягодка проживала на территории заповедной резервации «Черноборье» – заросшей лесом пересечённой местности в несколько гектаров, которую соответствующим указом, имеющим силу закона, основал приснопокойный батя нынешнего государя, легендарный Илья – разрушитель стереотипов. Устав «без выходных и праздничных» громить нечисть, донимавшую простой люд, а может, что маловероятно, сжалившись над ней, богатырь, таким образом, нашёл компромисс между простыми людьми и разного рода тёмными личностями: лешими, магами-колдунами, упырями, ведьмами, оборотнями, соловьями-разбойниками, стадами воинственных кентавров и косяками русалок, водяными и бездомными домовыми, подколодниками и подкаблучниками, солоmnиками и боровчакками, дупляками и кротовушниками, болотниками и бесами, блударями

и лярвами-лихорадками, игошами и злыднями и многими другими экзотическими, и даже эзотерическими существами. Это забытое богами местечко (причём знающие люди и нелюди говорят, что нарочно ими забытое) имело свои неписанные законы, основными из которых были: *не верь в бога, не бойся чёрта, не проси пощады.*

Если это кому-то что-то говорит, то теперь вы представляете, в какое место отправлялся царь – в самые, что ни есть, задворки империи.

Поэтому и кортеж был соответствующий. Первой в походной колонне стояла бронированная заморская колесница ручной сборки с вращающимися спереди и по бокам обоюдоострыми лезвиями, которую государю по спецзаказу собирали в Иллади. На ней помимо возницы имелись места для двух арбалетчиков, стоявших наизготовку возле бойниц. Затем расписанная золотом лимузиновая карета самого царя, с увеличенной базой и усиленной ходовой частью. И заключала кортеж открытая повозка, запряжённая четвёркой тяжеловозных лошадок – першеронов, на которой была установлена скоропалительная мортира и располагался дежурный боевой расчёт суровых ратников-пушкарей. Помимо царских штандартов, развевавшихся на передке, все транспортные средства были оборудованы проблесковыми факелами.

Вот в каком солидном сопровождении, прихватив с собой только хитромудрого советника-подстрекателя боярина Годуновича, царь отправился к ведьме за подмогой.

Выехав из стольного града, кортеж миновал несколько зажиточных деревень и подъехал к «Черноборью». Узревши издали приближавшийся караван с царскими штандартами, стоявшие на посту-заставе около леса стражи вытянулись во фронт и, отдав воинское приветствие, проводили взглядом промчавшийся кортеж государя-батюшки.

– Эка приспичило государю, коли самостийно в гиблое место сунуться решил! – покачал головой начальник караула, когда дорожная пыль, поднятая колёсами кортежа, осела на землю.

– Наверное, опять к Бабе-Ягодке за кремом из омолаживающих яблок для царицы помчался, – выдвинул версию один из караульных и сплюнул вслед.

– Или за пилюлями окаянными, плоть будоражащими, – криво усмехнулся второй.

«Начкар» зыркнул строго на болтунов, и те прикусили свои длинные языки.

Не знали ничегошеньки они о беде великой, не ведали. Вот и несли чушь всякую.

А царский кортеж тем временем продолжал свой путь по заколдованному местами лесу. Спустившись с очередного холма, кортеж подъехал к развилке-перекрёстку и остановился. Боярин Годунович по велению царскому выпрыгнул из кареты и подбежал к указующему камню, на котором мелким шрифтом были выгравированы адреса более-менее значимых жителей «Черноборья». Проблема была в том, что такие тёмные личности, как Баба-Ягодка, обладавшие мобильными жилищами, как-то: терема на куриных окорочках, одно-двухкомнатные

самоступы, берлоги-сороконожки, саморойные норы или ещё что-то в этом нечистом духе, долго на одном месте не застаивались, чтобы двигательные рефлексы жилищ не атрофировались. Из-за этого егеря-почтальоны с ума сходили, кружа по зловещему лесу в поисках соответствующих адресатов (по крайней мере, такой была официальная версия их сумасшествия). Во избежание этого, мягко говоря, недоразумения и был придуман фокус-покус с камнем, указующим место последнего пребывания того или иного субъекта. Вот вельможа Годунович, аки мифический Ахиллес, с сердцем в пятках, бойко покругил вокруг камня и, найдя нужный поворот и указав колесничному вознице поворот направо, запрыгнул в царёву карету.

– Далече ещё? – озабоченно поглядывая на темнеющее небо, спросил Годуновича государь.

– Совсем уже рядом, – переведя дух, ответил боярин. – Третья поляна слева.

Спустя буквально пять минут царский кортеж свернул на просеку и, выехав на небольшую утоптанную полянку, остановился аккуратно напротив генномодифицированной избушки с закрытыми наглухо ставнями, которая скучающе переминалась с одной гигантской куриной лапы на другую. Зрелище было не для слабонервных, и Годунович уже сто раз проклял свою болтливость, но деваться ему было некуда. По приказу царя-батюшки (не царское это дело с избушками дискутировать) он вышел из кареты и достал шпиргалку.

– Терем-терем, теремок, – стал зачитывать боярин круговоротное заклинание. Избушка перестала раскачиваться и, прислушиваясь, замерла. – Ты не низок, не высок. Не яранга ты, не чум. Хоть не юрта, но кочуешь. Ты мобильней, чем вигвам, обернись-ка входом к нам, – закончил читать Годунович, но избушка так и не шелохнулась.

– Пожалуйста! – раздался подсказывающий шёпот из государственной кареты.

– Ах, да! – хлопнул себя по лбу Годунович и заискивающе улыбнулся избушке. – Пожалуйста!

В этот раз терем-теремок не заставил просить себя трижды, довольно резво для своих массогабаритных характеристик развернулся на сто семьдесят градусов вокруг своей строительной оси, также резко затормозил входом напротив кортежа и присел к земле так лихо, что сорвал висевшую над входом вывеску «Ведьма и в сто сорок пять Баба-Ягодка опять». Что это: девиз или скрытая реклама, боярин Годунович додумать не успел, так как в избе одновременно с избушкиным приседом раздался грохот утвари и непристойная ругань.

– Кого сюда черти принесли?! – выскочив на крыльцо, закричала, словно ошпаренная опрокинувшимся чугуном, ведьма Баба-Ягодка, в самом соку, не по годам косметически зачарованная женщина.

Тут, я считаю, необходимо сделать небольшое, допустим лирическое, отступление и сказать пару слов про этот весьма любопытный персонаж –

Бабу-Ягодку. Ведьма её уровня могла запросто очаровать кого угодно, когда угодно, где угодно и как угодно. Сами понимаете, в подобного рода сказках опытная ведьма без особых ухищрений может в мгновение ока обернуться «секси гёрл» на неопределённый промежуток времени, и если бы не предательский возрастной целлюлит, от которого ни одна ведьма не может отделаться в силу законов природы (прошу не путать с жестокими законами джунглей), то наивным женихам: царевичам, королевичам, султановичам и прочим пришлось бы туго, потому как хитрую ведьму только по этим признакам и можно было отличить от любого другого юного невинного создания, которому до ведьмы было ещё как до золотой свадьбы. Но тем не менее, уважаемые господа, так как в данный момент эта ведьма вам ничем не грозит, расслабьтесь и смело вообразите Бабу-Ягодку эдакой «фигуристой пышногрудкой» с очаровательной родинкой над верхней, пухлой, как у Анжелины, губкой. Милые дамы, вы тоже можете не напрягаться, так как какой бы вы ни старались вообразить себе эту ведьму, всё равно ваше уникальное воображение рисует старую, толстую и горбатую бабу-«жабу» с бородавкой на большом носу. На этом «лирическое отступление» прошу считать «закрытым». Вернёмся к сказке.

Приглядевшись, в сгустившейся темноте Ягодка разглядела Годуновича.

– Ты чего здесь околачиваешься, подлиза государева? – напустилась ведьма на боярина. Тот пытался ей глазами показать, мол, он не один, а с первым лицом государства, но та приняла его подсказки за порочные знаки внимания и пуще возмутилась. – И не строй мне тут глазки, бесово отродье. Тьфу на тебя, охальник! Как самодержцу зелье-отраву готовить, так Ягодка, а как замуж – так баба глупая! Ещё раз тьфу на тебя!

– Да уймись ты, дура Ягодка! – зашикал на неё Годунович, пока царь сам не подошёл и чего лишнего не расслышал. – Мы с самим царём-батюшкой к тебе по делу государственному прибыли. А ты тут ахинею крамольную несёшь, на каторгу нарываешься.

– Как с царём?! – спохватилась ведьма, разглядев в темноте кортеж государев, во всей его воинственной красе. – С самим Ильичём?

– Я те дам фамильярничать! – мысленно намахнулся на Бабу-Ягодку Годунович. – Не с Ильичём, а с государём-батюшкой Владибором Ильичём, наследником престола, хозяином трона, скипетра, державы и самодержцем всея одной шестой части суши.

– Дак я сегодня ничем помочь не могу, выходной у меня! – развела руками ведьма.

– Как так выходной? С какой стати? – свёл брови Годунович. – К тебе государь собственной персоной приколесил, честь, так сказать, оказал, бесплатную рекламную акцию с царского плеча пожаловал, а ты – выходной. Сдурела, ведьма бесстыжая!

– Сегодня какое число и день недели? – не прониклась эпохальностью события ведьма и, скрестив руки на груди, прислонилась к дверному косяку.

– Пятница, – вспомнил боярин. – А число двенадцатое, кажись.

– Когда кажется, крестись! – ухмыльнулась Баба-Ягодка и тут же хлопнула себя ладошкой по губам, мол, глупость ляпнула. – Тринадцатое сегодня. Пятница, тринадцатое. У нас сегодня шабантуй, народные гулянья в «Черноборье». Если хотите, оставайтесь на праздник, а завтра о делах ваших посудачим. Нынче же, при всём уважении и респекте, никак. В такой праздник только праведники пашут, а махровым грешникам двойной грех напрягаться. Не обессудьте.

– Значит так, да? – с всё ещё сведёнными бровями сквозь зубы процедил боярин.

– Выходит так и никак иначе, – пожалала плечами ведьма.

– Обожди, я к государю отлучусь, обстановку доведу, – с немного растерянным видом, но всё ещё сведёнными бровями промолвил Годунович и отошёл к карете царской.

Не знаю, о чём они там шептались, но непреклонный царь, как и боярин, в конце концов свёл грозно брови и, высунувши руку из каретного окошка, щёлкнул пальцами. Тренированный пушкарский расчёт мигом навёл мортиру на ведьмин терем и запалил фитиль, а Годунович тем временем вернулся к ведьме с ультиматумом, но и слова не успел вымолвить.

– Да что же я, дурында старая, о-ох, шутки шутить с государём-батюшкой вздумала, креста на мне нет, – ласково разулыбалась Баба-Ягодка грознобровому боярину. – Да и ты, Борисыч, не гляди на меня строго. Праздник всё-таки.

– А я и не смотрю строго, – заверил её Годунович. – У меня того, брови судорогой свело, ажно в переносице колет.

– Беда ли то, – глядя на жерло мортиры, провела ладонью ведьма по лбу боярскому. Годуновичу судорогу, словно рукой снял... а ну да, ну да, так и есть, рукой сняло. – Зови царя-батюшку в терем. Проблемы государственные решать будем, а шабантуй, он подождёт.

Царь в сопровождении Годуновича вошёл в колдовской терем, а арбалетки, проклиная на чём свет стоит и избушку, и ведьму, и остальных жителей «Черноборья» с их нетрадиционной магической ориентацией, заняли пост около дверей задремавшего терема.

Перво-наперво ведьма попросила рассказать суть всей проблемы от «аз» до «ять», ничего не упуская, якобы для того, чтобы, имея максимум информации, принять правильное решение для разрешения государственной задачи. На самом деле она просто хотела повеселить своих подруг на шабаше новой сплетней из уст самого государя самодержавного (любимая фишка в кругу нечисти: интриги, скандалы, расследования, узнать что скрыто, разболтать остальным). Однако рассказ её так разжалобил, что Баба-Ягодка попросила более детально описать то Лихо-Одноглазое, которое бесцеремонно уволокло в неведомые края царицу-матушку Надежду.

– Ну, какое-какое оно, – угрюмо вздохнул государь, припоминая особые приметы супостата, – здоровенное, косматое-бородатое, рычит грозно, нечленораздельно. А-а, вот ещё, джакузию запачкало.

– Так это никак сам демонический Джегурда к вам приходил, –

передёрнулась от ужаса ведьма.

– Да бог с тобой, голубушка, – перекрестился государь, а ведьму ещё сильнее передёрнуло – и от слов царских, и от знаменья крестного. – Джегурда-то, чудище косматое-бородатое, ещё при последнем герое с позором изгнано, с тех пор его никто и не поминает лихом, от греха подальше. Да и ростом он гораздо мельче этого монстра.

– А нарисуйте мне тогда хоть кое-как Лихо это одноглазое, – попросила Баба-Ягодка государя, протянула ему уголёк и кивнула на дымоход небольшой печурки. – Коли будем знать, что за тварь безбожная царицу-матушку выкрала, легче будет с киллерами иноземными сговориться. Они ведь не как наши дураки – идти туда, не знаю куда, убивать то, не знаю что – им конкретно фас, профиль заказанного клиента подавай или, по крайней мере, его вид, пол, фамилию-имя или кличку-прозвище, адрес или ареал обитания. У них там с этим строго.

Государь вздохнул и, несмотря на свои крайне низкие художественные навыки, изобразил то самое Лихо, и ещё в лапе у неё царицу-матушку обозначил для примерного представления размеров чудища.

– Мать моя бабушка! – воскликнула ведьма. – Как же я сразу не опознала это чудо-юдище приматоподобное. Это же не что иное, как горилломутантский снежный гигантопит Кин-Кон (прошу не путать с Конкиным и уж тем более с Кокшеновым, это монстры иного масштаба), из заснеженной Аркфрики, где круглый год, днём и ночью, мороз и вьюга. Вам ещё повезло, государь, что у вас дворец одноэтажный, а то чудище это, по слухам, любит с какой-нибудь попавшейся под руку принцессой взобраться на самую верхотуру замка небоскрёбного и оттуда оную хряснуть оземь.

– Плохо, значит, дело? – тоскливо шмыгнул носом государь. – Небось на такого монстра охотников и за «бугром» не сыщется?

– Не дрейфь, царь-батюшка, – похлопала самодержца по плечу ведьма. Достала каталожную «Книгу мастеров на все руки» с цветными картинками и, открыв в нужном месте, показала «претендента» царю. На картинке был изображён здоровенный рыцарь на белом коне, держащий в левой руке копьё с насаженными на него тремя несовершеннолетними альпинийскими драконами. – Знаю я парочку киллеров иноземных. За хорошую цену они тебе и с чёрта шкуру сдерут, – вновь хлопнула себя по губам Баба-Ягодка. – Вот, например, рыцарь Цвайвенго. Тут написано, что у него физической силушки как у двух среднестатистических айвенгов. Он как раз специализируется на гигантах. Драконы, Кракены, Левиафаны, Птеродонты, Мастозавры, Слонопотамы – его профиль. Думаю, он не откажется помочь царю дружественного государства, да ещё и за хорошую предоплату.

– Хорош богатырь! – оценил «киллера» государь. – Давай-ка свяжемся с ним, обговорим возможные перспективы сотрудничества.

– Проще простого! – заявила Баба-Ягодка, взяла с полки пару-тройку пузырьков и накапала из каждого по несколько капель в стоявший на печи котёл. – Плядите сюда, люди добрые!

Боярин Годунович и царь-батюшка приблизились к печурке и склонились над котлом. Спустя несколько секунд бурлившее в котле зелье

замерло, словно превратилось в студень, и на его поверхности отразилось совсем другое помещение, больше похожее на пещеру, убранную в готическом стиле.

– Чур меня, чур меня, – попытался перекреститься Годунович, но получил по рукам от ведьмы.

– Не чертохульствуй, сеанс связи прервёшь, – прошептала она и показала глазами на котёл. В этот момент на изнаночной стороне поверхности зелья показался длинноротый старец с дурацким сиреневым колпаком на голове и, согнувшись над, по всей видимости, своим котлом, собрался подсыпать в него собственные колдовские ингредиенты, но, увидев как на него таращатся из глубины котла, уже с его стороны три, мягко говоря, недружественных физиономии, вздрогнул и отскочил прочь, чем существенно развеселил ведьму.

– Эй, Мерлин, Мерлин, ты где там?! – веселясь, заорала чертовка в котёл. – Это я, Ягодка, неужели забыл меня, старый хрыч?!

На котловом отражении вновь появилась сухощавая фигура старика в дурацком колпаке. На этот раз он не стал сматываться, разглядев, кто вышел с ним на связь. Вместо этого старик начал жестикулировать, показывая непристойные жесты и беззвучно двигать губами.

– А-а, сейчас звук включу, – вновь ухмыльнулась ведьма и, схватив сидевшую на подоконнике лягушку, зашвырнула её в котёл. Круги на зелье, порождённые скрывшимся в котле земноводным, быстро разошлись, зато стал слышен слегка квакающий голос старого мага.

– ...арая ква-ква-кведьма, так и за-за-заикой квастаться недолго, – тряс он кулаком Бабе-Ягодке. – Предупреждать ква-кваране над-до. А это кво-кво ещё с тобой? Что за нечисть?

– Уймись, старый, – крикнула в котёл ведьма. – Это не нечисть, это государь наш батюшка, Владибор Ильич. И у нас к вам дело государственное.

Услышав, кто на него сквозь котёл магический сурово так смотрит, старый маг подтянулся, оправил бороду и, слегка поклонившись, представился:

– Рад знакомству, государь Владибор Ильич. Разрешите представиться – Мэнсон, Мерлин Мэнсон – друид, телепат, биотерапевт, по совместительству промоутер сэра Цвайвенго. Насколько мне позволяет расстояние, я могу предположить по вашим судорожно скачущим мыслям, что вы именно по этому поводу к нам, так сказать, пожаловали?

– Угу, – кивнул государь Владибор. – Нам хороший киллер нужен позарез.

– Вы попали по адресу! – хвастливо подбоченился Мерлин на другом конце «видеомоста». – Наш геройский герой сэр Цвайвенго уже на полпути с очередного спецзадания, везёт мне в качестве трофея гигантский хрустальный башмак Кентерберейского Золушонка. Я их жуткий поединок по котловому телепатовидению смотрел, просто заглядень...

– Хватит расхваливать рыцаря и без тебя заслуженного, – перебила мага Баба-Ягодка. – И так его подвигами все сорочьи хвосты исписаны. Давай ближе к делу.

Мерлин недовольно потянулся и смачно сплюнул в котёл. Царя такое поведение иноземного мага покорило, и он уже собрался обложить одного тремя этажами высокоморального монолога о недопустимости подобных выходов с высокопоставленными чиновниками, но ведьма упредила его опрометчивый поступок.

– Не обращай внимания, государь-батюшка, – успокаивающе промолвила бывалая старуха. – Плевок мага тоже ингредиент магический, как крыло летучей мыши, кротовый глаз или воронья лапка. Это же Мэнсон, Мерлин Мэнсон, он, как и все иноземные колдуны, слегка того в этом плане и даже более того. Не обращай внимания.

Увидев, что государь остыл немного, ведьма нагнулась над котлом.

– Слышь, Мэрлин! – продолжила переговоры. – У нас царицу-матушку среди бела дня в заложницы захватили и за тридевять земель уволокли.

– И кто посмел? – деловито поглаживая бороду, поинтересовался маг.

– Кин-Кон горилло-мутантский!

– Однако! – удивлённо повёл бровью старый друид, но особо не расстроился. – В принципе ничего сверхординарного для сэра Цвайвенго в этом задании нет. Выследит, устроит засаду, завалит клиента вашего, Кин-Кона. Вернёт царицу ко двору. Расценки знаете?

– Примерно. Хотелось бы уточнить.

– Минуточку! – Мерлин принёс счёты и защёлкал костяшками. – Так, турпоездка в Аркфрику в оба конца, снаряжение, пропитание, витаминизированный фураж для Саврасэра – коня рыцарского, утеплённые доспехи, толмач, проводники, носильщики, сменное бельё, свежие утренние газеты, прогревательные напитки, там, сами знаете, «дубак» под пятьдесят, услуги массажиста, тренера по аэробике, досуг..

– Э-э, ты давай лишнего не приписывай, – притормозила мага колдунья. – У нашего государства бюджет не резиновый. Вычёркивай лишнее! О каком досуге, тренере и газетах речь, не в санаторий, поди, рыцаря собираешь.

– Ладно, досуг вычёркиваю, – пошёл на попятную маг. – Тут я с вами согласен, никаких девок лёгкого поведения до выполнения заказа. Ну а потом... вы и сами знаете, – подмигнул друид заговорщицки царю. – Итого получается триста фунтов и тридцать стерлингов, золотом.

– И всё? – недоверчиво спросил царь, уже собиравшийся отказаться от услуг Цвайвенго, услышав запросы киллерского «промоутера».

– Да, триста тридцать, – ответил маг. – Каждому! Рыцарю, мне и Саврасэру.

– Не много ли ещё и коню платить, – шепнул Годунович государю, прикинув, что за такую сумму он бы всю свою родню в Аркфрику за царицей отправил. Плохо, что его братья – зубные лекари – окромя бурмашины, другого «оружия» в руках своих золотых не держали, а с ними на Кин-Кона идти было бы сугубо неосмотрительно.

– Действительно, загибаешь, друид! – нахмурился государь. – Где же видано гужевому транспорту золотом проплачивать, или ваша лошадь докторскую диссертацию защитила?

Ведьма и боярин поддёвке царственной услужливо захихикали.

Мерлин же нисколько не смутился.

– У нашего Саврасэра, как и у нас с Цвайвенго, на депозите в сберегательной банке из-под маринованных огурцов уже кругленькая сумма скопилась. Конь хоть и без диссертации, а считать денежки не хуже вашего брата может. От оно как.

– А что он там про «после заказа» намекал? – вновь шепнул Годунович государю. – Недоговаривает колдуняка.

– Да! А что там после заказа за фуршет намечается? – обратился царь к уже размышлявшему, что можно купить на гонорар, друиду.

– Как будто не знаете?

– Не-ет! – дружно протянули царь с единомышленниками.

– Дак оно самое, право первой ночи.

– Чегось, чегось? – не поверил своим ушам государь, и даже не столько не поверил, сколько недопонял.

– Право первой ночи с освобождённой леди, – озадачился друид, глядя как изменился в лице царь Владибор. – Это святое право каждого рыцаря, так в королевском законе прописано, параграф 17, пункт 23, – попытался Мерлин доказать, что это не отсебятина, а распространённая среди рыцарей практика. Но царя, и так еле сдерживающегося, прорвало.

– На мою Наденьку право своё удумали распространить?! – красный, как раскалённый самовар, «закипел» государь. – А фигу царскую выкусить не желаете?! – ткнул он в котёл трёхпёрстную фигуру. – Идите-ка вы к чертям с такими правами и законами! Я на вас, охальников, войною пойду! За слова скромные ответите – и ты, похабник старый, и рыцарь твой, дитя порока, и развратный король ваш, хозяин борделя государственного масштаба! Все перед самодержцем ответите!

Хорошо что ведьма, вовремя сообразив, звук отключила. Поэтому слова государевы про войну и короля-развратника до ушей друидских не долетели, а что он там по телепатическим каналам распознал, не считово и для международного конфликта официальной причиной служить не может.

После того как изображение предприимчивого мага в котле пропало, царь ещё немножко выпустил парок в нецензурной форме и, почти успокоившись, присел на лавку у стены.

– Что ты нам за «киллера» подсунула? – пристал Годунович к ведьме. – Это же надо такое удумать – на царицу нашу позариться. Давай-ка другого подыщи, только повнимательнее смотри мне, не оплошай.

Не менее озадаченная ведьма полистала книгу и после недолгого раздумья обратилась к государю:

– Не вели казнить, царь-батюшка, позволь слово молвить?

– Чаво уж там, валяй, – кивнул Владибор Ильич.

– Есть ещё герой. И воспитанней этого бесстыжего рыцаря, и с запросами поскромнее.

– Что за личность?

– Самцон!

– Кто-кто?

– Самцон-богатырь, человек исключительно положительный.

– Одно имя его существительное доверия уже не внушает.

– Да что ты, царь-батюшка, он девками в этом смысле почти и не интересуется. Для него добрые поступки всегда во главе угла. Он любому льву пасть порвёт, а с Кин-Коном одной левой расправится.

Царь-батюшка глянул на картинку с изображением длинноволосого качка, безжалостно разрывающего пасть зевающему спросонья льву. Милостивое улыбающееся лицо парня вызвало у государя симпатию.

– Ладно, вызывай героя! – соизволил самодержец и вновь подошёл к котлу.

Ведьма отошла к тёмному углу и, отёрнув шторку, глянула в висевшее зеркальце.

– Эй, Ягодка, не время прихорашиваться, – напомнил ей Годунович, кивнув на согнувшегося над котлом государя. Баба-Ягодка ухмыльнулась и, опрыснув зеркало очередным зельем из склянки с черепом, проговорила заклинание:

– Тьма из зеркала, скажи, да всю правду покажи, кто на свете всех сильнее, красивее и добрее. Покажи мне, где же он, златокудре-
вый Самцон!

Закончив читать заклинание, ведьма сделала несколько магических пассов руками и, скрестив руки на груди, застыла в выжидающей позе напротив зеркала, глядя в своё и примкнувшие к нему по бокам отражения царя и боярина. Вскоре их зеркальные отражения стали медленно таять, уступая место гламурно украшенной хижине и смазливому субтильному паренёку в обтягивающей тунике, подводящему брови как раз напротив.

Увидев в своём зеркале сосредоточенную троицу, паренёк несколько не удивился, спокойно убрал косметические причиндалы в сторону и, прокашлявшись, поздоровался.

– И тебе не хворать, – вместо приветствия ответила ведьма с испортившимся вконец настроением – не таким она представляла себе красавчика Самцона. Государь, хмуро глянувший на ведьму, по всей видимости, тоже на иного «богатыря» рассчитывал.

– Так ты и есть Самцон?! – не сговариваясь, одновременно спросили государь с Ягодкой.

– А что, не похож? – оглядел себя субтильный.

– Не, не очень.

– Значит, Самцон это не я.

Троица на этой стороне зеркала недоуменно переглянулась – похоже, кто-то кому-то точит мозги.

– А кто ты тогда будешь? – первой вышла из ступора ведьма. – Я на связь с Самцоном Великолепным выходила. Неужели ошибочка вышла?

– Да нет. Всё верно. По адресу попали, – дружелюбно улыбнулся субтильный.

– Так ты, что ли, Самцон? – переспросил теперь уже Годунович.

– Нет, я не он, а он совершенно не я.

– Хватит словоблудить! – взорвался царь, устав слушать субтильного.

– Отвечай, кто таков и как нам с Самцоном-богатырём пообщаться.

Смазливый поморщил напудренный носик, не привык, когда с ним так вот по-мужлански обращались, но больше нарываться не стал, представился.

– Я Джерри – личный стилист, визажист и парикмахер легендарного Самцона, – поклонился сублильный. – А также представитель героя по связям с общественностью, осуществляю приём и предварительное рассмотрение жалоб и предложений. Готов выслушать вас, дамы и господа!

Джерри вновь поклонился, едва не коснувшись зеркальной поверхности, а царь с боярином, полные мрачных предчувствий, уставились на ведьму, мол, как понимать это тощее бесформенное безобразие.

– Слышь, хворый, – пытаюсь быть по мере возможности ласковой с сублильным, спросила Баба-Ягодка. – А нельзя нам с Самцоном самим пообщаться, всё-таки дело государственной важности?

– К сожалению, нельзя, – скрестив пальцы, наигранно вздохнул сублильный. – Вы слышали великий девиз гуманистов: «Красота спасёт мир!». А красота, помноженная на силу Самцона, вообще его на части порвёт. Поэтому сейчас у нашего героя время приёма процедур.

– Про приём каких таких дур речь идёт, когда царь с ним пообщаться желает, – не расслышала ведьма последних слов героевского стилиста.

– Восстановительно-оздоровительных процедур, – дал более детальное разъяснение представитель Самцона. – Его нечеловеческая силища в волосах сокрыта, поэтому первоочередной задачей мы ставим для себя именно уход за волосами, куда входят: специальные питающие маски для волос, обёртывание, борьба с перхотью, уплотнение волос, щадящая химзавивка, окрашивание, мелирование, гелирование, колорирование, плетение, причёска, укладка и фиксация. Помимо этих ежедневных процедур великолепный Самцон подвергается сеансам массажа и депиляции, затем у него маникюр, педикюр, СПА процедуры, наращивание ресниц, мезо- и парафинотерапии, роспись, френч, подтяжка, диспорт, лифтинг, пилинг, скрабинг, дайвинг, бодибилдинг, шейпинг, шопинг...

Сублильный, красуясь перед зеркалом, продолжал перечислять все жизненно необходимые для настоящего богатыря мероприятия, а царь уже отошёл от заплёванного со своей стороны зеркала и опять устало опустился на скамью.

– Как всё запущено! – растирая виски пальцами, пробормотал государь. – Неужто и за рубежом настоящие героини перевелись? Только жигало и эти вот голубчики.

– Убери его с глаз долой! – прошипел Годунович на ведьму. – Опять промашка?! Хочешь, чтобы у царя сердце в твоей избушке прихватило, чтобы окочурился государь эгидодержавный в твоём гадюшнике, и на тебя его погибель навесили, а меня паровозом за тобой в северные остроги? Этого добиваешься?

Перепуганная вторичным промахом ведьма в этот же момент отключила сеанс зазеркальной связи и, поскорее задёрнув занавеску от греха подальше, уткнулась в книгу.

– Есть, есть, эврика! – завопила старая, спустя пару долгих минут гробового молчания. – Как же я про него забыла!

– Опять хочешь государю «еврика» какого-нибудь подсунуть?! – подошёл к ней вплотную боярин. Ведьма показала ему картинку в своей книге и, внимательно изучив послужной список и «ТТХ» очередного героя, боярин тоже разулыбался.

– Плянь, царь-батюшка, кого Баба-Ягодка нашла в своём бесовом каталоге, – поднёс Годунович книгу государю. – Это же самый главный герой, всем героям герой. Бесстрашный Гераклий – дважды герой Спартании, четырежды герой Аркады и двенадцатикратно герой всей Иллады! Семикратный чемпион античного мира по боям без правил, олимпийский чемпион-кампенион в тридцатиборье, рекордсмен мира в двадцати семи видах спорта, в основном в тяжёлой атлетике и единоборствах!

– Ух, ты! – захватило дух у государя от услышанных «подвигов» доброго молодца Гераклия. – Молодчиha ведьма! Давай соедини с благодетелем!

– Сей момент! – с готовностью отозвалась Баба-Ягодка. Вытащив из сундука огромную морскую раковину, она положила её на стол. Затем всыпала в неё немного сухой травы и подожгла. По избушке поплыл сизый дымок со сладковатым ароматом.

– Это ещё что за «Вуду»? – втянув носом воздух, боярин подозрительно уставился на ведьму.

– Всё в ажуре, сейчас его личного оракула вызовем, – успокоила его ведьма и зашептала над раковинной скороговорные заговоры. С каждой минутой сначала практически незаметный шум из раковины всё усиливался и усиливался, пока, наконец, не стал давить на барабанные перепонки, словно шум прибоя. Когда шум достиг своего апогея, ведьма в полный голос завывала в раковину:

– Пуфия, ответь! Приём! Пуфия, ответь!

Государь с боярином, несмотря на то, что тоже неслабо наглотались дурманящего сознания аромата, всё же с сомнением следили за действиями ведьмы. Однако их сознание открылось в одно время с Ягодкиным, и они, ошалевшей троицей, слышали хриплый голос, доносившийся из глубины раковины.

– Слышу, слышу тебя, Ягодка! Как дела, как девочки, как наши кентавры, не чахнут в вашем климате?

– Ой, не время лясы точить, Пуфия, – ответила ведьма. – У меня царь-батюшка в гостях, и дело у нас к Гераклию государственной важности.

– Иди ты! – раздался из раковины голос оракула Пуфии, в котором сквозили сомнительные нотки. – Скажешь-таки – царь. Никак травы слишком много положила?

– Можно я? – шепотком попросил разрешения окосевший от чудес государь.

Ведьма одобрительно кивнула.

– Здравствуйте, сударыня, э-э, Пуфия, – несмело заговорил самодержец. – С вами разговаривает..

– Кто это там тьякает, Ягодка? – перебила его Пуфия. – Ничегошеньки не разберу. Таксу, что ли, завела?

– Шмаксу! – закричала в раковину ведьма. – С тобой не тьякает, а разговаривает, дурёха, государь наш, батюшка Владибор Ильич, – ведьма

обратилась к царю. – Громче говорите, государь милостивый, она немного контуженная.

– Я всё слышу, – раздалось из раковины. – Так с кем имею честь?

Царь Владибор прокашлялся и уже более уверенно произнёс:

– С вами говорит самодержавный монарх Владибор, хозяин престола, скипетра и державы, самодержец 1/6 части суши!

– Очень приятно, Пуфия – личный секретарь-оракул героического героя героев Гераклия Зевсовича. Слушаю вас.

– Уважаемая, у нас стряслось горе государственного масштаба, – с чувством собственного жалобного достоинства произнёс царь. – И как совсем недавно выяснилось, только геройский герой Гераклий – победитель всевозможных чемпионатов, турниров и монстров, способен помочь нашей беде. На него одного нынче уповаю и держу пальцы крестиком. В добром ли он здравии, в хорошей ли форме, в своём ли он уме?

– Уф-фу-фу, – раздалось необнадёживающее фырканье из раковины. Так обычно фыркают, когда не знают что и сказать. – Многоуважаемый государь Владибор, у меня для вас две новости: хорошая и плохая. С какой начать?

– С хорошей! – ёкнув сердцем, сделал выбор государь.

– Геройский герой Гераклий Зевсович в добром здравии, в хорошей физической форме и в совершенно здоровом уме.

Пуфия замолчала.

– Ну-ну, чего замолкла, продолжай, – не выдержала напряжённого молчанья ведьма.

– Всё! На этом хорошая для вас новость закончилась, – спокойно ответила раковина голосом Пуфии.

Царь, так и чувствовавший подвох, сник окончательно.

– Давай уж, выкладывай, в чём плохая весть заключается, – покусывая галстук на гамардэбский манер, «соизволил» государь.

– Гераклий Зевсович уже давно не практикует битвы с монстрами, чудовищами и иными мутантами, – ответила оракул-секретарь. – После того случая с кентаврами, когда он разошёлся, целое их стадо разнёс вдребезги, а в пылу драки и разнимавшего их друга своего кентавра Фреона покалечил, Гераклий Зевсович завязал с заказными поединками. Теперь он консультирует и тренирует юных героев. В данный момент возглавляет тренерский штаб спартанской команды по боевым единоборствам «300 ГЕРОИКОВ», готовит их к товарищеской встрече в ущелье с персидской сборной. У него контракт до конца сезона, жёсткий график тренировок, поэтому даже если вы с ним свяжетесь, не думаю, что Гераклий Зевсович сможет вам чем-нибудь помочь. Извините.

– Спасибо за информацию, сударыня! – поблагодарил государь Пуфию и махнул рукой ведьме, мол, выключай эту чёртову связь.

Баба-Ягодка попрощалась со жрицей-секретаршей героя и вновь уткнулась в каталог.

– Этот спился, этот погиб на турнире, этот пропал без вести, – бурчала ведьма, листая книгу с героями, – этот на пенсии, этот срок мотает за непредумышленное, этот тоже погиб, этот в шоу-бизнес подался. О-о,

вот бинго! – увидела она что-то более-менее подходящее. – Рыцарь тоскливого профиля, идалго Дон-Пихтон. Тэкс! Специализация: заколдованные мельницы, водонапорные башни с призраками, бродячие замки, административные здания. Не то! – сокрушённо вздохнула ведьма, принявшись дальше перелистывать героико-богатырский каталог, – убит на дуэли, лишён лицензии, попал под каблук, тронулся умом, иссякла сила...

– Ладно тебе, – поднялся с лавки государь. – Не мучайся! Нет нынче действующих героев на земле. Поедем мы ко двору, ужо вон рассвет забрезжил.

Умаявшийся царь шагнул к дверям и, распахнув их настежь, вышел на свежий воздух. То ли после обрушения надежд в поисках героя для освобождения Надежды, то ли после крайнего дымного «сеанса», его слегка «штормило». На улице было по-утреннему свежо, что немного взбудрило государя-батюшку.

Распинав дрыхнувшую по периметру стражу и дав указания возницам, самодержец с Годуновичем забрались в лимузиновую карету в надежде немного подремать на обратном пути.

– Не вели казнить, государь! – подбежала к карете Баба-Ягодка.

Заметив из окна избушки засуетившийся подле всё ещё воинственно расчехлённой мортиры пушкарский расчёт, она приняла их действия на свой счёт.

– Чего тебе ещё? – высунулся самодержец из окна.

– Дай мне ещё шанс, отец милостивый! – пробормотала ведьма, косясь на пушку. – Найду я тебе настоящего героя, даже двух, или нет – трёх, таких же, как легендарно-былинное звено. Почти как три богатыря! Коня на скаку остановят, в горящую избу войдут!

– Баб, что ли, подобрать мне хочешь? – усмехнулся невесело самодержец, вспомнив знакомого стихотворца примерно в таком же жанре.

– Причём тут бабы, самые что ни есть мужланы будут, – не вспомнила никакого стихотворца ведьма, не сообразив куда вообще клонит царь.

– Ладно, не бери в голову, – махнул рукой государь. – Спасибо за проделанные попытки. Пока!

Владибор Ильич отодвинулся от окна, а вместо него наружу высунулся Годунович.

– Живи пока, Ягодка, хоть и без бога в сердце, но с царём в голове, живи и помни доброту государеву, – поучительно произнёс боярин, подмигнув ведьме и махнул рукой возницам.

Кортеж, сделав круг по полянке, умчался восвояси.

Проводив его взглядом, ведьма подошла к терему и, погладив избушку, вновь засела за геройский каталог в поисках подходящего героя для самодержца. Хоть и тёмная была личность, а за слова свои всегда отвечала, не то что некоторые.

Кортеж не спеша вёз храпевших царя с боярином по главному тракту резервации. Просыпающийся лес, покряхтывая ворчливыми дубами, потягивался после разгульной ночки. Ещё несколько поворотов, и покажется

застава, отделяющая заповедную зону от обычного мира. Недоспавшие стражники зевали, кутаясь в плащи. Возницы, пытаясь отогнать сон, изредка встряхивали головами. Утренние птицы, щебетавшие в ветвях над головами, только усугубляли общее полусонное состояние, ещё шибче убаюкивая людей. Вот и последний поворот, а за ним, глядишь... гляди ж ты, раззява! Человек на встрече!

Шедший встречным corteжу курсом человек в плаще с накинутым на голову капюшоном тоже не успел сообразить, откуда в такую рань такое(!) интенсивное движение по «Черноборью», тем более после пресловутой «пятницы», и в растерянности остановился на «проезжей части».

Поздно заметивший пешехода возница смертоносной колесницы натянул вожжи, останавливая не менее сонных лошадей, отчего их тормозной путь должен был оказаться как минимум в два раза длиннее и намотать пешехода на бешено вращающиеся, благодаря хитрому механизму, лобовые ножи.

Казавшийся немного растерянным пешеход в отчаянии выставил перед собой бесполезную в этом случае трость с хрустальным шаром-набалдашником.

Колесница с вращающимися резаками неслась на незадачливого пешехода.

Пешеход стоял, вытянув руки.

Колесница приближалась.

А пешеход стоял.

И тут вновь случилась неожиданность.

С обеих обочин, словно по команде, к пешеходу метнулись ещё два человека (из породы тех, «со значком «ГТО», которых никто ни о чём не просит, но которые считают своим долгом вмешаться...»). Эти ребята, схватив стоявшего за руки, попытались оттащить его каждый в свою сторону. Правда, из-за того, что вектора их сил были примерно равны по значению, но различались по направлению на сто восемьдесят градусов, из этой их безумно-храбро-самоубийственной затеи ничего не вышло.

Теперь уже вся троица грозила в ближайшую долю секунды превратиться в свежеразмолотый фарш.

И тут в третий раз случилась совсем уж неожиданная неожиданность.

Колесница, не достав своими ножами какие-то сантиметры до лихой троицы, вдруг стопорнулась, словно на невидимую стену наткнулась, и, сделав грандиозный кульбит вместе с пассажирами и лошадьми, перелетела через троицу и приземлилась на свои колёсо-копыта аккуратно за их спинами. Ошалевшие коняги, сообразив, что дело тут нечисто, без дополнительной команды рванули в сторону видневшейся заставы, увозя в колеснице приходивших в себя возницу с арбалетчиками.

Царская же лимузинная карета, имевшая большой удельный вес и менее сонного кучера, остановилась за несколько саженей до троицы, но так, что её тоже немилосердно тряхнуло со всем содержимым внутри и развернуло на дороге.

– Ша-а, залётные! Кто посмел государю-батюшке дорогу перекрыть?! – выглянув из кареты, грозно заорал на незнакомцев Годунович. – Кто себе

приговор высшей меры подписал?! – пушкари уже навели мортиру на виновников переполоха, но пулять не решались из-за близины царского транспорта. – Стоять на месте! Одно движение влево, вправо – и вам крышка! Вы совершили бо-ольшую ошибку, холопы чёртовы!

Тройка пешеходов молча смотрела на захлёбывающегося руганью боярина.

– Кто там? – потянул государь боярина за рубаху.

Тот обернулся к сидевшему в сонной печали самодержцу и, бросив тому: «Кажись, бродяги случайные», опять напустился на «бродяг».

– Слышь, Борисыч, – вновь потянул царь Годуновича за одежду. – Ты давай это, не бранись почём зря, скажи стражам, пуцай повяжут этих да в дворцовую темницу покуда бросят, уа-ах, – зевнул монарх и потянулся, – выспимся, а вечером под трибунал этих бродяг и за попытку переворота вздёрнем.

– Как за попытку переворота, – вздрогнул боярин (неужели не разглядел в этих бродягах повстанцев партизанствующих!).

– Так, за попытку переворота царской кареты, пускай даже и случайную, – пояснил государь и прикрыл свои ясны очи, дав понять, что тревожить его больше не стоит. – Да! – приоткрыл самодержец левое око, – и распорядись, пуцай покуда обыщут, обезоружат, если есть что при них, а по прибытии в разные камеры рассадят, дабы подозреваемые тайногоговора между собой не учинили.

Сообразив о чём речь, Годунович сначала мысленно отдал дань царской прозорливости, а затем только отдал соответствующие распоряжения стражникам и, только когда лично убедился, что все возмутители его и царского спокойствия приторочены в связанном виде к замыкающему транспорту, разрешил кортежу продолжить движение.

Неразговорчивые «бродяги» поплелись навстречу своей незавидной судьбе-злодейке в арьергарде гужевой колонны.

Подремав на скорую руку часов эдак восемь-десять, царь-батюшка соизволил откусать обильного низкокалорийного ужина и велел подать «тройной десерт» к столу государственному.

Начали, было, повара-стряпчие головы ломать сначала над словом мудрёным, затем над тем, что под него подогнать можно, и уже решили чарку одеколона отечественного розлива преподнести самодержцу в качестве десерта, но более начитанный Годунович, посоветовав им «не путать десерт с аперитивом» и вообще оставить головы в покое, отправил воеводу внутренних дел за подозреваемыми в попытке переворота для привлечения к царскому суду – самому гуманному и скорому на вынесение решения суду в мире.

Когда доставили троицу пред строгие очи государевы, уже более внимательно рассмотрели их самодержец и компания.

Подозреваемые стояли в шеренгу перед государем и совсем без страха (что, естественно, не пришлось по душе царю и другим вельможам) и даже малейшего упрёка смотрели на царя и его грозное окружение. Первым в шеренге стоял пожилой мужичок в глухом запылённом плаще, с

проплешиной на широколобой голове и с хитрой искрой в глазах. Подле него, стоя в гимнастической стойке, рассматривал хоромы царские простолыцый русоволосый юный здоровяк в лаптях, шароварах и косоворотке, подпоясанный расшитым кушаком. Замыкал шеренгу смуглый широкоплечий хлопчик в кожаных сапожках, красной шёлковой рубаше, парчовой жилетке и с золотой серьгой в левом ухе. И если физиономия первого тянула как минимум на кандидатскую, выражение лица второго – на среднестатистического пэтэушника, то третий тип, по градации мистера Чезаре Ламброзо, мог бы занимать нишу где-то между уголовником-рецидивистом и начинающим серийным маньяком, а шрам на смуглом лице придавал оному и вовсе свирепый вид. В общем и целом, эти подозрительные личности, по сути, были типичными представителями соответствующих социальных прослоек: интеллигенции, рабоче-крестьянского класса и индивидуального малого бизнеса.

Вместе с подозреваемыми в попытке переворота царю были представлены наспех собранные досье на этих самых подозреваемых. Владибор Ильич, наглядевшись на подозрительную тройцу, придвинул к себе первое «личное дело», на котором размашистым почерком воеводы государственной безопасности было написано «Василевс Премудрый: алхимик, маг, звездочёт». Пролистав «дело», государь не нашёл ничего интересного: положительная характеристика с последнего места проведения магических ритуалов, справки от участкового дружинника, отзывы от «коллег» колдунов, справки, сертификат мага третьего разряда, разрешение на индивидуальную колдовскую деятельность, короче, одни бюрократические писульки.

Не обратил только царь внимание, что в биографии алхимика отсутствовало упоминание о нескольких годах жизни (словно нарочно забыл вписать), которые тот провёл в подземельях Питиримского ордена, горных пещерах Аламбалы и безводных пустынях Гюмбии, постигая древние знания трёх «теликов»: телепатии, телекинеза и телепортации.

Второе дело было озаглавлено «Яков Сероволк: хулиган, карманник, конокрад». В этом досье было уже побольше интересного: неоднократные приводы в народную милицию за угон скота, дебош на ярмарках, перекупка краденого, пережиг тавро и перекраска коней для последующей перепродажи и т.д.

Но в деле ни слова не было сказано о том, что круглый сирота Яков Сероволк воспитывался дедом-оборотнем, который, в пьяной потасовке с вампирами получив раны не совместимые даже с такой необычной жизнью, перед смертью не смог передать свою силу внуку. Вместо того чтобы больно укусить Сероволка, старый оборотень лишь сентиментально поцеловал в лоб юного Якова и испустил дух. Оттого и характер у цыгана, лишённого силы оборотневы, был волчий. Несло от него как от волка, сводя с ума окрестных собак, ещё он не мог не сдержаться, чтобы в полнолуние не завывать на луну, и хоть был храбр, ловок и силен, но на большее ему рассчитывать не приходилось.

В третьем деле, подписанном «Иван Царевич – разнорабочий», так и вовсе почти пусто было, ни тебе справок из ЖЭКа, ни тебе копии метриков

из родильного теремка. Это-то, и не только это, показалось царю довольно подозрительной уликой.

– Что же, как говорят в нашем насквозь лживом окружении, рад вас видеть! – недобро пошутил государь Владибор, и его «окружение» вежливо захихикало. – Тут написано, что ты, парень, не кто иной, как Иван Царевич собственной персоной? – нахмурившись для проформы, спросил царь у русоволосого здоровячка. – Так вот ответь мне, с какого это перепугу у нас «Царевичи» разнорабочими подряжаются? И вообще, какой ты «Царевич», коли аз есмь царь, а наследников у меня нет. Никак Лжецаревич самозванный, переворот хотел устроить, и к этому делу крамольному колдуна-бесопклонника и вора-мошенника подговорил, – не на шутку распалился самодержец. – Ай-яй-яй! Бесстыдники! Отрубите лжецу голову! Конокрада повесить! Колдуна на костёр! Да, да, да! – перевёл он взгляд на оторопевших бояр, – и не смотрите на меня, как нерадивые школяры на собирательный образ руководителя державы. Аз есмь единоначальник и верховный главнокомандующий в едином лике. Выполняйте!

Такого скорого царского, самого справедливого и гуманного суда в мире никто, даже близко знавших царя вельмож, не ожидал. Подсудимые же, если и удивились, то виду не подали, а один из них только голос подал.

– Не вели казнить, государь, позволь слово молвить! – попросил Иван Царевич слово правозащитное произнести.

Годунович, ошивавшийся рядом с государем, посоветовал всё-таки не рубить сплеча и дать возможность оговорить... то есть защитить самих себя подсудимым («хотя бы пусть попытаются для виду»).

– А и ладно, хрен с вами! – великодушно согласился государь-батюшка. – Только поклянитесь говорить правду, одну лишь правду, искреннюю правду, горькую правду, короче, ничего кроме правды.

Боярин министерства юстиции поднёс к подсудимым государственную книгу «Конституция сказок и приключений», на которой все трое и поклялись говорить «короче, ничего кроме правды».

– Теперича излагай, с чем не согласен, – соизволил царь Ивану Царевичу.

– Перво-наперво насчёт фамилии Царевич пояснение хочу дать, – выступил с речью Иван. – Фамилия эта была пожалована моему прадеду Емеле, по щучьему велению высочайшему за существенные заслуги перед царевной-щучкой. У меня и документ имеется. В нашем же государстве, фактически уже просвещённом, отправка на плаху за имяние звучных фамилий есть косвенное ущемление прав человека. Недаром легендарный Илья – защита и опора земель покорённых, установил у нас в качестве политического строя самодержавную демократию.

Царь озадаченно переглянулся с Годуновичем – гляди, мол, боярин, какой подкованный малый, хоть с виду простака простаком. Годунович тоже ответил государю не менее красноречивым взглядом – мол, царь-батюшка, его речи не то чтобы самодержавной демократией, а скорее монархической анархией попахивают, и с этим надо что-то делать.

– Слышь, адвокат, – перебил Ивана Годунович. – Слишком складно

поёшь. Сдаётся нам, мил человек, что не из этих ли ты, не из Рабовиче-Кребрамовичей? Понаехали, понимаешь, сюда!

– Я вообще из глухомани деревенской! – ответил Иван нахмурясь, не любил он, когда его подозревали в том, чего не делал. – С обозом пришёл. На мир посмотреть, себя показать, наукам мудрым обучиться, чтобы не только носы ломать супостатам, а и ума-разума набраться.

– Ишь ты, студент, что ли? – удивился царь. – А что ты на это скажешь? – государь кивнул воеводе государственной безопасности, и тот разложил перед подсудимым молоток, серп и духовую трубу – горн. – К каким наукам эти «учебные принадлежности», – указал царь на холодное оружие и сигнальную трубу.

– Хм! – озорно хмыкнул Царевич. – Так я же дипломированный швец, жнец и на дуде игрец. Молоток – самое верное средство для ремонта швейно-ткацких станков нашего производства. Серп – наиболее экономичный сельхозинструмент при уборке урожая. Труба же вещь незаменимая на разного рода празднествах, корпоративах, юбилеях как в составе ансамбля, так и соло. Мундштук вынул, вот тебе и рупор громкоговорительный, на место всунул – и дуди, хошь заунывный марш Мендельсона, хошь похоронную польку-бабочку.

– Так-так, и откуда они у тебя? – искренне заинтересовался государь непростым простаком Иваном Царевичем.

– Молоток мне подарил мой первый учитель, бродячий швец, по прозвищу Храбрый Портняжка.

– Это тот, который «семерых одним ударом»? – вклинился Годунович, слыхивал он байки про бродячего модельера.

– Восьмерых! – поправил Иван боярина. – Это про него сказано, – не стал лукавить.

– Ну-ну, – кивнул государь. – А серп откуда спёр? Правду говори, парень, не ври.

– Серп именной, – пояснил Царевич. – Второго преподавателя презент. Слыхали, небось, про агронома-управляющего Балдуева, который бригаду поповскую в лидеры по производству зерновых культур вывел.

– Как же не слышали, – вставил словечко Годунович. – Его ферма на всё среднечерноземье славится.

– Так вот, серп он мне на память о прохождении курса лекций по сельхозкультурам преподнёс, – с тёплыми нотками в голосе произнёс Царевич.

– А на дуде где играть научился? – поинтересовался государь крайним артефактом. – Или так, для солидности таскаешь с собой?

– Отчего же для солидности, коли развяжете, я и подудеть смогу заковыристо, – ответил Иван, поведя затёкшими руками за спиной.

– А и развяжите его! – приподняв сползшую на лоб корону, отдал государь распоряжение.

Воеводы исполнили указание и отошли на всякий случай подалее от Царевича.

Иван взял горн, размял круговыми движениями губы и, приложившись к духовому инструменту, затрубил что-то вычурное из поздних произведений Штраус Ван-Бах Моцальери, иноземного

композитора-менестреля, чем немало удивил государя, который, как и его придворные, едва сдержался, чтобы не пуститься в пляс.

– Ну так и я могу, – разочарованно протянул абсолютно не обладавший слухом Годунович, после того как царь знаками показал Ивану перестать дудеть. – А ты «Дубинушку» можешь?

– Раз дунуть! – уверенно сказал Иван, но царь, поверив парню на слово, разрешил ему не дудеть. Правда, всё-таки поинтересовался, где он так наловчился с дудой управлять.

– Так это мой третий учитель Клаус Трубак так меня выпестовал, что я и с закрытыми глазами любую рок-оперу через трубу виртуозно выдую.

– Молодчина Иван! – не сдержался государь, похвалил подсудимого. – Только ответь мне как на исповеди, зачем всё же переворот учинить хотел, зачем с колдуном и конокрадом в сговор преступный вступил? Ты же перспективный студент!

– Да никакого переворота мы не мыслили, – честно глядя царю в глаза, ответил Иван. – Я вообще этих двоих сегодня в первый раз увидел там, на дороге, – повёл он глазами на стоявших по бокам нечаянных «сообщников».

– Не ври царю, Ваня! В глаза смотри! – топнул ногой самодержец. – Говори тогда, зачем на пути кортежа царского оказался.

– Да я на каникулах сейчас, решил по знаменитому «Черноборью» попутешествовать по-студенчески – каретостопом, – преподнёс свою версию Царевич. – Уже возвращался назад в наш мир, дай, думаю, последнюю ночь проведу там, тем более праздник «Пятница, 13», думал, когда чудес ещё посмотреть получится. Вот и решил сделать привал на обочине. А когда проснулся от шума вашего кортежа да увидел стоявшего на его пути беззащитного человека, не раздумывая бросился на подмогу попавшему в беду страннику. Вот и весь «заговор».

Царь задумался. Тут ещё Годунович на ухо нашептал, что, по показаниям стражников, Царевич и Сероволк выскочили из леса именно к колдуну и, как им показалось, действительно пытались перетянуть последнего каждый в свою сторону, а это означало, что...

– А как тогда ты, цыган, оказался в нужном месте, в нужный час? – посмотрел государь на Якова Сероволка. – Говори, ну?

Сероволк нервно мотнул кудрявой с проседью головой, но посылать куда подальше не решился, царь всё-таки, а, взяв себя в руки, поведал свою версию происшествия.

– Я по утрам охочусь в тех местах на зайцев.

– С этим, что ли? – кивнул государь на изыятый при обыске цыгана нож засапожный с наборной рукоятью и узорным кровостоком.

– С ним, государь! С ним родимым! – с нежностью посмотрев на нож, оскалился Сероволк.

Годунович подал знак, и стражники на всякий случай обступили цыгана.

– Так-так-так, – заинтересованно наклонился вперёд самодержец. – И что же дальше?

– Гонясь за дичью, учуял я терпкий такой аромат беды со стороны

дороги, – продолжил Яков и, злобно посмотрев на Ивана и колдуна, вздохнул тяжело. – И дёрнул же меня чёрт свернуть в ту сторону. И ведь, что характерно, никогда в жизни на доброе дело не тянуло, а тут на тебе, ещё и в политику вляпался.

– С кем не бывает, – снисходительно произнёс государь, поверилось ему, что и конокрад «истину глаголет».

– Да ты пойми, государь милосердный, – в эмоциональном порыве рванулся было цыган навстречу самодержцу, но несколько копий, уткнувшихся в рубаху шёлковую, охладили его пыл. – Не скрою, есть на мне несколько статей уголовных да сроков условных, но в политику, тем паче в переворот государственный, я никогда не суну свой нос.

– Ладно тебе, цыган, отнекиваться, – отрепетированным движением грозно свёл брови царь. – На месте происшествия был? Был. Кorteжу дороге преграждал в составе группы лиц? Преграждал. Теперь отвечай перед законом за «дело доброе» или какое там ещё.

Сероволк глухо зарычал, склонил свою буйную голову и потряс в негодовании шевелюрой.

– А ты что скажешь по этому поводу, подозреваемый Премудрый? – обратился государь к колдуну. – По их словам выходит, что с тебя вся катавасия закрутилась.

Василевс Премудрый отвесил лёгкий поклон государю (как же, интеллигенция, язви его душу) и прямо ответил на поставленный вопрос.

– Не спорю, прозевал я ваш corteж, государь. Задумался над смыслом бытия.

– На проезжей части не отвлекай внимания своего ничем иным, окромя дороги! – напомнил колдуну нарушенное правило воевода главной инспекции дорожно-пешеходного движения. – В противном случае, лишение права перемещения по дорогам, до двух лет.

Царь махнул воеводе, мол, не лезь со своими ПДДами окаянными, раньше надо было профилактикой заниматься.

– Вообще-то я не такой рассеянный обычно, – продолжил Василевс. – Просто ночь не спал, вот и замедитировал немного в пути.

– А куда ты, собственно, путь держал? – спросил царь, интересно ему стало, куда это так нужно было спешить колдуну, что даже на «автопилот» переключился.

– Я паломничество по аномальным местам совершаю, а наемдни кузина моя Ягодка, – Годунович с царём удивлённо переглянулись, – приглашение прислала на черноборский шабантуй, приуроченный к пятнице 13 числа. На посту-заставе меня с досмотром задержали, документы изъяли и заставили, «опричники» окаянные, фокусы им забавные до рассвета показывать.

– Развлекаются, значит, опричники-пограничники на заставах? – грозно зыркнул государь на воеводу государственной безопасности. – Ещё и санаторно-курортные вам, бездельникам, подавай.

Воевода побледнел и, понимаяще переглянувшись с другими силовиками, затаил лютую злобу на подчинённый личный состав.

– Продолжай, колдун, – дал «добро» ему царь на продолжение его

собственной сюжетной линии.

– Да что продолжать, – пожал плечами Василевс. – Убежать с вашего пути я уже не успевал, но, находясь в пограничном сознании, решил, что успею переместиться силой мысли в безопасное место.

– О-о, ты обладаешь даром телепортации? – самодержец уважительно подтянул брови на лоб.

– Есть немного, – скромно потупив глаза, ответил Премудрый.

– Ну а чего же не телепортировался? – скривил ехидную ухмылку Годунович. – Зато колесницу царского кортежа кувыркнул через голову. Боевые лошади от твоей карусели до сих пор в стрессовом состоянии. Кто их из шока выводить будет?

– Я смогу! – поднял голову Сероволк. – Пустите меня к лошадям.

– Ага! Тоже мне скорая ветеринарно-психологическая помощь! – вновь хмыкнул боярин. – Пусти к ним конокрада, потом и тебя, и лошадушек наших ищи-свищи как ветра в поле.

– Обожди, Борисыч! – остановил обличительную тираду ретивого боярина самодержец. – Дай колдуну договорить.

Василевс опять учтиво поклонился государю (куда бы деться, махровый интеллигент), в благодарность за вновь предоставленное слово.

– Уже практически готов был к телепорту, если бы не эти «дети рабочих», – беззлобно улыбаясь, указал Премудрый на Царевича и Сероволка, – которые со своей несвоевременной подмогой сбили меня с панталыку. Хорошо что я вспомнил кульбитное заклинание, иначе нас всех троих бы намотало на резак колесничные. Но всё равно спасибо вам, ребята, за попытку, – кивнул колдун своим товарищам по несчастью (нет, ну точно интеллигент). – Несмотря ни на что, я весьма вам признателен.

Царевич в ответ широко улыбнулся, обнажив белые здоровые зубы, а Яков Сероволк, оскалившись, только пробурчал что-то неразборчивое.

В принципе царь уже сложил все пазлы этого громкого дела, и картинка получилась совершенно безобидная. Можно было смело считать эту троицу невиновной и, приговорив к неделе общественных работ, затем отпустить на все четыре стороны. Однако такое недалёко-видное добро могло негативно сказаться в будущем и аукнуться злом. Если жестоко не наказать этих сегодня, завтра толпы людей и нелюдей безбоязненно полезут под колёса царской кареты и в конце концов устроят настоящий переворот со всеми вытекающими, ну, в лучшем случае, выползающими последствиями.

Посидев ещё несколько минут в глубоком раздумье, царь встал со своего трона.

– Итак, взвесив всё «за» и «против», выслушав все стороны, верховный суд в моём лице приговаривает виновных в попытке переворота... – тут государя отвлек неугомонный Годунович, потянувший его за рукав.

– Царь, обожди, обожди приговор оглашать, – суетливо зашептал ему на ухо боярин. Знал, коли озвучит государь приговор, какой бы то ни было, обратного хода ему уже не будет, и тем паче, никаких апелляций.

– Что ещё? – недовольно скривился Владибор Ильич.

– Я только сейчас всё понял, государь, выслушай меня, – сложив

ладони, с мольбой в глазах воззрился на царя Годунович, которому в ходе суда и следствия пришло в голову озарение.

– Говори! – нетерпеливо дёрнул плечом царь, не нравилось ему, когда вот так душещипательно смотрят на него подчинённые.

– Это же те самые герои, про которых говорила Баба-Ягодка! – высказался боярин и закивал своей довольно сомнительной догадке.

– С чего это ты взял? – ещё раз придирчиво осмотрел государь стоящую перед ним тройцу.

– Всё сходится! – торопливо затараторил Годунович, пока царь не прогнал его за такие предположения. – Колдуна ведьма вызвала? Ведьма. А Царевич с Сероволком там как оказались? Наверняка тоже ушлая ведьма подстроила. Она нам перед отъездом обещала найти не одного, а троих героев? Обещала. А как ещё понимать всё это? Точно, ведьмины проделки!

– Скажешь тоже, герои, – уже с меньшим сомнением ответил царь. – Колдун, который путает заклинания, цыган, от которого волчатинной за полверсты прёт, и этот студент рабоче-крестьянского происхождения. Они и по отдельности представляют опасность для общества, а вместе вообще гремучая смесь.

– Вот! Вот! – заулыбался Годунович. – Я что и говорю. Этих и надо за царицей отправлять. Пущай какую-никакую вину, в крайнем случае, кровью искупят. А ежели и пропадут на чужбине, такого «добра» не жалко. Тем паче, по последней переписи у нас переизбыток колдунов, жнецов, швецов и воров, а вот по богатырям недостача существенная. Немного статистику улучшим в этом плане, глядишь, и вероятные противники призадумаются.

Государь в свете последних умозаключений боярина уже под другим ракурсом взглянул на подсудимых. И впрямь, интересная тройца: стоят твёрдо, смотрят смело (цыган, зараза, даже нагло), выглядят внушительно, если не сказать, колоритно – почти как три богатыря.

Ай, была не была! Не зря же ведьма старалась, сводила вместе эту странную тройцу.

– Повелеваю! Вместо работ каторжных долголетних отрядить сих виновников в Аркфрику, на поиски и выручку царицы-матушки Надежды! – закончил свою ненадолго прерванную мысль государь и хряснул кулаком по столу. На положённой перед ним скорописным писарем бумаге с проектом приговора осталась чёрная гербовая печать с царского гербового перстня – двухглавый медведь, наступивший лапой на горло белоглавому орлану (никакой политики, просто царю картинка на конкурсе гербов понравилась, вот он её и выбрал). Печать сия означала, что приговор обжалованию не подлежит и должен быть применён к правонарушителям в полной мере.

– Лучше уж на каторгу, – проворчал Сероволк, поняв, в какую передрягу влип.

– Хорошо, цыгана на каторгу, – запросто согласился царь, впервые изменив своему окончательному решению.

– Я это так, к слову, я за царицей тоже пойду, – встрепенулся Сероволк, лучше уж такая воля, чем вообще неволя.

– То-то же, не лезь в «Бутырку», попадешь в «Кресты», – сурово пригрозил ему пальцем самодержец и обратился к двум другим «приговорённым». – Кому ещё «лучше на каторгу»?

Премудрый и Царевич, находившиеся в здравом уме и светлой памяти, отрицательно замахали головами.

– Вот и ладненько, – потёр руки государь-батюшка, радуясь, что герои особо не огорчились такому «приговору». – Считайте, вам честь высочайшая оказана – царицу из полона вражеского вызволять, – цыган порывался что-то опрометчиво ляпнуть, но, встретившись с многозначительным взглядом царского палача, благоразумно промолчал.

– Да и страны чуждедальние посмотрите, – продолжил царь формировать позитивный настрой у великолепной тройки «почти богатырей» на предстоящее предприятие. – Ты, Премудрый, своё паломничество завершишь. Ты, Царевич, на другой мир помотришь, себя покажешь. Тебе же, Сероволк, вообще развяться надо, да и с образованными людьми в пути общаться будешь. Лядишь и вовсе нормальным человеком станешь. В общем так, сейчас вас на кухню сведут, покормят, затем на склад за обмундированием. За ночь мой боярин иностранных дел пачпорта заграничные на ваши имена оформит, да ксивы служебные заверит тайными рунами, а с утраца, утро ведь вечера мудреней, вам ли не знать, так вот с утраца двинетесь в путь ироический.

Воевода ратных сил и средств кашлянул незаметно и показал на лежащее возле государя «Уложение о воинах и иже с ними», писанное ещё в незапамятные времена кровью приходивших «с мечом» супостатов.

– А, да! Чуть не забыл! – вспомнил ещё одну деталь самодержец, раскрыв книгу. – Слушайте и запоминайте! – Владибор окинул грозным взглядом весь тронный зал и, дождавшись мёртвой тишины, зачитал нужные строки. – «Статья первая. Пункт первый. Богатырь есть лицо, состоящее на особой государственной службе, пользующееся непререкаемым авторитетом среди остальных ратников и гражданского населения и имеющее почётное право ведения самостоятельных боевых действий супротив многократно превосходящего числом врага лютого, с возможностью переноса театра военных действий на территорию врага и с обязательным отчётом после окончания оных действий. Пункт второй. Богатырь обязан быть примером остальным дружинникам в службе ратной, а также для всего отечественного населения защитой и надеждой; откликаться на мольбы о помощи, стенания и плач любого происхождения и силы, неважно, направлен он к нему, али нет, до победного конца разбираться в ситуации, наказывая виновных, не давая в обиду невинных, сирых и убогих. Пункт третий. Житием своим праведным и добродетельным богатырь должен добиваться того, чтобы его жизненный путь был воспет в былинах, сказаниях или летописях. Не создавать ненадлежащими поступками предпосылки упоминания о себе в таких элементах устного народного творчества, как басня, частушка или анекдот. В противном случае данный богатырь может быть разжалован и изгнан со службы государевой, с лишением всех заслуг и регалий». Вопросы есть?

– Разрешите уточнить? – поднял руку Иван Царевич.

– Спрашивай, Ваня, спрашивай, – благосклонно кивнул царь, этот юноша ему определённо нравился, при хорошем воспитании из него бы мог получиться неплохой витязь (если кто не в курсе, специальное звание «витязь» присваивалось только наиболее заслуженным богатырям, которые вместо обычного красносуконного плаща, выдававшегося сроком на два года, ежегодно получали по выделанной тигровой шкуре).

– А нам что, и кольчугу, и шеломы выдадут?

– А то! – улыбнулся государь-батюшка. – По желанию богатырь может получить полный комплект снаряжения в своё пользование. А туда входят: богатырский конь с полной амуницией от стремени до узды, щит, меч, копьё, лук, колчан с полным боекомплектом стрел, булава, кинжал, клевец, алебарда и пороховой пистоль с одним зарядом крупной картечи. Пистоль, я надеюсь, вы знаете зачем?

– Не-а!

– Наши богатыри во вражий полон не сдаются! – с пафосом произнёс государь и откинулся на спинку престола. Приговорённые к подвигу невесело переглянулись. – Теперь ясно?

– Теперь ясно! – ответил цыган и обратился к Владибору со встречным вопросом. – А чо ежели я откажусь получать казённое имущество и пойду в поход в своих поношенных «доспехах»?

– Не возбраняется! – сказал государь. – Да и в казне, в таком случае, больше злата-серебра останется.

Государь весело засмеялся своей остроумнейшей шутке, его искренний смех синхронно подхватили бояре, не первый год слышавшие эту исключительно забавную прибаутку. Царь перестал смеяться, и придворные дружно оборвали свой отрепетированный гогот на самой верхней ноте. В зале вновь воцарилась заискивающая тишина.

– Ещё вопросы имеются? – переспросил самодержец, надеясь, что уже нет.

– Да! – поклонился Премудрый.

– Слушаю!

– Можно мне трость свою забрать?

– А мне нож? – попросил цыган.

– А мне мои причиндалы? – попросил Царевич.

– Конечно! – кивнул государь и обратился к своим вельможам. – С этой минуты повелеваю: данных лиц из-под стражи освободить, изъятые «вещдоки» вернуть, сытно-плотно накормить, обоюдный двусторонний контракт подписать, свести на склад, затем выделить каждому средств финансовых золотом в качестве подъёмных за подписание контракта и походно-командировочными снабдить в дорогу дальнюю. С утра наши воители отправляются царицу вызволять!

В тронном зале прогремело твоекратное боярско-воеводское «Ур-ра!».

– А я теперь ненадолго удаляюсь с сюжетной линии, уступая место нашим героям! – произнёс государь и, оставив новоиспечённых героев на попечение своих вельмож, в сопровождении боярина Годуновича

покинул тронный зал.

Воевода ратных сил, а также бояре иностранных дел, экономики и финансов, юстиции и социального обеспечения разобрали новоиспечённых богатырей для проведения необходимых предподходных процедур, а остальные вельможи наострились в ближайший кабак – обмыть своих и царицыных спасителей. Так сказать, дорожку «богатырям» смазать.

К слову сказать, никто из троицы так и не облачился в богатырскую форму одежды. Сероволк наотрез отказался примерять «краснополетный макинтош», как он обозвал кольчугу с защитными бляхами на плечах, ссылаясь на то, что ему «по понятиям» не положено, и одни «эполеты» у него уже в виде наколок на плечах имеются. Василевс не стал привередничать, примерил амуницию, однако вес «бронеедёжи» его смутил, а тяжесть меча и палицы так и вовсе обескуражила. Поэтому колдун тоже отказался от положенного вещевого имущества, даже кинжал не стал получать. Иван Царевич, в отличие от своих братьев, весь склад переворошил, пока нашёл более-менее подходящую по размеру кольчугу, но и она, как назло, сильно сдавливала его широкую рабоче-крестьянскую диафрагму, мешая дышать полной грудью. А как мы знаем в бою «дыхалка» для ратника наиважнейшая вещь, а если удирать придётся, тогда вообще дело швах. В общем, Ване тоже пришлось отказаться от стального обмундирования, а оружие он не взял из солидарности с товарищами. Так и остались они каждый при своих «доспехах», что в принципе было не так уж важно. Главное, что их снабдили заграничными пачпортами и служебными ксивами, где чёрным по серому (качество бумаги тогда было ещё неважное) было написано, что отныне они самые что ни на есть богатыри, защита и надежда земли родимой.

Уже установилась глубокая ночь. Во дворце все спали, даже Яков Сероволк, отпросившийся на полчаса в лес жутко повить на луну, привычно храпел на голом полу рядом с выделенными ему полатами, а молодящаяся ведьма, Баба-Ягодка, всё ещё листала свои колдовские фолианты в поисках подходящих героев для милостивого государя-батюшки.

Продолжение в следующем номере.

Илья ШУХОВ

Рецепт молодости

*До старческого не дойти брюзжанья...
И ни к чему подсчитывать морщины...
У жизни есть на всё свои причины...
Быть стариками – трудно научиться!
Не все умеют стариками быть!*
Андрей Дементьев

Быть стариками – штука непростая!
Не избежать всем жребия сего.
Но я, секреты нестаренья зная,
Гляжусь моложе внука своего.

И пофигу мне возраст мой приличный.
Чего брюзжать и сетовать, когда
Я не по-стариковски симпатичен
И мне никто не даст мои года.

Тут поделюсь я опытом, мужчины,
От поучений старческих далёк:
Желаете стереть свои морщины –
Потуже набивайте кошелёк.

У жизни есть на всё свои причины,
И хошь не хошь – приходится стареть,
Но чтоб убрать все до одной морщины,
Рекомендую «бабок» не жалеть.

Мой вам совет: вы тоже не нудите,
Не нойте, не кляните белый свет.
И, чтоб морщины не считать, ходите
В косметики лечебной кабинет.

А если же безденежье случится,
То некогда баклуши будет бить.
Придётся стариками быть учиться,
Коль не сумели «бабок» накрутить.

Святая простота

*В Иерусалиме, на Святой земле...
...вслед за ней спешит строка другая
И бьётся, словно окунь на мели.
Потом их всех, наверно, обругают
Уверенные недруги мои.*

*Во мне есть капля итальянской крови,
Прапрадед поделился ей со мной.
Её хватило, чтобы выгнуть брови...
Всё остальное я набрал в России –*

*И прямоту, острее, чем тесак,
И опыт жизни, чтоб не быть разиней,
И мудрость лет, чтоб не попасть впросак.
Так и живу – ни шагу без России...
Андрей Дементьев*

Во мне есть капля итальянской крови,
А про другие – молвить не хочу.
Прапрадед-итальянец выгнул брови,
А вот кто нос мой выгнул – умолчу.

Резоны в этом у меня простые –
Я патриотам, видно, насолил:
Твержу, мол, сам – ни шагу без России,
Но всё ж милей мне – Иерусалим.

Беру туда с собой всё из России –
И прямоту, острее, чем тесак,
И опыт жизни, чтоб не быть разиней,
Но – попадаю иногда впросак.

Я на Святой земле – что шука в море,
А дома – словно окунь на мели.
Не зря хулу мне пишут на заборе
Уверенные недруги мои.

Секрет улыбки

*Нью-Йорк приучил меня улыбаться...
Нью-Йорк – это город улыбок и шарма.*

*Друг в Тель-Авиве пятый год.
С семьёй уехав из России,
В душе он бесконечно горд...
Андрей Дементьев*

Меня в Нью-Йорке тянет улыбаться
И щерить на ходу пошире рот.
Но стоит мне в России оказаться,
Как тут выходит всё наоборот.

Ещё дарю улыбки в Тель-Авиве:
Мой друг свалил туда на ПМЖ.
А вот в Москве становится тоскливо
И неохота лыбиться уже.

Лишь за кордоном выгляжу счастливым,
Где мне любой да каждый встречный мил.
И — не было б Нью-Йорка с Тель-Авивом,
Я про улыбку б начисто забыл.

В своих пенатах же каноны эти
Я нарушаю только трижды в год
И улыбаюсь с фото в «Литгазете»,
Когда она стихи мои даёт.

Проделки компьютера

*Наконец я со стихами завязал.
Но компьютер вновь меня позвал...
Андрей Дементьев*

Взял я — со стихами завязал.
Баста! — строго сам себе сказал.
Но компьютер тут к себе позвал:
Хлынул вновь стихов девятый вал!

Строк пятьсот — неведомо о чём.
А когда те строки я прочёл,
То подумал: пусть в печать идут,
Если даже их не очень ждут.

Я-то со стихами завязал,
Но компьютер, вредный, отказал.
Будет кто-то недоволен мной —
Ни при чём я: комп тому виной!

Задним умом

*Талант даётся свыше навсегда.
И задницей его не заимеешь.
Что на страницах ты, коллега, мелешь?
Ведь всё равно откроется обман,
И труд напрасный в неизвестность канет...
Андрей Дементьев*

Талант даётся свыше навсегда.
И задницей его не займешь.
Я это понял в давние года.
И понапрасну ты, коллега, мелешь

Такие непотребные слова,
Что будто славы я добился задом.
Нет, помогала мне и голова —
Заполучить и званья, и награды.

Мне «Литгазета» стала как родня,
Иначе б кайфа не было такого:
Когда-то я печатал Полякова,
Теперь вот — он печатает меня.

А про талант... Да ну его к чертям.
Пускай другим он и даётся свыше.
Да будет «Литгазета» — мой причал!
Я — гений под её надёжной крышей!

Она — спасительный мой талисман.
Сияет в ней мой лик, как на экране.
А без неё — откроется обман,
И труд напрасный в неизвестность канет.

Последний шанс

*Снимаю с книжных полок
Забытых мастеров.*

*Талантливые строки
Убиты наповал.*

*И если бы не Нобель,
И Бродский бы погас,
И никогда б не пробил
Его бессмертный час.
Андрей Дементьев*

Листаю мастеров забытых
И думаю: ну и фигня!
Сегодня-то я именитый,
А завтра — вспомнят ли меня?

Одна надежда — это Нобель,
Швед достославный — гой еси!
Не будь его, исчез давно бы
И след поэтов на Руси.

Ведь есть у нас обычай скотский —
Крушить таланты наповал.
Кабы не Нобель, даже Бродский —
И тот бы в вечность не попал.

Я тоже — мастер. В «Литгазете»,
Где мне — и брОня, и бронЯ,
Стихи даю: а вдруг заметит
Спаситель Нобель и меня!

Не замечает...Что ж, поверьте:
Не нынче-завтра прошибёт.
Уж так не терпится — до смерти —
Попасть в бессмертный список тот!

Напрасные хлопоты

*И так прекрасен лес осенний
В убранстве сосен и берёз.
Но всё уже воспел Есенин.
И красоту с собой унёс.
Андрей Дементьев*

Брожу я под лесною сенью,
Гляжу вокруг — и не пойму:
Коль красоту унёс Есенин,
Тогда стихи писать к чему?

Да и другие были схожи.
Ну вот хотя бы, скажем, Блок.
Он, уходя, с собою тоже
Немало красок уволок.

Творю в смятении глубоко,
Плодя в стихах за штампом штамп:
Вместе с Есениным и Блоком
Прибрал кой-что и Мандельштам.

Вот и брожу в лесу напрасно.
Читатель, уж меня прости,
Но что попишешь, если краски
Успели мэтры унести!

Чья возьмёт?

*И чего вам тихо не сиделось?
Жизнь моя была вам вопреки.
Обогать в газете — эка смелость!..
Я, как князь Олег, «иду на вы».
Андрей Дементьев*

Кто крыл меня в газете – берегитесь!
«Иду на вы». Иду на вас войной.
«Иду на вы», как древнерусский витязь,
Как князь Олег когда-то шёл на бой.

Сооружу из орденов кольчугу –
Прочнее и надёжней в мире нет –
И покажу вам, недруги и други,
Кто самый первый на Руси поэт.

Вот то-то будет жаркой наша схватка!
Всех оглушу, наградами звеня,
Чтоб вы оставили свою повадку
В газетах впредь охаивать меня!

Сон не в руку

*Мне приснился Президент.
Мы сидели рядом.
Я использовал момент -
Попросил награду.
Андрей Дементьев*

Я награды получал
При социализме.
Рухнул он. И я помчал
Дальше от Отчизны.

Ну, Израиль, привечай
Пришлого поэта!
Только странно промолчал
Он в ответ на это.

Возвратился я в Москву:
Помнит, не забыла.
И подумал наяву:
Тут мне лучше было!

Закемарил как-то днём,
Погрузясь в нирвану.
Вижу: фрак мой, а на нём –
«Андрей Первозванный»!

Я проснулся в тот момент,
От смущенья красен.
Знать, не ведал Президент:
На медаль согласен.

Момент истины

*Мне приснился Президент.
Мы сидели рядом.
Я использовал момент –
Попросил награду.
Андрей Дементьев*

Мне приснился Президент.
Мы сидели рядом.
Как узнал меня – в момент
Повернулся задом.

Догадался, видно, бес:
Попрошу, мол, орден.
Сразу шкурный интерес
Прочитал на морде.

Всё ж боролся я за мир
В Тель-Авиве рьяно.
И ценил меня Шамир,
Как Моше Даяна.

А в былые времена
Возглавлял я «Юность»...
Что ж ты вдруг ко мне, страна,
Задом повернулась?

На теперешней Руси
Стало нелегко мне
Славу снова обрести,
О себе напомнить.

Просчитал я это вмиг –
Бог ведь шельму метит –
Да и ляпнул напрямик:
– Я Андрей Дементьев,

Мол, известнейший поэт,
Да почти что классик!
Вы, наверно, мой куплет
Хором пели в классе.

Посему – ох, мне нужна
Позарез награда...
Президент как крикнет: – На!
Но... встать уж надо.

г. Алматы.

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ** (г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы), **Л. Ю. ЮРКОВА** (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Поэзия

- И. Елефтериади.** «В целом мире с тобой потеряемся мы...». Стихи 3
С. Ким. «Сердце бьётся горестно и сладко...». Стихи 49
А. Бывшев. «Даль зовёт к себе в объятья...». Стихи 88

Проза

- М. Масалин.** Падшие и чистильщики. Повесть о героях
и антигероях эпохи перемен (продолжение) 11
В. Шупейкин. «Дорогая редакция...». Повесть (окончание) 56
А. Зайцев. Собака. Рассказ 95

Культура. Общество. Личность

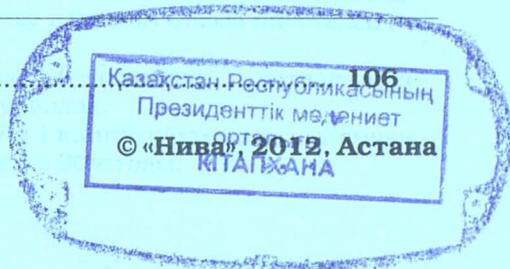
- М. Останькович.** Поэзия музыки 98

Горизонты духовности

- Н. Зайцев.** Чудное мгновение 102

В семейном кругу

- Н. Махамбетов.** Наследие. Повесть

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **И. Н. Юзупанова.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 08.12.2011 г.

Подписано к печати 30.12.2011 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 6560.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

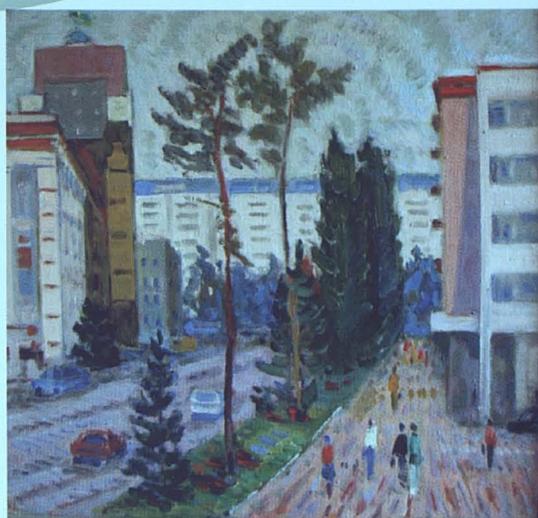
Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.

ИЗОальбом "НИВЫ"

Из работ Павла Лысенко

Пробуждение.

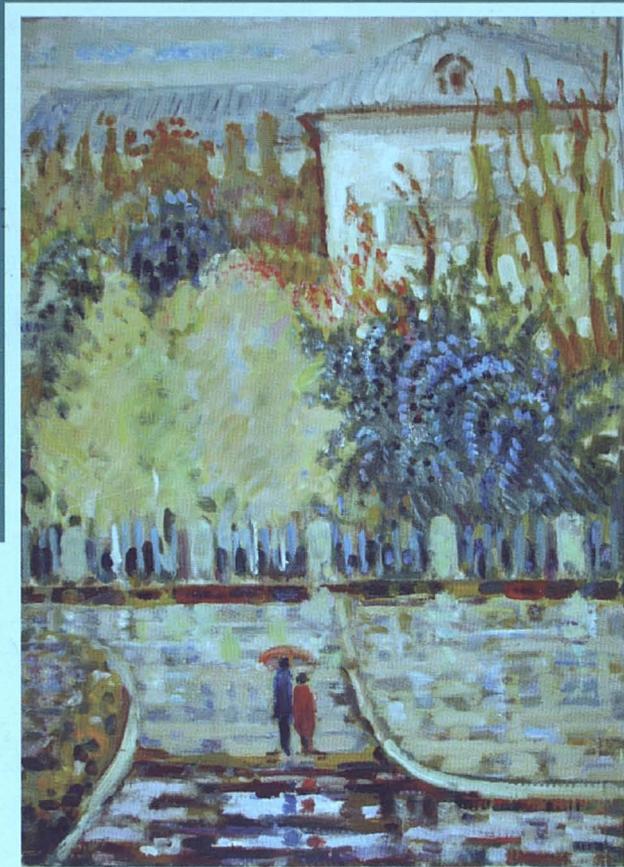

Наш город.

Осенние хлопоты.

Индексы $\frac{75775}{25775}$

Уважаемые читатели!

Продолжается подписка на 2012 год.

Журнал «Нива» - к вашим услугам.

«Нива» - для истинных любителей литературы.
Солидное издание для интеллигентных людей.

Мы нужны друг другу!

Подписаться на «Ниву» можно в филиалах АО «Казпочта»,
ТОО «Эврика-пресс», ТОО Агентство «Евразия-пресс»,
ТОО СП «Аргументы и факты. Казахстан» и агентстве «Press.kz».

Индексы журнала:

для индивидуальных подписчиков - **75775**,

для предприятий и организаций - **25775**.